

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Издательство Томского университета

Томск - 1981

902.6 + 902.7] (С18)(063)

Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / ред. Плетнева Л.М. - Томск: Изд-во ТГУ, 1981. - 10 л. - Цена I р. 50 к. 500 экз.

Сборник содержит материалы V Западно-сибирского археолого-этнографического совещания по методологическим аспектам археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Большое внимание уделено вопросам источниковедения, этнической и социальной интерпретации археологических культур, методике археолого-этнографических сопоставлений, антропологическим исследованиям и роли экологического фактора в исторических процессах древних обществ.

Редактор - канд. ист. наук Л.М. Плетнева

© Издательство Томского университета, 1981 г.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

М.Ф. Косарев

В последние годы отмечается "информационный взрыв" в археологии, во многом обязанный разворачиванию археологических работ в зоне новостроек. Некоторые археологи склонны расценивать новостроечные экспедиции как положительное явление: появилась возможность исследования памятников по микрорайонам, ускорились темпы раскопок в связи с применением техники и землеройных машин, многократно возросла источниковедческая база и т.д. Нам представляется, что это — односторонняя оценка. Если форсированные раскопки с широким применением землеройной техники в зонах новостроек в целом оправданы, хотя и являются печальной необходимостью, то наблюдаемое сейчас перенесение и активное внедрение новостроечных методов за пределы новостроек сопро-
вождается, на наш взгляд, общим снижением методики археологических раскопок. Раскопки по принципу — чем больше и быстрее, тем лучше — все более внедряются в повседневную полевую практику. Мы стремимся раскапывать в первую очередь самые хорошие и самые богатые памятники, не думая о том, что через сотни лет, оставь мы их сейчас в покое, они при возросшей методике полевых исследований дали бы во много раз большую научную информацию.

В свете закона "Об охране и использовании памятников истории культуры" кажется странным, что одним из главных показателей научной значимости археолога по-прежнему является число раскопанных им древних памятников — 50, 100, 150 и т.д. Наверное, когда-нибудь научатся исследовать древние поселения и могильники, не нарушая их, но, учитывая нынешние темпы раскопок, надо полагать, что когда это время наступит, археологических памятников уже не будет и возросшие возможности осмысления археологических находок не смогут быть реализованы из-за отсутствия полноценных источников.

Думается, что методологические принципы нашей археологической науки должны исходить из единства научной и морально-этической сторон исследовательского процесса, из необходимости сберечь памятники — как мы жалеем сейчас исчезающие виды жи-

вотных и птиц, а также исходить из того, что темпы накопления археологических материалов должны находиться в разумном динамическом равновесии с возможностями его исторического осмысления.

В настоящее время все более крепнет убеждение, особенно среди молодежи, в возможности и необходимости создания каких-то абсолютных схем и формул, при помощи которых можно вычислить (а не исследовать) исторические процессы и археологические культуры. Между тем использование математических методов в исторической науке правомерно, прежде всего, на эмпирическом, источниковедческом уровне исследования. Нельзя ставить знак равенства между математической и исторической логикой, так как это может привести к подмене диалектического подхода метафизическим, что будет грубой методологической ошибкой. Трудно себе представить, что ЭВМ, питающиеся усредненными и зачастую субъективно подобранными показателями (но тем не менее возведенными в статус аксиом!), могут обладать интуицией, способны исходить из парадоксальных ситуаций, в силах учитывать динамическое многообразие локальных и хронологических тенденций, в состоянии тонко и нестандартно проникать в глубь явлений.

В своих исследовательских поисках мы должны исходить из того, что схема - это не конечный, а промежуточный этап познания; что по-настоящему научной схемой является не статичная установка, поданная на уровне формулы, а схема, предусматривающая простор для исследовательского творчества; что исследователь не тот, кто знает все существующие схемы и умеет подогнать под них материал, а тот, кто способен выходить за рамки традиционных точек зрения, преодолевать давление существующих схем и формул, разумно сомневаться в аксиомах и устоявшихся взглядах.

Трудно согласиться с учеными, считающими, что научное понятие всегда однозначно и во всех случаях имеет строго определенное содержание и объем (Ю.Н.Захарук). Признавая динамичность, многогранность и внутреннюю противоречивость явлений, в том числе и явлений археологической действительности, мы тем самым должны признать, что отражающие их научные понятия могут нести в себе одновременно несколько неодинаковых содержания. Отрицая это, мы закрываем возможности для развития по-

нения, консервируем его и делаем нарочито односторонним. Более того, допуская однозначность, строго определенное содержание и объем понятий, мы, вольно или невольно, исходим из невозможности развития теоретического знания, потому что развитие теоретического знания — это развитие понятий и переход от одних понятий к другим. Такое развитие и такие переходы невозможны при строгой однозначности формы и содержания понятий.

Это можно продемонстрировать на примере развития понятия "этнос", в котором сейчас выделяют две разные стороны — этнос как социальная категория и этнос как популяция. Названные стороны являются двумя разными содержаниями единого понятия "этнос", и если мы попробуем исключить одно из них, то этнос в его современном понимании и само научное понятие "этнос" перестанут существовать.

Односторонний подход к этносу как научному понятию особенно часто проявляется при попытках социальной и этнической атрибуции археологической культуры. Стала традиционной схема, по которой археологическая культура совмещается с группой родственных по происхождению племен, то есть с этносом, который, в свою очередь, определяется как социальный организм. Нам представляется, что эта схема характеризует идеальный случай совмещения. Конечно, такая схема нужна, но нужна, на наш взгляд, лишь в той мере, в какой, например, географам-ландшафтоведам необходима схема "идеального континента". В действительности такие эталонные схемы не могут отражать многообразие и сложность реальной картины, что обязательно следует оговаривать в наших археолого-этнографических исследованиях. Ведь даже племя, если рассматривать его в динамике, не всегда выступает как единый этнос. Судя по сибирским археологическим и этнографическим материалам, одним из вариантов сложения племени был следующий: в чужеродную среду внедрялась группа мигрантов — как правило, род или группа родственных родов. Эта пришлая экзогамная группа должна была вступать, нередко после кровопролитных войн, в дуально-брачные связи с этнически чуждыми аборигенами, то есть вынуждала местное население к взаимодействию на фратриальном уровне. При социальной оценке эти две традиционно брачующиеся половины выступают вроде бы как единый социальный организм, а в этническом отношении они осознают себя как два разных народа и во всех других сферах противоборствуют друг другу, причем,

это противоборство тоже закрепляется традицией и может длиться сотни лет. Таким образом, проблема соотношения культуры, этноса и племени чрезвычайно сложна и не может быть вменена в однозначные рамки, потому что любая строгая схема неизбежно ограничила бы наши исследовательские возможности.

Многие ученые продолжают считать, что археологический материал является не только основным, но, по существу, единственным источником познания далекого прошлого, и мы в своих исторических исследованиях почти не используем тех многогранных возможностей, которые дают нам экология, палеогеография, этнография и другие науки. Сейчас среди ученых, особенно философов, все чаще поднимается вопрос об "экологизации" науки (Кантор, 1977; Герасимов И.П., 1978). Высказывается точка зрения, что экологию следует понимать не столько как особую науку, сколько как "специфический общенаучный подход к изучению различных объектов природы и общества, наряду, скажем, с системным и кибернетическим подходами" (Герасимов И.П., 1978, с.67). Такой подход особенно оправдан применительно к древней истории и, прежде всего, к истории первобытного общества. К.Маркс и Ф.Энгельс считали, что нельзя дойти "хотя бы только до начала познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе" (К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.2, с.166).

Сейчас в археологии все явственнее обозначается разрыв между быстрыми темпами накопления археологического материала и крайне медленными темпами его исторического осмысления. Парадоксально, но факт: все лучшие обобщающие работы по древней истории Сибири написаны на рубеже 1940- и 1950-х гг., то есть задолго до нынешнего так называемого "информационного взрыва" в археологии. Я имею в виду, прежде всего, "Древнюю историю Южной Сибири" С.В.Киселева (1949) и "Неолит и бронзовый век Прибайкалья" А.П.Окладникова (1950, 1955). До сих пор никто из сибирских археологов по глубине историзма не только не превзошел их, но, пожалуй, и не сравнялся с ними, несмотря на то, что источниковедческая база увеличилась во многие десятки, если не в сотни раз. Совершенно очевидно, что традиционные археологические методы, сама по себе, без их дальнейшей разработки и без внедрения в них новых подходов уже не в состоянии обеспечить достижение новых ступеней историзма, нового уровня теоретических обоб-

щений.

В свете сложившейся диспропорции между эмпирическим и теоретическим (источниковедческим и интерпретационным) уровнями археологического исследования внедрение экологического подхода в археологию представляется особенно актуальным. Можно без преувеличения сказать, что вне "экологизации" археологической науки нельзя плодотворно разрабатывать такие важные проблемы древней истории Сибири, как факторы изменения форм экономики (и в частности, предпосылки становления производящего хозяйства), причины "расцветов" и "упадков" древних культур, условия неравномерности исторического развития населения разных географических районов, региональные особенности материальной и духовной культуры первобытных народов, причины, содержание и социальные последствия древних миграций и т.д.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В.И.Матющенко, И.Г.Глушков

Общепризнано в советской литературе, что археология является исторической наукой, имеющей специфический предмет, объект, а следовательно, и метод исследования. По всем этим вопросам в настоящее время идут достаточно оживленные споры, но вместе с тем некоторые теоретические и методологические проблемы уже решены или близки к решению. Археология имеет, по крайней мере, два уровня исследований. Первый, источниковедческий уровень имеет целью обнаружение и исследование археологических памятников в широком смысле этого слова. Среди целей исследования этого уровня одной из главных является типологизация и систематизация имеющихся материалов. Важно подчеркнуть также и то обстоятельство, что на этом уровне невозможно выходить на исторические обобщения. Второй уровень археологии, реконструктивный, интерпретационный, имеет целью изучение закономерностей развития определенной группы общества как части большой социальной системы. Изучение этих закономерностей на реконструктивном уровне возможно вести только в той мере, в какой они нашли отражение в археологических материалах, упорядоченных и изученных на предшествующем уровне. Этот второй, реконструктивный, уровень наиболее полно отражает существо историзма в археологии, так как

именно на реконструктивном уровне археологические материалы выступают как источники для историко-археологического исследования.

В связи с изложенным ясно, что на первом, источниковедческом уровне исследователь имеет дело с абстрактно выделенными типами и группами явлений материальной культуры, каждая из которых представлена изолированно, в чистом виде.

На втором, реконструктивном, этапе исследователь имеет дело с богатой исторической действительностью, в которой в сложном переплетении, в разных пропорциях и связях находятся и взаимодействуют типы и группы источниковедческого этапа. На реконструктивном этапе обнаруживаются иные типологические группы, те, которые существовали в конкретном обществе. Каждая из таких групп явлений материальной культуры включает в свой состав богатую палитру признаков, разных по происхождению, а главное, они отражают только один момент в динамике развития общества, а потому они не могут быть безусловно сопоставимы с теми типами и группами, которые выявлены были на источниковом уровне.

Если обратиться к западносибирской археологии, то здесь, на наш взгляд, есть необходимость тщательного анализа ряда исследований с изложенных позиций.

Так, в последнее время здесь сложились две точки зрения по ряду вопросов, в частности, по вопросу происхождения еловской культуры. М.Ф.Косарев и В.А.Посредников считают, что еловская культура в Приобье является результатом слияния двух орнаментальных традиций — пришлой раннееловской и андроновской. Другая точка зрения (одного из авторов настоящего сообщения) состоит в том, что еловская культура формируется на базе предшествующей самусьской под воздействием слияния самусьцев и андроновцев. Интересно, что все авторы оперируют одними и теми же памятниками. Различия состоят только в методике исследования, что, по нашему мнению, является отражением разных методологических позиций исследователей.

Так, М.Ф.Косарев и В.А.Посредников, пользуясь типологическим методом, расчленяют материалы Самусь IV на две орнаментальные группы: 1) орнамент, исполненный отступающей техникой, и 2) орнамент, исполненный печатной техникой. Эта работа проведена на источниковедческом уровне, что помогает исследовать историю развития объекта, но не отражает историю этого развития.

Два типа керамики, по М.Ф.Косареву и В.А.Посредникову, являются гносеологическими категориями, помогающими понять историю объекта. Однако М.Ф.Косарев и В.А.Посредников понимают эти типы как исторические, существующие в реальной исторической действительности. В этом случае печатно-гребенчатая техника не помещается в комплекс самусьской отступающей техники. Поскольку печатно-гребенчатая техника бытует в Зауралье и на Севере Западной Сибири, то проще всего объяснить ее появление в Приобье миграцией носителей ее. Таким образом, результаты типологического анализа на источниковедческом уровне практикуются как исторические категории, что, безусловно, ошибочно.

В работах одного из авторов настоящего доклада (В.И.Матющенко) также фигурируют типы керамики на поселении Самусь IV, в основе выделения которых находится форма сосудов. Этого достаточно, чтобы, не учитывая орнаментацию, технику орнамента, технологические свойства керамики и пр., создать собственно историческую классификацию, что и было сделано. Пользуясь типологической классификацией как вспомогательным средством для исторического осмысления самусьской керамики, мы выявляем, что в состав самусьской культуры входит компонент, названный М.Ф.Косаревым и В.А.Посредниковым раннееловским, а сама еловская культура предстает генетической преемницей самусьской.

Марксизм-ленинизм учит, что для познания современной действительности недостаточно непосредственного обращения к ней самой, ибо последняя есть результат исторического развития, воплощающая в себе разносторонние, сложные связи прошлого с настоящим и будущим. В полемике с Н.К.Михайловским В.И.Ленин указывал: "...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего" (В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.I, с.181). На этом методологическом положении основан принцип историзма, обуславливающий исторический метод, который нацеливает на раскрытие конкретных форм общественного процесса в пространственно-временных связях, в состоянии развивающейся исторической действительности.

В практике археологического исследования нередко случается смешение исторического и логического в познании исторической действительности. В археологии одной из форм логического является типологический метод, который выступает логическим

средством познания исторической действительности. Типология — это способ абстрагирования, который означает нахождение основных форм, отражающих реальные процессы, но не существующих в чистом виде в действительности (Гулыга). В общих чертах логическое и историческое совпадает соответственно с эмпирическим и теоретическим уровнями науки. Но это совпадение не полное, ибо и на теоретическом уровне можно пользоваться типологическим методом, который будет иметь вспомогательное значение, будучи подчиненным историческому методу. В практике исторических исследований надо иметь в виду, что соотношение исторического и логического есть соотношение истории развития объекта и истории его познания. Процесс исторического развития — не простая логическая операция, сводящаяся к восхождению от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, это есть развитие от одной конкретности к другой. Любая логическая категория "не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного к живому целому" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 727). К. Маркс писал, что восхождение от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 726). Иначе история познания объекта не совпадает с историей его развития. Если речь идет о совпадении исторического и логического, то мы имеем, в первую очередь, историю познания объекта, но не историю его развития. Значит, нельзя результаты логического анализа переносить на историческую действительность. Исторические выводы можно получить, анализируя историческим методом абстрактные категории (выведенные логическим методом).

Отступление от этих принципов допущено М. Ф. Косаревым и В. А. Посредниковым, когда они абстрактные типы керамики, выделенные типологически, отождествляют с историческими типами керамики, бытовавшими в реальной действительности. Иначе говоря, исторические и археологические исследования были проведены на одном источниковедческом уровне, что привело к сведению археологии к числу вспомогательных источниковедческих наук, что противоречит современным представлениям.

Вместе с тем В. И. Матющенко, в свою очередь, следовало пред-
варить своим работам обстоятельный источниковедческий анализ

материала, что поставило бы на свои места и исторические типы, выделенные нами в еловском комплексе.

Сопоставляя обе позиции: нашу и М.Ф.Косарева с В.А.Посредниковым, надо заметить, что это исследования разнорядковые. Первая — это исторический, интерпретационный уровень, вторая — источниковедческий уровень. При кажущемся противоречии обе точки зрения дополняют друг друга, а не исключают взаимно.

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА АНТРОПО- И СОЦИОГЕНЕЗА

А.Ф.Косарев

1. Процесс становления человека описывается в современной науке двумя категориями: антропогенезом и социогенезом. Под антропогенезом понимается становление биологического вида *Homo sapiens*, под социогенезом — становление у этого вида коллективных форм жизни. В первом случае мы имеем дело с биологической эволюцией, во втором — с социальной. Причем, перед глазами исследователя обе эволюции предстают как два параллельных процесса. Параллелизм этот закрепляется существующей научной практикой: изучение первой эволюции берет на себя антропология, изучение второй — история. Стремление соотнести эти эволюции в рамках антропологической или исторической науки заканчивается в лучшем случае обнаружением точек соприкосновения, когда отдельные этапы одной из них приурочиваются к отдельным этапам другой (Алексеев, 1975). Такой подход, без сомнения, правилен, поскольку фиксирует, сопоставляет и обобщает факты. Однако он недостаточен для построения единой теории становления человека, т.к. останавливает наше познание на уровне взаимодействия и потому не преодолевает параллелизма.

2. В поисках подобной теории некоторые исследователи предлагают рассматривать вместо двух процессов один — антропосоциогенез — и заверяют, будто бы он осуществляется согласно новым, не имевшим ранее места и исчезнувшим впоследствии, смешанным в единое целое биолого-социальным закономерностям (Семенов, 1966). Однако никому еще не удалось проиллюстрировать это утверждение хотя бы одним примером такой смешанной закономерности. По той простой причине, что смешанных закономерностей не знает ни одна наука. И хотя понятие антропосоциогенеза сыграло положительную роль в осознании необходимости преодоления па —

параллелизма, оно задачу эту не решает, поскольку не выводит ее рассмотрение за пределы взаимодействия, а создает лишь видимость ее решения: противоположности взаимодействуют, взаимопроникают, перемешиваются и образуют некую однородную биосоциальную консистенцию.

3. Для того, чтобы выявить единство антропо- и социогенеза, необходимо вырваться из порочного круга взаимодействия и выйти на новый познавательный уровень. А это возможно в том случае, если антропогенез и социогенез рассматривать не как две составные части одного и того же процесса становления человека, а как две его проекции. В первом случае весь процесс становления человека проецируется нашим познанием через призму биологической эволюции, во втором — через призму социальной эволюции. Иными словами, в первом случае весь процесс становления человека целиком выступает как антропогенез, во втором — целиком как социогенез. Происходит их взаимное превращение: антропогенез, будучи таковым в одной системе отсчета (в одной проекции), становится социогенезом в другой, и наоборот. Силой, "переключающей" одну эволюцию на другую, является трудовая деятельность человека. Именно она завязывает тот "узелок", который соединяет обе эволюции в единый процесс, и которая не позволяет им в то же время "перемешиваться", оставляя по одну сторону от себя антропогенез, а по другую — социогенез.

Таким образом, в конкретном познавательном акте реализуется один из главных принципов диалектики — закон единства и борьбы противоположностей. Согласно этому закону противоположности находятся в единстве не потому, что они взаимодействуют друг с другом или перемешиваются между собой, а потому, что при определенных условиях могут переходить друг в друга, становиться одна другой.

4. Такое взаимопревращение осуществляется при переходе из одной системы отсчета в другую.

Социогенез становится антропогенезом в том смысле, что в системе природных связей он начинает выполнять функции антропогенеза. Он является, во-первых, объектом и продуктом антропогенеза, потому что отбор биологических структур индивида идет по признаку способности к трудовой деятельности, во-вторых, его целью и средством, поскольку стимулирует биологическую эволюцию в направлении именно данного признака, элиминируя все дру-

гие линии развития, в-третьих, его условием, ибо вне социогенеза невозможно закрепление в биологии человека таких структур, которые соответствуют указанному признаку. Иначе говоря, социогенез органически включается в механизм естественного отбора — главный механизм всякой биологической эволюции.

Антропогенез начинает выполнять функции социогенеза в системе исторических связей. Он является, во-первых, объектом и продуктом социогенеза, поскольку биология человека формируется соответственно потребностям развивающейся социальной среды, он является, во-вторых, целью и средством социогенеза, т.к. именно в антропогенезе формируется главный социообразующий фактор — способность к труду, в-третьих, его условием, ибо вне антропогенеза невозможен был бы до сравнительно недавнего времени социогенез, и, в-четвертых, механизмом социогенеза, потому что совершенствование общественных форм осуществляется здесь благодаря деятельности развивающегося в биологическом отношении человека — главной производительной силы общества.

Однако ведущая роль в этом единстве двух эволюций принадлежит социогенезу: он выполняет функции антропогенеза только в той мере, в какой это позволяет ему как можно лучше выполнять свои собственные функции; антропогенез является его целью лишь до тех пор, пока он служит средством социализации человека.

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СВЯЗИ С ЗАДАЧЕЙ ИХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Э.С.Маркарян

I. Основная познавательная функция сравнительных исследований состоит в систематическом установлении сходства и различий в изучаемых объектах в соответствии со ставящимися задачами. Хотя часто можно встретить утверждения о "несравнимых объектах", на самом деле с логической точки зрения несравнимых объектов не существует. Любые объекты могут быть сравниваемы между собой, если того требует ставящаяся познавательная задача. Другое дело, что сравнение приобретает качественно различный характер в зависимости от того, сравниваются ли однопорядковые, эквивалентные объекты, или же объекты, не характеризующиеся этими свойствами. При утверждении о несравнимости объектов имеется обычно в виду как раз мысль об их неоднородности.

ти, неэквивалентности.

2. В связи со сказанным вопрос о критериях эквивалентности объектов приобретает для практики сравнительного исследования фундаментальный характер. Подобные же критерии обеспечиваются соответствующими научными теориями об объектах, включенных в контекст сравнительного исследования. Степень методологической ценности той или иной теории для сравнительного исследования как раз и обуславливается прежде всего тем, насколько адекватными являются критерии, благодаря которым сравниваемые системы могут быть отнесены к классам эквивалентных или же неэквивалентных объектов. Например, очень часто традиционные культуры Востока сравниваются с современной западноевропейской культурой как однопорядковые объекты. Но при этом не учитывается то очень важное обстоятельство, что данные культуры выражают собой качественно различные этапы общественного развития. В силу этого они не могут быть интерпретированы как эквивалентные объекты.

3. Следует учесть, однако, что установление исторической эквивалентности объектов культуры не поддается однозначному решению. Дело в том, что при использовании общетадиальных, в частности, общественно-формационных типов, оценка эквивалентности культурно-исторических систем связана с установлением их общей природы. Между тем данное основание, как бы оно ни было важно, не является единственным в интересующем нас отношении. Существует и другое основание, создающее качественно иную проекцию рассмотрения проблемы эквивалентности объектов культуры. Эта проекция направлена на вскрытие индивидуально-неповторимых черт данных объектов, теоретическая кристаллизация и упорядочение которых происходит благодаря особой генерализирующей индивидуализации культур, их локальной типологизации (Маркарян, 1978, с.12-15; 1979, с.109-112).

4. Для характеристики этой исследовательской проекции целесообразно использовать предложенное А.Н.Северцевым понятие "идеоадаптации". Как известно, А.Н.Северцев под "идеоадаптациями" понимал приспособления к строго определенным условиям среды в отличие от "ароморфозов", выражающих прогрессивные изменения общего и универсального плана (Северцев, 1967, с.81). Общенаучная интерпретация этих понятий, с максимальным учетом специфики социально-исторических процессов, может быть весьма

полезна для исследовательской практики современного обществознания. Это позволит, в частности, для характеристики интересующей нас познавательной ситуации ввести понятие "культурных идиоадаптаций", которое подобно понятию биологических идиоадаптаций должно будет выразить релятивные формы общественной жизни, непосредственно зависящие от конкретных условий среды обитания. Рассмотренные с этой точки зрения, скажем, буддизм, конфуцианство, ислам, традиционные системы изобразительного искусства или же этикетные формы Индии, Китая, Японии, арабских стран, с одной стороны, и соответствующие им компоненты культуры современной Западной Европы могут быть в целом признаны эквивалентными. Но эквивалентны они уже не в силу их однотипности, а по иным критериям. Каковы эти критерии? Вопрос этот еще требует своего тщательного изучения. Несомненно, однако, что ключевым понятием для рассматриваемых познавательных ситуаций выступает локальный исторический тип культуры, выражающий индивидуальную вариантность развития общества.

5. Обобщая, можно сказать, что существует два вида эквивалентности объектов культуры. Один из них строится по принципу однотипности, другой, наоборот, по принципу идиоадаптивной релятивности. В первом случае, путем построения общих исторических типов культуры, ее объекты сводятся в единый эквивалентный ряд благодаря присущим им некоторым общим, инвариантным свойствам. В другой случае, путем построения локальных исторических типов культуры, ее объекты сводятся в единый ряд уже в силу того, что они выражают собой идиоадаптивные решения определенных, конкретно заданных проблемных ситуаций в соответствии с потенциями специфических традиций исторических общностей людей, присущего им социально-аккумуляированного индивидуального жизненного опыта.

6. Сегодня мы находимся на пороге значительно более глубокого и полного понимания системного единства исторически данных культур, тех реальных комбинаций, которые образуются соотношением их общих и локальных компонентов, часто гипертрофированных и противопоставляемых друг другу. Одним же из важнейших условий подобного понимания является выработка адекватных познавательных средств пропорционального исследования отмеченных компонентов. Предложенные выше принципы установления эквивалентности культур при их сравнительном изучении непосредствен-

но связаны как раз с этим направлением научного поиска.

О ЯЗЫКЕ ВЕЩЕЙ

Д.С.Клейн

При современной разработанности информатики понимание археологических объектов как вещественных источников и и ф о р м а ц и о далеком историческом прошлом естественным образом приводит к рассмотрению их в свете семиотики и теории коммуникации. Возможности коммуникационного подхода к археологии заметил Чайлд (1936), перспективность приложения идей структурной лингвистики первым оценил Клакхон (1960).

Коммуникационный подход к самой науке испытал Д.Кларк (1968), представив археологический материал сообщением о стереотипных идеях древнего населения, направленным к исследователю-археологу, и изучив соотношения полезной информации и шума в структуре археологических типов. Он говорит о грамматике археологии. Позже сделана попытка представить системой коммуникации не познание, а культурно-исторический процесс - преемственность и смену культур (Клейн, 1972).

Семиотический подход предполагает представление об археологическом материале как о знаковой системе - языке (в широком смысле) и подразумевает различение эмпирически фиксируемой формы знаков и их содержания, смысла. Археологов подготовил к пониманию этого Тейлор (1948) своим отделением культурного от эмпирического, а Пайк (1954) перенес на все культурные явления лингвистическую дихотомию фонетика - фонемика, введя (путем отделения корня фон-) понятия этний и эмний (etic - emic).

Гарден (1958-1973), применив дескриптивно-лингвистическую концепцию, разработал специальный документационный язык для унифицированного описания этного аспекта археологического материала - язык с лексикой, "парадигматикой" (упорядочением готовых семантических единиц) и синтаксисом (правилами комбинирования), в которых видят проекцию внешней организованности языка вещей. Однако текстом для компонентного анализа у Гардена выступает только словарь, ибо эмний аспект археологического материала столь же операционально разработать не удалось.

Для эмного аспекта Дип (1967) ввел понятия фактемы и формемы (аналогичные фонеме и морфеме у лингвистов), а для равнознач-

ных вещей, разных лишь в этном аспекте, - понятия аллофакта и аллоформа (аналогичные лингвистическим аллофону и алломорфу). Чжан Гуан-чжи (1967) рассмотрел значение позиции артефакта in situ (в археологическом контексте) по образцу лингвистического анализа слова в тексте и приравнял поселение к предложению. Хаймз (1970) поставил вопрос о том, что вообще значение единиц одного уровня зависит от других уровней и что этих уровней и аспектов больше, чем пока вовлечено в рассмотрение.

Замысел Бочкарева (1975) построить систему понятий с бинарными оппозициями на трех уровнях не получил удачной реализации из-за частичного смешения индивидуальных объектов археологии (артефакт, памятник) с суммарными, выражаемыми в абстракциях (свойство, признак и др.), и из-за неполного учета уровней. В моей системе (1979) вместо 3 уровней предложено (с обоснованием) 5, а вместо бинарных оппозиций прослежены соответствия по нескольким аспектам. Ликвидация скрытых стяжений позволяет избавиться от смещений и перекосов в соответствиях при переводе из этного аспекта в эмный, а это основа перевода с языка древних вещей на современный словесный язык историка.

Безуспешность многих попыток приложить идеи структурной лингвистики к археологии коренится в ориентировке на понятийное обеспечение процесса чтения и понимания текста, тогда как археологическую интерпретацию правильнее уподобить переводу (Клейн, 1978) и привлечь теорию перевода. В ряде ситуаций речь должна идти о переводе с неизвестного языка, и за идеями надо обратиться к теории расшифровки (Клейн, 1979); один из результатов - перемена стратегии группирования.

Обе теории не позволяют ограничиваться понятиями классификационного характера (обозначающими объекты), а требуют гораздо более широкого охвата археологии структурально-семиотической системой - применительно как к синхронии, так и к диахронии.

Здесь пригодится разделение на три плана: выражения ("форма", "конструкция" и т.п.), содержания ("функции", "смысл" и т.п.) и познавания ("классификация", "датирование" и т.п.). Но в археологии их придется подразделить на отсутствующие в лингвистике подпланы: выражения воспринимаемого (нынешнее состояние) и исходного (древний облик), реального содержания и осознания его, причем по отдельности - аутентичного (древними

людьми) и абонентного (современными исследователями). Соответственно придется расчлнить и понятия, если они синкретичны. Суть познания - в установлении истинных конкретных связей между ячейками разных подпланов выражения и содержания, в правильной последовательности подключения подпланов (не все позволительно соединять непосредственно).

Для нестрогой интерпретации характерно установление жестких взаимно однозначных соответствий между ячейками разных планов без разделения на подпланы (например, культура = этнос). На самом же деле между планами (и подпланами) предстоит обнаружить систему коммутации, которая в различных конкретных обстоятельствах обеспечивает возможности неодинакового соединения ячеек разных планов (и подпланов) в некоторых пределах. И внимание обратится на те факторы ("вызовы"), которые обуславливают различие соединений в разных условиях, и на те ("селектор"), которыми обусловлен диапазон возможностей.

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ „АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА”

М.В.Аникович

I. Первобытная археология, как и археология в целом, не представляет собой единой целостной науки. Помимо прочего, в этой эклектической области знания намечается вычленение двух важнейших наук об обществе: исторического вещеведения^{I)} как отдела исторического источниковедения и истории первобытного общества как отдела гражданской истории. Первая систематизирует археологические источники таким образом, чтобы они смогли стать эмпирической базой для второй, выводы которой, в свою очередь, входят в эмпирическую базу третьей науки, называемой ныне исто-

I) Единство и целостность "исторического вещеведения" как отдела исторического источниковедения, естественно перерастает рамки собственно первобытной археологии и охватывает соответствующие разделы всей археологии в целом. Это единство и является, по нашему мнению, рациональным зерном, содержащимся в попытках представить археологию самостоятельной наукой, параллельной истории. Не случайно возобновление этих попыток теснейшим образом связано с осознанием характера вещественных источников и необходимости специальной методики их изучения.

рией первобытного общества, но в действительности являющейся социологией первобытного общества, т.е. отделом общей социологии.

2. Понятийный аппарат первобытной археологии должен, отражая специфику вещественных источников, обеспечивать вместе с тем извлечение из них исторической информации. Это возможно только в том случае, если в данный аппарат органически войдут понятия более развитых наук об обществе: истории, социологии и пр. Последнее, в частности, может осуществляться путем раскрытия содержания ряда понятий, употребляемых в первобытной археологии, которые возникли в процессе работы с вещественными источниками как важнейшие эмпирические обобщения. Успех раскрытия содержания таких понятий определяется тем, насколько это раскрытие способствует развитию исследовательской практики: постановке новых задач, развитию и углублению методики работы с вещественными источниками и т.д.

3. Археологическая культура является одним из важнейших обобщающих эмпирических понятий современной первобытной археологии. Попытки раскрыть его историческое содержание (перейти к теоретическому осмыслению) через понятие этнос не увенчались успехом, т.к. важнейшие компоненты последнего (при любых частных определениях) — единство языка и этническое самосознание — не могут быть установлены археологическими методами, применяемыми при выделении археологических культур. Настойчивое стремление увязать археологические культуры с этносами объясняется тем, что один из аспектов понятия "этнос" действительно имеет отношение к тому направлению археологических обобщений, на котором формировалось понятие "археологическая культура". Имеется в виду понятие "традиция".

4. Если с понятием "этнос" связывается конкретное значение понятия "традиция": традиции этнические, то содержание понятия "археологическая культура" должно раскрываться через его универсальное значение. В этом смысле под традициями понимаются как элементы социального и культурного наследия, складывающиеся в социальных организмах различного характера и уровня и передающиеся от поколения к поколению, так и сам процесс и способы социального наследования. Зачастую подчеркивается, что под традициями понимаются "распредмеченные компоненты общественного сознания" (Бромлей, 1973, с.69). Однако их выражение может принимать и принимает опредмеченную форму. Последнее обстоятельство

и дает возможность органически связать понятия: традиция - археологическая культура. По нашему мнению, археологическая культура есть комплекс традиций, выработанный в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедший свое материальное выражение в тех результатах материального и духовного производства, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемый посредством анализа данных источников.

5. Из этого вытекает ряд следствий. 1. В археологических культурах вскрываются какие-то социальные группировки первобытного прошлого, противопоставлявшие себя через систему традиций другим группировкам и являвшиеся тем субъектом-объектом исторического процесса, без определения которого невозможно применение конкретно-исторического подхода. 2. Уровень этих группировок, характер социальных связей, обеспечивавших их целостность, априорно не известен. Его определение является самостоятельной задачей первобытной археологии. Вероятнее всего, коллективы - носители традиций, отраженные в археологических культурах, на разных этапах истории были весьма различными. Дальнейшее углубление содержания понятия "археологическая культура" будет связано с установлением характера этих различий. 3. Не может приниматься априорно тезис об обязательной однокультурности одного поселения или стоянки, поскольку можно допустить, что, по крайней мере, в ряде случаев один производственный коллектив составляли общественные группировки с разными системами традиций.

6. Важнейшие следствия в области методики выделения археологических культур таковы: 1) для установления системы традиций следует использовать как можно более широкий круг явлений, в которых эти традиции могли отражаться. Главное при этом - не отдельные элементы, даже если они отличаются ярким своеобразием (типы), но их общая структура, обладающая внутренними устойчивыми связями; 2) поскольку система традиций возникает лишь при противопоставлении одной социальной группировки (мы) - другой (они), постольку и в выделении археологических культур решающую роль играет сравнение одних структур с другими. Только при установлении их четкой ^{противопоставленности} конфронтации можно говорить о наличии разных археологических культур; 3) нельзя ограничивать археологическую культуру лишь комплексами, отличающимися очень высокой степенью сходства, почти тождественными по материалу,

поскольку понятие „археологическая культура“ должно учитывать и изменчивость традиций, и появление новаций. В однокультурных комплексах отдельные элементы, входящие в структуру и даже характер отдельных связей, могут изменяться, однако эти изменения не должны превышать некой критической величины, за которой ломается вся структура.

Таким образом, мы считаем невозможным делом разработку такой формализованной методики, которая позволила бы безошибочно, однозначно и сравнительно просто выделять археологические культуры. Процедура выделения археологических культур основывается на неформализованных (и, вероятно, принципиально неформализуемых!) способах рассуждения, формализация же может играть только вспомогательную роль, при решении частных задач, которые должны четко формулироваться на основе главной линии поиска.

7. Проблема археологической культуры является одной из важнейших проблем современного этапа развития первобытной археологии. Вместе с тем она является лишь начальной, отправной ступенью в становлении конкретно-исторической науки: истории первобытного общества, постепенно вычленившейся из того эклектического скопления фактов и идей, которое в настоящее время называется первобытной археологией.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ ФОРМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ю.П.Холошкин

Рост сложности теоретических построений, необходимых для решения фундаментальных проблем современной археологии, связанных с потребностью глубокого изучения внутреннего механизма движения и развития первобытных обществ, — одна из основных причин внедрения статистических методов в археологию.

Если первые опыты применения статистического метода ограничивались количественной обработкой эмпирических данных, протекавших целиком в рамках старой понятийной схемы, и, естественно, зачастую лишь подтверждали выводы, сделанные на основе интуитивного подхода, то сейчас наблюдаются попытки ввести новые, более глубокие понятия с анализом их структуры и свойств.

Одним из таких фундаментальных понятий археологической си-

стематики является археологическая культура. Под археологической культурой мы понимаем "совокупность некоторых археологических объектов, имеющих "родственную природу" и наделенных множеством устойчивых отображений друг друга в различного вида сочетаниях археологических источников, определенным образом ограниченных во времени и пространстве. К числу таких сочетаний источников или компаундов (по В.С.Бочкареву и В.М.Массону) можно отнести понятия "каменная индустрия", "костяная индустрия", "произведения искусства" и т.д.

На практике для палеолитического времени понятия "археологическая культура", "фация" или "компаунд" совпадают, поскольку зачастую мы имеем дело лишь с каменным инвентарем как наиболее массовой категорией находок. Таким образом, анализируется лишь частица археологической культуры, из которой не так-то просто реконструировать древнюю культуру.

Среди трудностей, встречающихся на пути археолога, можно отметить: а) существование различных шкал полезности у археологических школ при каждом конкретном выделении культуры; б) трудности нахождения подходящих проверочных испытаний для каждого выделения культуры, требующих разработки индуктивных правил выбора единиц сравнения археологических комплексов.

Очевидно, что полное сходство комплексов невозможно, поскольку разнообразен и сам археологический материал и те комплексы, в которых он представлен. Степень сходства между комплексами может быть формализованно зафиксирована при помощи критериев сходства и различия (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с.87), однако она может иметь многочисленные варианты объяснений: хронологические и локальные различия, различный тип археологических памятников, неодинаковая степень сохранности и раскопанности памятников, наконец, возможны и сезонные различия.

Таким образом, перед нами предстает еще одна проблема, связанная с недопустимостью изоляции или выделения отдельных факторов вне контекста других явлений.

Анализ исследований последних лет показывает, что мы еще не научились достаточно четко отличать сходство от родства комплексов, в результате практически с каждым вновь открытым памятником появляется и новая археологическая культура: толбагинская, куналейская, кокоревская, афонтовская, мальтинская, дуктайская, ушкинская, ошурковская и т.д. При этом в ряде случаев

наблюдалось игнорирование какого-либо из факторов археологической культуры: территориального, хронологического или генетического (Любин, 1972, с.18). Конечно, можно было бы согласиться о возможности существования в одном и том же районе и практически одновременно нескольких культур, учитывая незначительную плотность населения. Но при этом мы должны иметь в виду и высокую подвижность охотников на северного оленя, что не исключало возможности широких контактов. Так, учитывая сходство афонтовской и кокоревской культур, выделенных З.А.Абрамовой, мы можем наряду с предположениями о пространственных контактах одновременно строить предположение об общем характере предшествующих ситуаций (генетическое сходство). Однако механизмы генетических или пространственных связей остаются при существующем способе объяснений предположительными и основной акцент делается на самой стадии или археологической культуре как объясняющей переменной.

С целью теоретического воспроизведения допустимых различий однокультурных памятников в качестве модели мы взяли Стоянку Мальту (I,2,3,4,8-й жилые комплексы; Формозов, 1976). Уже на первой стадии изучения структуры объектов мы получили своего рода срез археологизированной культуры, позволяющей судить о характере различий (частичная нарушенность и хозяйственная направленность обитателей комплексов).

До сих пор мы имели дело с чисто теоретическими моделями археологической культуры. Так, В.М.Массон, вслед за Д.Кларком, предложил для локального варианта 100-50% совпадений в сочетаниях типов, для культуры 50-30% и для общности 30-20%. Взяв эту установку на вооружение, мы попытались разместить материал Мальты в ячейки этой жесткой и строгой классификационной сетки. Однако полученная реальная группировка комплексов по различным группам артефактов не позволила распределить их однозначно в рамках локального варианта одной культуры, скорее группировки различных групп материалов были расплывчаты и лишены резких границ, зачастую переходя границы культуры и даже культурной общности. Наиболее четко укладывались в границы локального варианта комплексы при выявлении степени сходства по таким общим критериям, как характеристика заготовок орудий (во всех комплексах от 56 до 75% орудий было изготовлено из пластин); соотношения каменного и костяного инвентаря; соотношения костяных орудий и

украшений. Различия начали проявляться между I, 2, 3, 4-м комплексами, с одной стороны, и 8-м с другой, в соотношениях каменных орудий и отходов (в 8 комплексе преобладали отходы над орудиями); в соотношениях скульптур.

Еще более резкие различия были прослежены при сопоставлении комплексов по типам каменных и костяных орудий, а наиболее сильные различия наблюдались по украшениям и орнаментам. В итоге получилась весьма пестрая картина степени сходства археологических комплексов по разным категориям источников.

При сравнении средней степени сходства, включающей все категории материалов, I, 2, 3, 4-й жилые комплексы вошли в одну группу. Связь между ними была в пределах 54,49-66,49%. Во вторую группу вошло 8 жилище. Степень его сходства с другими комплексами лежала в пределах 44,61-51,68%. Указанные различия в пределах одного поселения связаны с различной хозяйственной деятельностью обитателей указанных комплексов.

Полученные критерии, при всей своей относительности и недостаточности, позволили выявить часть необходимых характеристик для выделения археологических культур и представить, как вписывается данная модель в картину выделенных кокоревской и афонтовской культур, и поставить вопрос о правомерности такого выделения.

Таким образом, наши усилия, направленные на приближение теоретических положений Д.Кларка и В.М.Массона о градациях археологических памятников к реальной ситуации, позволили наполнить их большей содержательностью.

О ПОНЯТИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(к постановке вопроса)

Н.В.Лукина

В советской исторической науке наиболее известна классификация исторических источников на письменные, вещественные, лингвистические, устные (фольклорные), этнографические и кино-, фото-, фонодокументы (Пушкарев, 1965, с.591; Он же, 1975, с.62-63). Эта классификация разработана историками. При определении понятия этнографические источники авторы этой и других классификаций, очевидно, не могли заимствовать у специалистов-этнографов соответствующие строгие дефиниции ввиду отсутствия послед-

них. Не удалось найти их в отечественной этнографической литературе и автору этих строк.

Сказанное отнюдь не следует понимать так, что этнографы вообще не занимаются вопросами источниковедения. Интерес к теоретическим аспектам этнографического источниковедения стал особенно заметен в нашей стране с начала 1960-х гг. и с тех пор неизменно растет. Показательно, что на "Симпозиуме по актуальным проблемам источниковедения", проведенном в Таллине в 1972 г., два доклада были связаны с этнографией (Стродс, 1977, Громыко, 1977). Необходимость развития этнографического источниковедения неоднократно отмечалась в 1970-х гг. (Кузеев, 1976 и статья в данном сборнике; Материалы..., 1977, с.246; и др.).

Советскими учеными особенно плодотворно разрабатываются два аспекта этнографического источниковедения: 1) использование в качестве этнографического источника данных других наук и "косвенных" данных (таких как материалы переписей, ЗАГСов и т.п.); 2) использование этнографических данных (например, одежда, орнамент, погребальный обряд) в качестве исторического источника. Перечень работ, в которых излагаются теоретико-методические положения указанных аспектов или дается их конкретное воплощение, весьма обширен и здесь не может быть приведен.

Но как ни странно, не удастся найти ни одной работы, специально посвященной понятию "этнографические источники" или их дефиниции в соответствии с правилами определения понятий формальной логики (см.: Кондаков, 1975, с.141, 456-460, 467-468). Возможно, такая ситуация в отечественной этнографии сложилась из-за отсутствия принципиальных разногласий в определении основной источниковедческой базы. Так, еще в 1901 г. Н.Харузин считал: "...Этнография, по справедливому замечанию Пыпина, не есть наука книжная. Материал, над которым работает ученый, должен быть прежде всего собран в народной среде, в живом народном быту..." (Харузин, 1901, с.18). Об определяющей роли для этнографических исследований "полевых" материалов, материалов, собранных методом непосредственного наблюдения, писали многие ведущие ученые нашей страны (Толстов, 1947; Читая, 1956; Основы этнографии, 1968; Бромлей, 1973; и др.).

Такие определения не могут вызывать принципиальных возражений. Но они указывают, главным образом, на путь или метод получения информации и не отвечают непосредственно

на вопрос: что является этнографическим источником, полученным методом непосредственного наблюдения. Если даже ограничиться рамками изучения традиционной культуры, то перечень "наблюдаемых" явлений в самом общем виде может быть сведен к следующему: хозяйство (трудовые процессы), предметы материальной культуры, явления социально-экономической жизни, народное творчество, религиозные представления. Попытаемся соотнести этот перечень хотя бы с одной (приведенной выше) классификацией исторических источников.

Очевидно, что все предметы хозяйственной деятельности, материальной культуры, а также вещи, функционирующие в культовой практике, в сфере изобразительного искусства, и т.д. должны быть отнесены к вещественным источникам. При характеристике предметов или явлений этнограф обычно приводит, а зачастую и анализирует связанную с ними терминологию, которую по праву можно считать лингвистическим источником. На тесную связь этнографических источников с фольклорными неоднократно указывали как этнографы, так и фольклористы. Особенно убедительно это прозвучало у К.В.Чистова (1970) и дало основание некоторым авторам объединить этнографические и фольклорные источники в одну группу (Громыко, 1974, с.100). Такой тип исторических источников, как кино-, фото-, фонодокументы, практически может отражать любое явление, изучаемое этнографами. На фото-, киноплёнке может быть отражён трудовой процесс, свадьба, обряд кормления духов; на фонодокументе может быть зафиксирован акт камлания шамана, песни и т.д. Ответ на вопрос о том, какое место в этнографических исследованиях (применительно к бесписьменным народам Сибири) занимают письменные источники, можно найти в солидном труде А.И.Андреева (1960, 1965). В связи с письменными источниками хочу обратить внимание на тот факт, что материалы, собранные "методом непосредственного наблюдения" и относимые потому к этнографическим источникам, сдаются, как правило, в архив и тем самым становятся источником письменным.

Из приведенного сопоставления не следует, что у этнографии нет собственной источниковедческой базы и что понятие "этнографические источники" не имеет права на существование. Но приходится констатировать, что в существующих классификациях

исторических источников (кроме названной см.: Стрельский, 1976, с.43-55) выделение этнографических источников не соответствует правилам составления классификаций (см.: Кондаков, 1975, с.247-248). Правда, некоторые источниковеды не выделяют этнографические источники вообще (Черноморский, 1966), а другие критически высказываются, например, по поводу разделения вещественных и этнографических источников (Кондратьев, 1962, с.140), но с ними не соглашаются другие специалисты (Шмидт, 1969, прим. 157 на с.48; Пушкарев, 1975, с.199). Итак, историки не только выделяют и определяют понятие этнографических источников, но даже полемизируют по этому вопросу. Этнографы же молчат. Много ли найдется высказываний этнографов по поводу определений понятия "этнографические источники", сформулированных историками? Мне удалось обнаружить лишь одно, совершенно справедливое возражение на попытку определения этнографических источников как пережитков (Стродс, 1977, прим. 28 на с.52).

В советской исторической науке большое внимание уделяется проблеме источниковедения как части методики исторического исследования. На этом фоне особенно заметно отставание этнографии от других исторических дисциплин, в том числе и от археологии. Вопросы достоверности и репрезентативности источников, их внешней и внутренней критики, методика работы с источниками и многие другие вопросы практически остаются неразработанными. Исследование особенностей этнографических источников, основанных на непосредственных наблюдениях, может дать новый импульс для философского подхода к таким проблемам источниковедения, как отношение субъекта и объекта, гносеологическая цепь исторического исследования и др.

Недостаток внимания к вопросам источниковедения заметно ощущается в сибиреведческой этнографической литературе. Авторы многих исследований являются прекрасными полевиками, и значение собранного ими материала трудно переоценить. Но источниковедческий анализ этого материала бывает неоправданно скуп, а иногда об основных источниках монографии можно больше узнать из рецензии на нее.

ЭТНОГЕНЕТИКА БАШКИР
(к вопросу об этнографическом
источниковедении)

Р.Г.Кузеев

1. Понятие "этногенетика" введено в советскую этнографическую науку Л.П.Потаповым и С.М.Абрамзоном в 1978 г., хотя совокупность подразумеваемых под этим термином источников (родоплеменная этнонимия, этногенетические предания и легенды, генеалогия, тамги...) широко использовалась и прежде (Бартольд, Аристов, Соколов, Карпов и др.).

2. Этногенетика, в силу ее этнической определенности и других признаков, может сыграть большую роль в разработке средневековой истории бесписьменных и младописьменных народов. Особенно это положение относится к бывшим кочевникам Евразийских степей, достоверные и массовые письменные источники по истории которых появляются не ранее XVI-XVII вв., а археологические источники средневековья во многих случаях этнически крайне неопределенны. Таково положение в разработке средневековой истории башкир.

3. Источниковые возможности этногенетики существенно повышаются, если они датированы, картографированы и социально охарактеризованы. В этом случае этногенетика может служить основой для создания доказательных реконструкций в области этнической, социальной и, реже, политической истории. По всем этим аспектам опубликованы работы по средневековой истории башкир. Однако указанные возможности реализуются лишь при наличии архивных и аутентичных эпохе нарративных источников.

4. Одним из важных условий повышения информационной способности этногенетики является доведение ее объема до уровня репрезентативности, понимаемой в этнографии как достаточная представительность источников по этносу в целом или по изучаемой (в культурном отношении) части этноса. Источники, даже массовые, характеризующие часть этноса, но при их интерпретации распространенные на весь этнос, могут внести искажения в разрабатываемые исторические построения. Таково было происхождение ошибок при изолированной от этноса в целом интерпретации этнического состава башкир на сибирской стороне Урала.

5. Информационная способность этногенетики повышается при комплексном методе использования в исторических исследованиях совокупности полевых, вещественных и письменных источников. Однако успешное осуществление этого метода требует одинаково высокого уровня "предысследовательской" подготовки источников, привлекаемых разными дисциплинами. Такой подход осуществлен при разработке этнической истории башкир. В этих случаях важно добиться репрезентативности этногенетики в диахронном аспекте.

6. При наличии массового зафиксированного материала по этногенетике можно подвергнуть ее относительной датировке, используя метод стратиграфического членения с привязкой выделенных пластов к определенным этапам (хронологически относительно очерченным) этнокультурного развития этноса. Применение этого метода в систематизации башкирской этногенетики позволило выделить семь пластов в этническом составе башкир в диапазоне времени со второй половины I тыс.н.э. до XVI-XVII вв. Метод стратиграфического членения массового этнографического материала применим ко всем сферам проявления культуры этноса, как к вещественным, так и к невещественным, но, в зависимости от материала, в разном масштабе времени.

7. Задачи сравнительно-исторического изучения различных аспектов средневековой истории тюркских, финно-угорских, западно- и южносибирских народов Евразии обуславливают целесообразность унификации полевой этнографической практики и, особенно, приемов систематизации и хранения этногенетики. Высокий уровень формализации приемов фиксации, обработки и хранения материала на обширной территории страны еще более повысило бы источниковую ценность этногенетики как при диахронных, так и синхронных исторических построениях, сопровождаемых картографированием материала. В докладе освещается опыт организации этнографического архивного фонда в Башкирском филиале АН СССР. Существенной частью башкирской этногенетики является более 2 тыс. родо-племенных этнонимов, 3 тыс. тамг, около 250 генеалогий и генеалогических преданий и т.д.

8. Возможности использования этногенетики разных народов в качестве источников повысятся, если организовать систематическую их публикацию по заранее согласованным группам и видам

(этнонимы, тамги и т.п.). Постоянно возрастающая роль этнографии в исследовании общен исторических проблем вполне обосновывает это предложение.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (обзор литературы и источников)

В.А.Зибарев

Современная наука проявляет глубокий интерес к ряду традиционных институтов развивающихся стран в связи с попытками использования их в целях модернизации общества. К их числу принадлежит и обычное право, сохранившее свою действенность в той или иной мере во многих районах мира (Рене, 1967; Синицина, 1978). Выявленные обычно-правовые системы и обширные массивы правовых обычаев открывают новые возможности как для сравнительного правоведения, так и для реконструкции обычного права у тех народов, у которых оно действовало до недавнего времени и осталось неизученным. В этом смысле привлекает внимание обычное право малых народов Севера. Необходимость изучения его уже отмечалась в литературе, следует лишь подчеркнуть особую значимость этого права для воссоздания исторического процесса бесписьменных народов. Целью настоящего доклада является анализ имеющихся трудов и источников, формулирование некоторых задач исследования.

В ХVII-XVIII вв. преобладало описание Сибири и ее народов. Изучение их обычного права, означавшее углубленное, специальное изучение, началось, по существу, в первой четверти XIX в. в связи с идеей кодификации обычаев, выдвинутой М.М.Сперанским и официально закрепленной "Уставом об управлении инородцев" 1822 года. В ходе работы была выявлена и зафиксирована значительная часть правовых обычаев, определены некоторые принципы их кодификации, решен в известной мере вопрос о соотношении обычаев и государственных законов. Сравнительный анализ фактического материала позволил прийти к выводам о многообразии и единстве правовых обычаев народов Сибири, зависимости их от степени гражданского состояния этих народов, под которым следует, видимо, понимать степень социально-экономического и культурного развития, влияние на обычаи бурят и других народов

Восточной Сибири степных законов монголов. Было отмечено отличие "по степени гражданственности" обычаев якутов, бурят и других от обычаев народов Севера, отличие устных, нечетких обычаев народов Западной Сибири от более строгих, более определенных обычаев народов Восточной Сибири, особенно от обычаев бурят, у которых суд с давних времен осуществлялся по степным уложениям (Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, с. I-81). Кодификация обычаев народов Сибири, как известно, не была осуществлена. Подготовленные проекты сводов законов представляют для исследователя лишь относительный интерес, поскольку легшие в их основу обычаи подверглись значительной переработке. Часть первичных материалов, да и то не в чистом виде, спустя полвека опубликовал Д.Я.Самоковасов (Самоковасов, 1876). Некоторые из них относятся к народам Севера.

Таковы, в главных чертах, научные результаты, полученные в процессе решения этой практической задачи. Они в основном касаются обычного права якутов и бурят, правовые обычаи народов Севера затрагивались лишь частично и в своей массе остались незафиксированными. В дальнейшем подобных попыток правительство не предпринимало, и это направление в изучении обычного права народов Севера не получило продолжения.

Второе направление, обусловленное научными целями и интересами, связано преимущественно с деятельностью Российского географического общества, в составе которого в 1876 г. была организована комиссия по изучению народных юридических обычаев. Первоначально в трудах ученых преобладали описания нравов народов Севера и лишь со временем в печати, чаще всего в периодической, стали появляться записи их юридических обычаев (Некоторые сведения о законах и обычаях инородцев Березовского округа, 1860; Из области обычного права сибирских инородцев, 1883). Изданные Географическим обществом два сборника народных юридических обычаев содержат описания обычаев народов Севера (Ефименко; Воронцов, 1900) — саамов (лапарей) и ненцев (самоедов) европейской части России, хантов (остяков) и селькупов (остяков-самоедов); вместе с несколькими другими публикациями (Юридические обычаи остяков Березовского округа. Юридические обычаи остяков Сургутского округа, 1884; Носилов, 1888) они и

составляют, собственно говоря, весь фонд специальной литературы по обычному праву народов Севера.

В результате этих изысканий (в них принимали участие губернские статистические комитеты и "инородческие священники") увеличилась сумма известных обычаев малых народов Севера, выявилась некоторая специфика их стадийного и регионального характера. Однако дело ограничилось лишь записью и систематизацией обычаев, научной обработки собранного материала не велось. Лишь в некоторых публикациях высказывались мысли, представлявшие методологический интерес. А.Я.Ефименко указывала на одинаковую ценность для науки изучения обычного права как развитых, так и отсталых народов, на взаимное влияние юридических понятий и обычаев русских и других народов России, призвала исследователей оставить путь сравнения русских правовых воззрений с германским и греко-римским правом и обратиться к изучению юридических воззрений, обитающих в стране народов (Ефименко, 1878). Почти во всех публикациях изложению обычаев предпосылались краткие историко-этнографические сведения. Объяснялось это тем, что юридические обычаи обуславливались историческими судьбами народов и без таких сведений не могли быть поняты. В отдельных случаях для выявления обычаев использовались решения волостных судов, оформленные письменно сделки и договоры.

Наиболее основательное описание обычаев дано А.Я.Ефименко, которая систематизировала их по программе Географического общества для собирания народных юридических обычаев, включавшей разделы: гражданское право, уголовное право, общественный быт, суд и расправа. Все остальные записи не столь полны, а иногда и фрагментарны, как например, записи К.Носилова, и уступают ему по качеству. Публикация А.Г.Воронова представляет собой переработанный, обобщенный вариант рукописей Н.Кострова и Н.Григорьевского, присланных в Географическое общество. Найденная нами рукопись Н.А.Кострова "Юридический быт остяков Западной Сибири" может быть датирована не позднее начала 80-х годов XIX в. В ней систематизированы материалы П.С.Палласа, Ф.Беляевского, А.Кастрена, Н.А.Абрамова, И.С.Полякова и приведены сведения о юридических обычаях хантов р.Васиган, собранные священником Петром Красновым. Н.А.Костров выступил в этом случае как составитель свода обычаев хантов. Пожалуй, в попытке со-

брать воедино юридические обычаи целого народа и заключался смысл его труда. Заслуживает внимания и утверждение Н.А.Кострова о зависимости состояния нравов и правонарушений у трех основных групп хантов, отмеченных Кастреном (обдорская, сургутская, иртышская) от степени цивилизованности, обусловленной контактами с русскими властями и населением.

Обстоятельно охарактеризованы обычаи хантов и отчасти ненцев в "Памятной книжке Tobольской губернии на 1884 год". Однако время записи и авторы не указаны. Либо ими являются составители этой книжки А.И.Дмитриев-Мононов - председатель Tobольского губернского правления и К.М.Голодников - член-секретарь Tobольского статистического комитета, редактор неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей", которые могли использовать какие-то первичные материалы, либо эти описания принадлежат другим лицам.

Как видно, сбором и записью обычаев были охвачены, хотя и не в равной мере, малые народы Европейской части России и Западной Сибири, причем сколько-никогда систематическое, цельное описание не дано по саамам, ненцам и хантам. Остальные народы Севера, а их большинство, остались вне этого круга. Записи обычаев велись не профессионалами, по различной методике и разным схемам, с позиций русской правовой системы и русского правового мышления. Поэтому они требуют проверки и сопоставления с данными других источников.

К этому же направлению примыкают труды этнографов, относящиеся преимущественно к концу XIX века. В них дается описание юридических обычаев и порядка судопроизводства, никаких познавательных задач они не ставят и не разрешают. Но обычаи описываются наряду и в связи с другими традиционными институтами народов Севера, что помогает представить как общую картину патриархально-родового общества, так роль и место в нем этих обычаев. В некоторых трудах предприняты попытки объяснения таких обычаев, как кровная месть и калым, подчеркивается примирительный характер обычного права, связь его с религиозными верованиями и нравами. Весьма характерна тенденция "вывести" юридические обычаи и взгляды из национального характера того или иного народа. В.Г.Богораз и Л.Я.Штернберг застали у чукчей и нивхов древнейшие формы суда народов Севера. Описания

обычаев М.Б.Шатилова (ваховские ханты), А.М.Золотарева (ульчи), А.А.Попова (долганы) свидетельствуют о том, что институт традиционного суда и права у этих народов сохранялся до 20-30-х годов. Фрагменты обычного права в широком временном и пространственном диапазоне отражены в описаниях путешествий по Северу России, что усиливает возможность сопоставления обычаев разных народов и разных времен.

Одним из источников изучения обычного права является судебное делопроизводство, которое не только обнаруживает те или иные правовые нормы, но и показывает, как они применялись практически. Однако суды народов Севера жалобы и конфликты решали словесно, поэтому в документах и литературе отражены лишь отдельные случаи судебной практики. Исключение составляет описанная А.А.Дуниным-Горкавичем книга Обдорской инородной управы с протоколами судебных разбирательств за два десятилетия, с 1881 по 1901 год, являющаяся уникальным юридическим памятником малых народов Севера (Обдорской управы книга для записей приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев, 1970).

В настоящее время на первый план выдвигается организационная сторона дела — налаживание масштабного, комплексного исследования с участием историков, этнографов и юристов. Представляется необходимым также расширение источниковой базы (как путем поиска архивных и литературных материалов, так и путем записи сохранившихся в памяти людей юридических обычаев), определение проблематики и методики исследования, решение ряда вопросов теоретико-методологического порядка. Одна из основных задач исследования будет, по-видимому, состоять в реконструкции юридического быта народов Севера XVII и отчасти XVIII вв., то есть еще до того, как на нем сказалось присоединение этих народов к России, эволюция его, а также факторы и результаты эволюции.

В.В.РАДЛОВ КАК АРХЕОЛОГ И ЭТНОГРАФ СИБИРИ

О.А.Деревянко

Идея комплексного подхода к проблемам археологии и этнографии прочно утвердилась в советской исторической науке. Одним из первых, кто целенаправленно начал использовать комплексный метод в своих исследованиях, был основатель отечественной тюркологии, выдающийся археолог и этнограф акад. В.В.Радлов.

Историческим исследованиям В.В.Радлова посвящены специальные работы Л.А.Штернберга, В.В.Бартольда, С.И.Вайнштейна и С.Г.Кляшторного, отдельные стороны его этнографических работ были отражены в трудах Л.П.Поталова.

В.В.Радлов начал археологические исследования в 1862 году по поручению Археологической комиссии на Алтае, в 1863 г. продолжает их на Абакане, в 1865 г. снова на Алтае по р.Уруссуле и Ангодае, в Чуйской, Уйменской и Берельской степи, близ д. Катанда, в 1866 г. - в Барабинской и Киргизской степи, в г.Семипалатинске и других местах; в 1869 г. - в Джунгарской степи, Чуйской и Илийской долинах. В общей сложности В.В.Радловым было обнаружено и исследовано свыше 100 различных археологических памятников, из них около 70 в Минусинской котловине и на Алтае. Результатом этих работ явилась известная периодизация археологических памятников Юго-Западной Сибири эпохи металла с подразделением ее на 4 периода: 1) могильники бронзового века; 2) памятники древнейшего железного века; 3) могильные насыпи Абаканской степи более нового железного века; 4) могилы на Чердате, датированные не моложе ХII в.

Реконструируя быт древнего населения Сибири, В.В.Радлов прежде всего стремится восстановить картину хозяйственной жизни отдельных племен, особенно в те периоды, которые не нашли отражения в письменных источниках. В.В.Радлов считает, например, народы бронзового века оседлыми, так как их могильники расположены вблизи плодородных, годных для земледелия равнин, им было присуще развитое горное дело, они, по мнению В.В.Радлова, сооружали оросительные каналы по левому берегу Абакана, правому берегу Енисея и в Уйменской степи. В этническом отношении В.В.Радлов относит памятники бронзового периода в истории Сибири к народам енисейского кетоязычного племени.

Ранние памятники железного века принадлежат, по мнению В.В.Радлова, уже чисто кочевому народу, который продвинулся с юга на Алтай. Главным занятием этого населения В.В.Радлов считает скотоводство с разведением лошадей, крупного рогатого скота, коз, овец, верблюдов; определенную роль также играли земледелие, охота, рыболовство. Часть памятников железного века В.В.Радлов соотносит с древними тюрками, а более поздние могилы на Енисее - с енисейскими киргизами или предками подчинившихся тюркскому влиянию хакасов.

Наиболее поздние могилы на Чулыме (недалеко от г. Мариинска), близкие могилам бронзового века, В.В.Радлов относит к потомкам енисейцев, известных, по его мнению, в источниках под именем "гелочжи". Следует отметить, что В.В.Радлов первым начал раскопки поздних археологических памятников XUI-XUI вв., заложив тем самым основы того направления, которое было названо впоследствии "палеозтнографическим".

С самого начала своей деятельности В.В.Радлов занимается и собственно этнографическими исследованиями. С 1860 г. им совершены поездки к телеутам, шорцам, кумандинцам, тубаларам, челканцам, телесам, сойотам Саянского хребта, абаканским татарам, казак-киргизам, казахам, западносибирским татарам. В.В.Радлов отмечает административный и родовой состав этих народов, подробно описывает материальную культуру и хозяйство, пытается дать картину социальной организации, в частности, родового строя у алтайцев и их классового расслоения.

Большое внимание В.В.Радлов уделяет религиозным воззрениям народов Южной Сибири и особенно шаманству, которое он считает самой ранней и определяющей формой религиозного мировоззрения тюркских, тунгусских и монгольских племен.

Значительное место в исследованиях В.В.Радлова уделено этногенетическим вопросам. Так, В.В.Радлов одним из первых сделал вывод о том, что Алтай является древнейшей прародиной тюрков. Он указывает на смешение турецких (тюркских, - О.Д.) элементов у народов Сибири с другими компонентами, особо выделяя при этом енисейско-остяцкий и самодийский. Племена Саяно-Алтая, именуемые себя "туба", В.В.Радлов рассматривал как смесь самодийских и кетских элементов, подвергшихся тюркизации по языку. В своих этногенетических исследованиях В.В.Радлов касается конкретно происхождения сагайцев, кызыльцев, шорцев, в целом "черневых татар", каратасов, уйгуров, которых он считал потомками хуннов, а теленгитов соотносил с динлинами. Особенно важно отметить, что В.В.Радлов, по-видимому, пытается связать свои этногенетические построения с археологическими материалами через вопросы культурно-исторической классификации. Именно ему принадлежит известное положение о том, что "в развитии человеческого общества мы наблюдаем три ступени... На нижней ступени стоит обитатель лесов, добывающий средства к жизни охотой; на второй - за-

нимающийся скотоводством кочевник, тогда как высшую ступень занимает земледелец, живущий в постоянных жилищах". Значение этого положения в истории создания культурно-хозяйственной классификации трудно переоценить.

В.В.Радлов был исследователем своего времени, и в первую очередь тюркологом, поэтому в его работах, посвященных археологии и этнографии Сибири, допущен ряд неточностей и недоработанных положений. Однако в целом исследования В.В.Радлова на поприще древней истории народов Сибири имеют выдающееся значение. До сих пор вся этнографическая и археологическая части его знаменитой "Aus Sibirien" остаются важнейшим источником и примером комплексного подхода в исторической науке.

ЗАКЛИНАНИЯ АЛТАЙЦЕВ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Н.И.Шатинова

Фольклор алтайцев является богатым историко-этнографическим источником. В заклинаниях, которые вкраплены в разные жанры фольклора, отразилась вера людей в магическую силу слова. Заклинания сопровождают обряды, функционируют самостоятельно, некоторые из них высказываются только в связи с определенными действиями.

Цели заклинаний различны. Благопожелания произносились для того, чтобы магической силой слова содействовать здоровью, счастью, благополучию человека, его семьи. Например:

Дитя мое,
будь быстрее зайца,
жирнее барана!

Пусть на твоей передней поле
Дети топчутся.
Пусть на твоей задней поле
Скот топчется.

Проклятия же, по смыслу противоположные благопожеланиям, выражали пожелание всего плохого. Известны устрашающие проклятия, например:

Пусть за пазуху к тебе заползет змея,
которая сама не может ползать!

Пусть за пазуху к тебе попадет лягушка,
которая не может прыгать!

Самыми страшными проклятиями были пожелания смерти:

Высохни, как дерево!

Пожелтей, как золото!

Расстанься с белым светом!

Отправься в подземный мир!

В некоторых заклинаниях отразилось желание человека отвести от себя беду. Например, при чихании алтайцы обычно проносят: "Таш кап!" - "Хватай камень!" Алтайцы считали, что человек чихает в случае недомогания. При чихании болезнетворные частицы могли вылетать из человека. Чтобы они не нападали на людей, произносили "Хватай камень!" - болезнь должна была вцепиться в камень.

Заклинания, как известно, возникли в очень давние времена и донесли до нас отголоски уже исчезнувших представлений народа, таково проклятие: "Тенери сени тепсин!" - "Пусть небо тебя пнет!" Небо в традиционных представлениях алтайцев XIX - начала XX вв. не входило в пантеон богов и духов. Вероятно, в данном проклятии отразилось представление древних тюрков о боже-стве Тенгри - Небо.

Проклятие "Адан' эдин Ги!" - "Ешь мясо своего отца!" также весьма архаического происхождения. Оно могло исходить из представлений алтайцев о характере нечеловеческого поведения мифических, сказочных чудовищ, например, семиголовое человекоподобное чудовище Дельбеген ест людей, своих детей. Это проклятие, вероятно, преследовало цель - наказать человека несвойственным для людей поступком. До наших дней данное проклятие дошло с измененным интонационным акцентом и употребляется со смыслом: "Смотри, какой!"

При рассмотрении заклинаний ясно прослеживается их связь с ранними формами религии. Как историко-этнографический источник заклинания дают возможность представить многие стороны материальной и духовной культуры народа.

ХАКАССКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

М.С. Усманова

Механизм превращения конкретного этнографического материала (явления, бита, обряда, обычая, представления, предмета) в художественные образы фольклора заключается в выделении из многообразной сложности явлений наиболее существенных значений и функций, т.е. в значительной формализации этнографического материала (см.: Путилов, 1977, с.10). Такая формализация, на наш взгляд, иногда может помочь проникнуть в суть этнографического явления, на котором основан фольклорный сюжет, потому что обнажает наиболее существенные его стороны.

Хакасский героический эпос содержит в себе "этнографические реалии" (по Троякову), исследованные в большей или меньшей степени: шаманские черты в образе героя эпоса, роль богатырского коня или родовой горы, образ мирового дерева и др. (Мелетинский, 1963, с.247-375; Потапов, 1977, с.164-178; Трояков, 1974, с.78-93; Трояков, 1977, с.135-141). В данном случае речь пойдет о традиционных пространственных представлениях хакасов, лежащих в основе как эпического сюжета (зачины богатырских поэм), так и религиозной обрядности (общественные жертвоприношения). На материале хакаского языка эта тема разрабатывается лингвистами (Кононов, 1978, с.72-89). Каждое героическое сказание (алтыных нимах) начинается с картины сотворения мира, о описания места жительства героя: он вместе с соплеменниками обитает 1) у подножия скалы, 2) на берегу моря (Алтын Арыг, 1958; Алтын Тайчы, 1973; Кёк Хан, 1974). Фольклорная экология героя учитывает все уровни по вертикали: земля (средняя часть); то, что выше уровня земли (скала); то, что ниже уровня земли (море = вода). Рассмотрение этих двух компонентов с учетом шаманских черт героев эпоса заставляет нас задуматься о неслучайности такой поэтической формулы: Синий Хан, живущий у подножия Синей скалы, на берегу Синего моря; Желтый Хан, живущий у подножия Желтой скалы, на берегу Желтого моря и т.д. Герой повластно все: и высокая гора, и глубокое море, он обладает реальной или сверхъестественной возможностью перемещаться во всех уровнях. Факт полного освоения героем данного пространства подчеркивается и одноцветностью эпитетов антропонима, оронима и

гидронима.

Наблюдения в области хакасской этнографии, почерпнутые из литературы и из личных бесед с пожилыми хакасами (общественные жертвоприношения и представления о духах - хозяевах местности), позволяют реконструировать следующую модель:

человек среднего мира живет, хозяйствует на более или менее равнинной части;

места, которые расположены выше или ниже (горы, реки, озера, овраги), заселены духами-хозяевами;

подножие горы (скалы), а также берег реки, озера, оврага является пограничной чертой, за которой человек не может чувствовать себя хозяином (кроме шамана); разумеется, человек проникает за эту черту, но после хотя бы элементарного обряда кормления духов;

общественные жертвоприношения хакасы устраивали чаще всего у подножия горы, на берегу реки, озера, ручья (Корнилов, 1851, с.16; Суховский, 1884, с.296-300; Клеменц, 1884, с.10-12; Клеменц, 1886, с.11; Потапов, 1957, с.260; Усманова, 1976, с.240-243), т.е. поблизости "пограничных зон", где "облегчено" общение с духами-хозяевами.

Следует сказать, что такого рода наблюдение не ново. Археологи подметили, что культовые места Центральной Азии и Алтая, в частности, оленные камни Восточного Алтая, располагаются обычно между подножием горной цепи и берегом реки (Кубарев, 1979, с.28-29).

Как видим, в фольклоре и в религиозной обрядовой практике хакасов представлена одна и та же пространственная модель, выявление которой может быть плодотворным не только для исследования культовых, но и погребальных мест, потому что эта модель опирается на представления о реальном и потустороннем мире, о границах между этими мирами, о возможности общения обитателей того и другого миров.

Хакасский героический эпос, таким образом, иллюстрирует возможности художественного творчества народа лаконичными средствами (зачин) показать емкое мировоззренческое явление.

И последнее замечание. Рассмотренная пространственная модель не исчерпывает всего многообразия пространственных представлений хакасов: характеристик пространства по горизонтали

и вертикали, в глобальном и малом масштабах и т.д. Изучение всех уровней пространственных представлений еще предстоит и может оказать большую помощь в конкретных исследованиях. Например, изучение соотношения пространственных характеристик внутри юрты со способами ориентации на местности снимает недоумение по поводу перевода хакасского слова чоғар (запад, вверх). Вполне логично, что отождествление "запада" и "верха" противоречит вертикальному способу ориентации на местности, связанному с культом Восходящего солнца (верх-восток), с одной стороны, и культом Полуденного солнца (верх-юг) (Кононов, 1978, с.84). Но, согласно этнографическим материалам, "чоғар" — это западная, почетная "верхняя" сторона юрты, обращенная к входу, а следовательно, и восходящему солнцу. У этой стены усаживали уважаемого гостя, ставили "улуг төс" и икону. В данном случае мы имеем редкую ситуацию, когда этнографические наблюдения могут помочь в лингвистических построениях.

К МЕТОДИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX вв. В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.В.Ихнёва

1. Во второй половине XIX и в начале XX вв. в России было проведено много переписей и различных массовых обследований: в 1897 г. состоялась первая всеобщая перепись населения, проводились многочисленные городские переписи, в том числе и в Сибири, большое развитие получила земская статистика.

Исследователи, изучающие более отдаленные века русской истории, чаще всего имеют в своих руках наряду со сводами также первичные материалы (описки). Во второй половине XIX в. в России переписные бланки не сохранялись, их уничтожение предусматривалось главами организации переписей. Таким образом, в качестве источника выступают, по существу, вторичные материалы — таблицы, являющиеся результатом разработки переписных бланков.

2. Как же использовать эти материалы наиболее эффективно? Самый простой способ — брать из них сведения в том виде, как они преподнесены авторами разработок. Используемые с точки зрения современной науки, эти данные могут приобрести иную окраску и дать основания для новых выводов. Однако этот способ применим,

если авторы разработок ставили перед собой цели, близкие целям современного исследователя, и пользовались классификациями, хотя бы в общих чертах приемлемыми в настоящее время.

3. В большинстве случаев для более глубокого анализа недостаточно использовать материалы старых разработок в необработанном виде. Если сохранились первичные материалы, лучше всего обработать их заново; при этом ничто не мешает применить любую самую современную методику. Мало того, иногда возможно даже найти способ корректировки недостаточно достоверных источников (в качестве примера можно привести применение при использовании метрических книг системы идентификации имен, разработанной французскими учеными). Сложнее обстоит дело, когда первичные материалы не сохранились. Но и в этой ситуации исследователь не так уж безнадежно связан жесткими рамками проведенных до него расчетов. Применение новых группировок, основанных на самостоятельно выбранном группировочном признаке, вычисление групповых средних, получение новых сочетаний и т.п. возможно не только путем повторной обработки первичных материалов, но и посредством различных преобразований уже сделанных разработок (классический пример такого творческого подхода к статистическим источникам находим в работе В.И.Ленина "Развитие капитализма в России").

4.0. В настоящем сообщении ставится задача на некоторых примерах показать способы работы с переписями, первичные материалы которых не сохранились. Применение тех или иных приемов при обработке таблиц этих переписей требует не столько статистического, сколько историко-этнографического обоснования.

4.1. Этнический состав населения — один из вопросов, интересующих этнографа в первую очередь. Ответ, который дает на него дореволюционная статистика и прежде всего переписи, не вполне удовлетворителен — как из-за недостаточно точного и последовательного употребления некоторых этнонимов, так и из-за отсутствия сведений об этнической принадлежности, которые заменены сведениями о родном языке. Последний недостаток особенно сильно дает себя знать в переписях, проведенных в этнически смешанных регионах, в частности, в многонациональных городах. Перекрестное использование сведений о языке, вероисповедании, месте происхождения, сословной принадлежности позволяет во многих случа-

ях уточнить, а иногда и существенно исправить данные переписей об этническом составе.

4.2. При изучении прошлого этнолингвистические процессы обычно рассматриваются без количественных характеристик, так как статистических данных о них фактически нет. Между тем в некоторых случаях и на основе дореволюционных переписей можно анализировать этнолингвистические процессы, в частности, процессы языковой ассимиляции, сопоставляя данные переписей о языке с численностью этнических групп, установленной не по языку, а способом вышеописанной реконструкции.

4.3. Вопросы, связанные с семьей, также могут быть исследованы только косвенным образом, поскольку семья никогда не была объектом, о котором собирались бы специальные сведения во время дореволюционных переписей. Так, можно изучить связь размера семьи, количество детей в семье, доли нецерковных браков и т.п. с социально-классовыми и этническими характеристиками, используя данные о расселении, о наличии прилуги, о размере квартир и домов, о религиозной принадлежности.

КОНТАКТЫ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ЮЖНОГО УРАЛА С ПЛЕМЕНАМИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ И ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.Х.Халиков

1. Уральские горы никогда не были препятствием для регулярных контактов и перемещений западносибирского и приуральско-поволжских групп населения, контактов, сыгравших значительную роль в формировании многих народов как Восточной Европы, так и Западной Сибири.

2. Древнейшие контакты уходят в глубины верхнего палеолита, когда, судя по материалам верхнепалеолитических стоянок типа стоянки им.Талицкого в Прикамье и Кравцовского в Среднем Поволжье, отмечается сближение верхнепалеолитических культур Сибири и Поволжья.

3. В эпоху мезолита, особенно в лесной зоне Волго-Камья и Западной Сибири, отмечается установление сходной археологической культуры, сочетающей в себе микропластину с рубящими орудиями и характерный тип полуназемных жилищ.

4. Распространение в раннеолитическое время в Волго-Камье и Западной Сибири керамики с накольчато-прочерченным орнаментом, культура которой вырастает на основе местного мезолита, заставляет предполагать сохранение по обе стороны Уральского хребта этнокультурной общности, в носителях которой следует усматривать уралоязычный этнос.

5. Для северных (нижнеобских) районов Западной Сибири в эпоху позднего неолита характерно появление культур с ямочно-гребенчатой керамикой, истоки которых ряд исследователей усматривают в лесной полосе Восточной Европы. Возможен просамодийский этнос носителей этой культуры.

6. В начале энеолитического времени (I пол. II тыс. н.э.) отмечено появление в Икско-Бельском междуречье энеолитических комплексов с накольчатой керамикой, характерной для обширных районов Западной Сибири. Возможен протоугорский этнос их носителей.

7. Ближе к середине II тыс. до н.э. относится включение в Поволжье и Прикамье лесостепных сибирских племен, принесших прототипы сеймино-турбинских бронз, каменные изделия глазковского типа и керамику, орнаментированную налепными валиками. Не исключено, что это связано с первым появлением в Восточной Европе носителей алтайского этноса.

8. К третьей четверти II тыс. до н.э. отмечается включение в среду племен эпохи бронзы Приуралья и Среднего Поволжья андроновидных элементов, что привело к созданию в лесостепной зоне Западной Сибири и Волго-Камья сходных археологических образований: поздняяковского, приказанского, черкаскульского и т.п. Очевидно сохранение в их носителях финно-угорского этноса с сильным ираноязычным воздействием.

9. Наличие в поселениях поздней бронзы (Алексеевское на Тоболе, поселения розановского типа и др.) Западной Сибири позднеприказанской керамики атабаевского облика позволяет предполагать около конца II тыс. до н.э. проникновение волго-камского (финноязычного) населения в западносибирскую среду.

10. Карасуовидные (ирменские) элементы, наблюдаемые в позднеприказанских (маклашевско-турматинский тип) материалах, позволяют предполагать усиление сибирских этнокультурных (прото-тюркских) и антропологических (монголоидных) элементов в этно-

се населения Волго-Камья на пороге эпохи раннего железа.

КЛАССИФИКАЦИЯ СКОТОВОДСТВА И ДЕФИНИЦИИ

Г.Е.Марков

Классификация, дефиниции и хозяйственная и социальная терминология скотоводства, в том числе и кочевничества, разработаны еще совершенно недостаточно. Отсутствует общепринятая классификация видов скотоводства и соответствующая терминология. По-разному понимаются и обозначаются различные явления хозяйственной и социальной жизни скотоводов.

Прежде всего следует установить различия в дефинициях скотоводства и животноводства. Последнее представляет собой составную часть комплексного хозяйственно-культурного типа плужных или мотыжных земледельцев. При животноводстве разводится породистый крупный рогатый скот молочного и мясного направления, свиньи, в небольшом количестве мелкий рогатый скот, транспортные и тягловые животные, птица.

Сложнее обстоит дело с дефиницией понятия "скотоводство" вследствие многообразия форм скотоводческого хозяйства. Предполагается, что скотоводством следует называть вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более или менее экстенсивном разведении животных, и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей одну из важнейших его характеристик.

Скотоводство можно рассматривать как форму хозяйства. Но соответственно с тем, составляет ли скотоводство основу или только один из важнейших признаков хозяйственно-культурного типа, а также в зависимости от социальной структуры того или иного общества скотоводов, его можно подразделить на два типа, имеющие между собой принципиальные различия. Это тип кочевничества и тип подвижного скотоводства.

Кочевничество предполагает не только хозяйственную, но, в первую очередь, социальную характеристику общества. Хозяйственную основу кочевничества составляет экстенсивное пастбищное скотоводство, при котором разведение животных представляет собой главный вид занятий населения и составляет основную часть средств существования. В зависимости от природных условий, политической ситуации и ряда других обстоятельств кочевническое

хозяйство может быть кочевым и полукочевым.

Под "кочевым" надо понимать в и д кочевничества, при котором пастбищное скотоводство ведется в очень подвижной форме и амплитуда кочевания значительна для данных условий. Прimitивное мотыжное земледелие при этом или вовсе отсутствует, что встречается редко, либо имеет небольшое значение в хозяйственной деятельности. Но разведение животных не составляет единственного занятия кочевников, в зависимости от условий и политической обстановки средства существования доставляли также торговля, сопровождение караванов, охота, военный промысел.

Полукочевой вид хозяйства также основан на пастбищном экстенсивном скотоводстве и в принципе мало отличается от кочевого. Несколько меньше его подвижность, большее место в хозяйстве занимают вспомогательные виды деятельности, прежде всего, земледелие.

Амплитуда кочевания не является решающим фактором при установлении вида кочевничества, так как в разных условиях она различна.

Таким образом, кочевой и полукочевой виды кочевничества составляют основу единообразного хозяйственно-культурного типа кочевников.

Необходимо подчеркнуть, что многие признаки кочевого и полукочевого хозяйства характерны не только для кочевничества, но и для других типов скотоводства. Поэтому для определения общества как кочевнического необходимо прежде всего наличие специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации и военно-политической структуры.

Кочевничество сложилось в ходе очередного крупного разделения труда, в ходе которого на экстенсивной хозяйственной базе возникла своеобразная, также экстенсивная социальная структура, общественная организация и институты власти. Экстенсивность хозяйства и общественного строя имели следствием, что эти явления очень медленно развивались у кочевников, были застойными.

Первобытные отношения разложились у кочевников еще в ходе выделения их из среды прочих варваров, и сложились общества, дифференцированные в имущественном и социальном отношении. Однако вследствие экстенсивности их социально-экономических отно-

шений развитые классы не возникли у кочевников, так как их появление немедленно приводило к разложению кочевничества и переходу кочевников к оседлым видам занятий

В зависимости от военной и политической ситуации племенная общественная организация кочевников была или относительно централизованной (военно-кочевое состояние), либо аморфной (общинно-кочевое состояние). Высшей формой военной организации кочевников были "кочевые империи". Однако рассматривать их в полном смысле как государства нельзя, т.к. они не имели своей специфической социально-экономической базы; не объединяли общества, разделенные на классы; после завершения очередной экспансии кочевников почти бесследно исчезали, что невозможно для государства.

В связи со спецификой социально-экономических отношений кочевников употребляемая в связи с ними терминология — хан, князь и т.п. — очень условна, и эти термины имеют в условиях кочевничества совсем иной смысл, чем у оседлых земледельцев.

Сложен вопрос о том, можно ли все виды подвижного скотоводства (не относящиеся к кочевничеству и стойловому животноводству) свести в один тип. Возможно, что виды подвижного скотоводства составляют как один, так и несколько хозяйственно-культурных типов.

Понятие "подвижное скотоводство" охватывает совокупность разнообразных видов экстенсивного и интенсивного скотоводства, которые доставляют основные средства существования и осуществляются с помощью перегона или отгона скота на пастбища: от круглогодичного содержания на пастбищах до разных форм отгонного и полuosедлого скотоводства. В зависимости от вида подвижного скотоводства разводится мелкий и крупный рогатый скот, транспортные животные.

Таким образом, по форме некоторые виды подвижного скотоводства схожи с кочевничеством. Но принципиальная разница состоит в том, что подвижные скотоводы не представляют собой самостоятельных и независимых от земледельцев социальных организмов и этносоциальных общностей, племенных и политических образований.

Различия подвижного и оседлого скотоводства заключаются в том, что если для подвижного скотоводства разведение животных

является главным, хотя и не единственным, занятием, то у земледельцев животноводство представляет собой вспомогательную отрасль интенсивного сельского хозяйства. Животноводы разводят также свиней и птицу.

Основываясь на взглядах, имеющих в литературе, в подвижном типе скотоводства можно выделить виды: альпийское (горное), трансгуманс и равнинное скотоводство.

При альпийском скотоводстве летом скот пасется на альпийских пастбищах, а зимой содержится около оседлых поселений в стойлах. При альпийском скотоводстве в горы поднимается только часть населения, остальные занимаются земледелием, заготавливают на зиму животным корм и т.п.

Трансгуманс - более подвижная форма хозяйства. Эта форма хозяйства состоит в круглогодичном содержании стад на сезонных пастбищах.

Для четкости терминологии термины "кочевание", "кочевое хозяйство", "перекочевки" и т.п. следует применять только к кочевничеству.

При описании подвижного скотоводства можно пользоваться терминами "отгон", "перегон" и т.п.

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЖЕНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПРИИРТЫШЬЯ

Ф.Х.Арсланова

В настоящее время известны три женских погребения из Восточно-Казахстанской области, в которых среди богатого комплекса вещей найдены культовые скульптурные изображения рыб, а также птиц, личин, дракона. Два подобных захоронения открыты в Павлодарском Прииртышье. Идентичный курган обнаружен А.П.Уманским у с.Мало-Панишево в юго-западной части Алтая, территориально близкого к прииртышским памятникам.

В двух случаях женщины были захоронены совместно с детьми (Бобровский могильник, курган 4; Мало-Панишевский курган), в остальных, по всей вероятности, в семейной усыпальнице. Обращает на себя внимание то, что женские погребения, содержащие культовые предметы, занимали центральное место как в самом могильни-

ке, так и внутри семейной усыпальницы.

Своеобразен сопутствующий инвентарь, включающий, кроме женских украшений и культовых предметов, конскую сбрую (удила, стремяна). Обязательным атрибутом погребального инвентаря является железный нож. Особый интерес представляет наличие в одном захоронении (курган 4, Зевакинский могильник) амальгамированного зеркала с древнетюркской надписью, принадлежавшего знатной женщине. Судя по наличию вышеперечисленных специфических предметов (амулеты в виде рыб, птиц, личин и др.), можно предполагать, что захороненные в этих пяти изученных курганах женщины при жизни могли отправлять определенные действия, связанные с религиозными церемониями. Важно в этой связи отметить существование у многих средневековых племен и народов культа "Матери Умай". Образ Умай исследователи рассматривают как женское божество, покровительницу очага, хранительницу потомства, покровительницу детей (А.Н.Бернштам, С.М.Абрамзон). У тюркоязычных народов долго сохранялся обычай обращаться к Умай во время родов, при лечении детей.

В этнографии киргизов отмечен орнаментальный мотив под названием "Умай", причем замечательно, что этот элемент орнамента имеет вид птицы и осознается как ее изображение (С.М.Абрамзон).

В инвентаре рассматриваемых женских погребений почти всегда вместе со скульптуркой рыбы были найдены подвески в виде крыльев птиц или сердцевидные подвески, изображающие стилизованных птиц, или булава, завершающаяся изображением птицы.

Таким образом, своеобразный комплекс вещей из прииртышских погребений позволяет включить захороненных в особую группу людей, выступающих в роли служителей древнейшего культа "Умай", родиной которого, как отмечают этнографы, была Центральная Азия, а область распространения — Алтай, Тянь-Шань. В этот регион следует включить и Прииртышье. Приведенные выше данные позволяют также наметить существовавшие этнокультурные связи между средневековыми племенами Казахстанского Прииртышья, Алтая и соседних районов Приобья.

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И
ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Н. А. Боковенко

1. Переход населения скотоводческих культур степной бронзы Евразии где-то в конце II – начале I тыс. до н.э. к кочевому скотоводству, в значительной степени обусловленный пригодными и культурно-историческими особенностями, а также интенсивным освоением верхового коня, был качественно новым этапом развития степных обществ. Новое содержание вызвало создание таких элементов, адаптивных механизмов и социально-экономических структур в культурах, которые позволили достаточно быстро приспособиться к внешней среде и исторической ситуации. Получили дальнейшее развитие и возникли принципиально новые типы оружия, конского снаряжения, посуды и т.п., изменился погребальный обряд. Следствием нового уровня миропонимания, значительных сдвигов в идеологических представлениях, видимо, явилось своеобразное искусство, ярким выражением которого послужил скифо-сибирский звериный стиль. То есть вырабатывались такие компоненты культуры, которые позволяли стабильно существовать и развиваться ей длительное время.

2. Формирование культур ранних кочевников (или скифских), естественно, происходило везде по-разному, и условия для их функционирования были не всегда равноценны. Отсюда и поливариантность древней кочевой системы скотоводства, основу которой заложили культуры эпохи бронзы, в частности, культуры срубно-андроновского типа. Правда, не всегда культуры скифского облика на какой-то территории, скорее всего в силу их динамичного характера, генетически связаны с предшествующими культурами. И поскольку этот процесс затронул почти всю степную зону Евразии и протекал сравнительно небольшой промежуток времени (насколько это известно по археологическим данным), можно говорить о необходимости и закономерности этого явления. По мнению некоторых исследователей, переход к кочевничеству напоминал цепную реакцию и затронул все прилегающие районы осадлих земледельцев.

3. Совокупность всего археологического материала условно позволяет выделить четыре значительные и своеобразные зоны культурных общностей ранних кочевников (их условно можно сопо-

ставить с культурно-историческими областями): Северное Причерноморье (в широком смысле), Казахстан-Средняя Азия, Саяно-Алтай, Забайкалье-Монголия. Им характерны, на наш взгляд, следующие общие черты.

а. Культурные образования в этих регионах выступают как некая единая культура, состоящая из взаимосвязанных звеньев: собственно кочевой пласт, оседло-земледельческий и ремесленный. Форма взаимовлияний может быть различной. В некоторых случаях характер взаимоотношений этих звеньев обусловлен влиянием культур иного порядка (античной, ахеменидской и т.п.).

б. Анализ некоторых элементов культур (конского снаряжения, оружия, металлической посуды, отчасти произведений искусства) позволяет зафиксировать то, что наиболее целесообразные "любимые" типы из этих категорий вещей, видимо, наиболее оптимальные для какого-то времени, в условиях повышенной коммуникабельности и благодаря некоему единому уровню восприятия распространяются чрезвычайно широко. К примеру, двукольчатые, стреломечковидные, однокольчатые удила, трехдырчатые псалыги арканочерногоровского типа - в конском снаряжении, мечи с длинным перекрестием, ромбические, пулевидные наконечники стрел - в вооружении, определенные сюжеты терзания, отдельные образы оленя, хищника - в искусстве и т.д. - в определенные моменты археологически фиксируются одновременно от Северного Причерноморья до Монголии. Причем этому явлению свойственна характерная для степей цикличность: широкое территориальное распространение вещей сменяется локализацией и переосмыслением новых культурных форм с последующей модификацией, затем снова повторение этих процессов, иногда несколько раз.

4. Специфика Северного Причерноморья, например, для кочевников обусловлена как своеобразием физико-географического положения, так и сложившейся исторической ситуацией. Сравнительно небольшая территория для кочевания (примерно в 4 раза меньше Казахстана), пересечена в меридиональном направлении крупными реками, ограничена с севера лесами, с юга - морем, с запада - горами, представляла собой своеобразный мешок, куда с востока периодически вливались новые кочевые объединения (сарматы, сарматы и т.п.). Своеобразие в историческом плане определено довольно ранним проникновением греков в этот регион (где-то с

начала II в. до н.э.). Двойное влияние подобных контактов общеизвестно. Положительный вклад греческой цивилизации несомненен, отрицательный тоже. Археологический материал в некоторых случаях свидетельствует о продуманной политике, направленной на ослабление скифской общности и подчинение ее греческому влиянию. Некоторые существенные черты этой политики, на наш взгляд, следующие: а) подкуп аристократической верхушки (значительная часть греческого экспорта — изделия из драгоценных металлов, расписная дорогая посуда и т.д.), б) спаивание широких масс населения Северного Причерноморья (на многих памятниках зафиксировано преобладание греческой винной тары, особенно с IV в. до н.э.), в) внедрение в идеологический пласт культуры (появление в скифском искусстве большой серии греческих мотивов и сюжетов, новых черт погребального обряда, особенно волизи колоний и т.п.). Однако скифская культура пыталась противостоять активному вторжению греческой, о чем отчасти может свидетельствовать трагическая судьба Анахарсиса и Скила. В силу этих, а также внутренних процессов, происходивших в скифском обществе, их государственные образования в Северном Причерноморье были недолговечны и стабильно в достаточно развитой форме существовать, видимо, не могли.

Аналогичная ситуация скорее всего складывалась у кочевых обществ в прилегающих областях с ахеменидской и китайской цивилизациями, но с некоторым восточным оттенком.

5. Иное физико-географическое положение занимают Казахстан и Саяно-Алтай, достаточно далекие от сильных цивилизаций и имеющие свободные проходы в широтном направлении. Их территория по своим природным условиям менее всего подходит для длительного стабильного существования древних земледельческих культур и вполне соответствует для развития различных форм кочевого скотоводства. Подстилающий мощный пласт пастушеских скотоводческих культур андроновского типа явился основой для перехода к кочевому скотоводству (исключением, пожалуй, может служить Минусинская котловина, хотя и здесь можно ожидать нахождение своеобразных форм кочевничества). Эти изменения достаточно хорошо фиксируются по археологическому материалу. Своеобразие этих регионов характеризуется, например, не только мощными и сложными погребальными сооружениями ранних кочевников с применением большого количества камня и дерева (Аржан, Бесматир, Па-

зырк и др.), но и самобытными изделиями, особенно произведениями искусства (Аржан, Иссык, Пазырык, Тасмола, Сибирская коллекция и т.д.), в которых доминируют местные сюжеты и образы. Исследования, охватывающие все компоненты культуры ранних кочевников (в том числе и социально-экономические аспекты), свидетельствуют о нескольких этапах развития. Создавались такие довольно сложные культурные и социально-экономические образования, которые позволяли скифо-сакским племенам стабильно существовать длительное время. Именно для этих регионов можно ожидать нахождение оригинальных путей развития, нестандартных социально-экономических структур не только для поздних этапов (У-III вв. до н.э.), но и для ранних (УШ-VI вв. до н.э.).

6. Ряд авторов считают, что ранние кочевники сумели создать некие примитивные государственные образования, отчасти напоминающие образования средневековых кочевников. Эта точка зрения, основанная на большом количестве средневековых и этнографических данных, может оказаться ошибочной, так как в основном использует материалы не совсем типичных для кочевников территорий (Северное Причерноморье и др.), материалы конечных результатов довольно сложного пути развития обществ древних кочевников, и в этом случае ничего принципиально нового в социально-экономическом плане не получить. Отсюда точка зрения о тупиковости и застойном характере кочевнической экономики в силу всех вышеизложенных обстоятельств пока неправомерна. Видимо, нельзя требовать от всех хозяйственных типов государственности. Каждый из них соответствует определенному уровню развития общества.

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Г.М.Буров

Нашедшая отражение в печати концепция об автохтонности средневекового населения европейского Северо-Востока, согласно которой оно восходит к местным "печоро-вычегодским" неолитическим племенам, не соответствует тому, что нам известно о памятниках этой территории, где люди, не знавшие производящих форм хозяйства, вели преимущественно полуседлый образ жизни. Здесь

в VII тыс. до н.э. - XIV в. н.э. бытовало 25 культурных типов, представляющих собой в основном археологические культуры (висский, камско-вычегодско-печорский, каргопольский, энзятский, черноторский, камский, волго-окский, вычегодско-вятский, синдорский, гаринско-борский, абашевский, сейминско-турбинский, усть-вымский, коршакский, атаман-нюрский, лебяжский, чаркабожский, ананьинский, гляденовский, бичевницкий, большеземельский, кушеватский, вымский и лузский). Но прямая преемственность между типами прослеживается только в некоторых случаях.

На европейском Северо-Востоке, наряду с культурами сравнительно небольших ареалов (вычегодско-вятская, лебяжская на раннем этапе, ванвиздинская и пр.), распространялись культуры широкого территориального охвата: волго-окская неолитическая, синдорская, гаринско-борская, ананьинская, гляденовская и пр. Столь же своеобразны и велики по ареалу культуры других регионов: днепро-донецкая и линейно-ленточной керамики, фатьяновская и абашевская, срубная и андроновская, савроматская и латенская. В принципах выделения культур мы следуем за А.П.Окладниковым, А.Х.Халиковым, Д.А.Телегиным, К.В.Сальниковым и др.

При разработке номенклатуры для археологических общностей нельзя руководствоваться принципом, согласно которому совокупности однотипных памятников меньшего территориального охвата - культуры, а большего - широкие (историко-культурные) общности. Ведь в древности, как и в современную эпоху, наряду с малыми этносами существовали и большие. Критерием должна быть не величина ареала, а степень близости между памятниками. И при этом граница между европейским Северо-Востоком и Прикамьем не может считаться барьером, разделяющим культурные ареалы.

Увлечение выделением микрокультур (и самостоятельных мелких культурных типов) ведет не только к тому, что исследователи могут лишиться возможности запомнить их названия и особенности, но и к тому, что само слово "культура" отходит на задний план, подменяясь более громоздким термином "историко-культурная общность", причем для реальных широких общностей уже не остается соответствующего термина. Подобная подмена неизбежна, когда различия между "культурами" улавливаются с трудом или не прослеживаются вовсе из-за кратковременного характера поселений.

На наш взгляд, недопустимо называть даже самую обширную общность историко-культурной, если она не состоит из уже намеченных реальных культур. В сомнительных случаях общность может быть предварительно названа культурным типом.

Каждая археологическая культура как основная единица в рассматриваемой номенклатуре должна весьма существенно отличаться от прочих единств и быть вполне самостоятельным явлением. Только в этом случае проявит себя оптимально трехступенчатая система: историко-культурная общность — культура — вариант. Трудно согласиться с В.И.Канивцом, усматривающим на европейском Северо-Востоке, в памятниках северного варианта ананьинской культуры, самостоятельные "перныйский" и "ямашорский" культурные типы У-III вв. до н.э. Такие вычегодско-печорские поселения, как Перный, по существу, не отличаются от верхнекамских. В ямашорский же "тип" вошли как поселения У-III вв. до н.э. с некоторыми усть-полуйскими чертами, так и самые поздние стоянки лебязской культуры.

Археологическая культура может распадаться на локальные и локально-хронологические группы. Например, в синдорской культуре выделяются собственно синдорский, ортинский, топид-нюрский, мармутгинский, аятский и галичский варианты. В некоторых других случаях вычленение подобных групп при современной изученности невозможно. Состоя из более мелких подразделений, культура должна, однако, иметь целый комплекс признаков, которые были бы свойственны памятникам всех ее групп: одно только единство территории еще не делает совокупность древностей археологической культурой. Нарушение этого принципа привело в свое время к появлению ряда таких искусственных культур, как "беломорская" и "печорская".

Залегание вещей разных категорий и типов в одном и том же культурном слое (на песчаной террасе или в пещере) не служит бесспорным свидетельством о том, что они составляют единый комплекс. Игнорирование этого правила обусловило ошибку в интерпретации лебязской культуры, имеющей, судя по облику керамики, пред- и раннеананьинский возраст. Точка зрения, согласно которой нижняя дата лебязьего приходится на XV в. до н.э., базируется на том, что сейминско-турбинский комплекс Канинского пещерного святилища (медно-бронзовые, костяные и каменные орудия,

имеющие параллели в сибирских памятниках глазковского типа) включает якобы и керамику раннелебяжского этапа. Ошибочность этого постулата доказывается типологическим различием каменно-металлического инвентаря из пещеры и с раннелебяжских поселений, отсутствием бытовой глиняной посуды в могильниках сейминско-турбинского типа и, главное, полным металлургическим несходством между лебяжскими и канинскими вещами из металла. Носители лебяжской культуры использовали медь с высокой естественной концентрацией олова, свинца и мышьяка, присутствием золота и незначительным содержанием серебра, а в трех случаях, когда отмечена бронза, она оказалась оловянистой. Сейминско-турбинский же металл Канинской пещеры представляет собой, как правило, бронзу, часто мышьяково- или сурьмяно-оловянистую, с повышенной концентрацией серебра и обычно без примеси золота, причем в меди и оловянистой бронзе свинец и мышьяк содержатся в сравнительно небольшом количестве.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
(на примере таштыкского могильника Комаркова Песчаная)

Э.Б.Вадецкая

Археологические памятники, в частности, могильники, раскрывают незначительную часть сложного ритуала погребения и дают отрывочную палеоэтнографическую информацию. Сопоставление обычных грунтовых таштыкских могил с единичными, полностью сохранившимися, показывает, как много вещей было в могилах и как мало дошло до археолога. Отглахтинские уникальные гробницы содержали мумии и человекоподобные куклы в зимней одежде и были заполнены моделями вещей и деревянной посудой. В отличие от них в могилах обычной сохранности содержатся лишь скелеты, пепел, один либо несколько глиняных сосудов, кости животных. Редкими являются даже украшения и поясные пряжки, поскольку они, как и модели оружия, изготавливались из дерева. Тем не менее извлечение из археологического памятника как археологической, так и этнографической информации зависит не только от степени его сохранности, но и от методики исследования, что можно продемонстрировать на примере могильника Комаркова Песчаная, расположенного

на правом берегу Енисея.

Археологическая характеристика могильника. Расположен под дюнами, состоял из 73 могил, преимущественно для взрослых, представляющих глубокие ямы с очень низкими срубам, плотно закрытыми бревнами и берестой. Могилы индивидуальные и коллективные, среди последних преобладают содержавшие человеческий скелет и остатки одного трупосожжения. В двух срубках трупы были похоронены в уже полуразложившемся состоянии, в одном — захоронены кости скелета. Размеры и глубина срубов, засыпанных поверх потолка землей, размещение в них погребенных свидетельствует об одновременном захоронении двух и более человек. Погребенные положены в западной половине сруба, головой на запад; в ногах, реже у головы, поставлено по глиняному сосуду с напитком, в ноги положен кусок баранины и говядины. Настоящие украшения единичны, у большинства погребенных они заменены деревянными имитациями, обтянутыми фольгой или золотом. Наиболее многочисленны костяные стерженьки — проколки, всегда находящиеся за черепом или около, что свидетельствует об их использовании в качестве заколок-шпилек. Могилы для детей расположены на окраине могильника и представляют собой неглубокие ямки, ящички, колоды. Обычно безынвентарны.

Этнографический аспект исследования могильника. Равнине по площади места, отведенные для трупа или остатков трупосожжения, тождественность размещения поставленных им сосудов и кусков мяса не оставляют сомнения, что пепел человека хоронили в погребальных куклах в рост человека, известных в Оглахтинском могильнике. Обращает внимание, что во всех могилах со скелетом и куклой каждый из них занимает строго определенное место: кукла вдоль северной стенки сруба, а скелет вдоль южной. Поскольку все скелеты женские, можно предположить, что кукла изображает мужчину, что в определенной степени подтверждается анализом сожженных костей, так как среди определимых нет женских, а есть мужские. Аналогичное встречено и в некоторых других таштыкских могильниках, где полностью или почти полностью отсутствуют мужские скелеты (Мысок, Новая Черная IV-V). Косвенным подтверждением является кукла в Оглахтинской гробнице (могила 4, 1969 г.), лицо которой раскрашено как лицевая маска находящегося там же мужского скелета. Исходя из этого предположения, среди коллективных одноактных захоронений преобладают парные

(19 из 26), и следовательно, в могиле хоронили супругов и даже семьи. Наличие трупов, захороненных в полуразложившемся виде и даже в виде костей скелета, свидетельствует о разных сроках смерти одновременно погребенных. Значит бытовали временные хранения трупов и кукол-манекенов в виде домиков мертвых или временных могил. Остатков одежды не сохранилось, зато по расположению костяных шпилек и наконечников устанавливаются 2 вида женских причесок. Наиболее распространенной была коса, уложенная на макушке под берестяным колпачком, закреплявшимся на голове 1-3 шпильками. Богатые женщины носили высокую прическу, каркасом которой служила узкая костяная трубочка, сквозь которую продевали собственные волосы, собранные на макушке или темени, а затем в них вплетались накладные. Волосы закалывались множеством шпилек и обвивались низкими бисера и бус.

Далеко не полный анализ таштыкского могильника Комаркова Песчаная устанавливает тесное переплетение археологического и этнографического аспектов исследования, составляющих основу дальнейшим археолого-этнографическим параллелям.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

В.И.Васильев, В.А.Могильников

Эпоха железа, охватывающая почти полтора тысячелетия (последние века I тысячелетия до н.э. - начало II тысячелетия н.э.), была временем зарождения и развития тех основных этногенетических процессов, конечным результатом которых явилось формирование большинства современных западносибирских этносов. Последние десятилетия дали значительное число материалов, главным образом археологических, позволивших существенно расширить и углубить представления не только о хозяйственном укладе и быте населения рассматриваемой исторической эпохи, но и вплотную подойти к вопросу об этнической принадлежности этого населения на всей обширной территории западносибирского региона.

Первые попытки этнической интерпретации ряда западносибирских археологических культур эпохи железа и более ранних периодов связаны с именами таких исследователей, как В.Н.Чернецов, О.Н.Бадер, В.Ф.Генинг и другие, и относятся к 50-м, началу и середине 60-х годов. Накопленный к настоящему времени объем ма-

териалов позволяет рассматривать эти вопросы более основательно и конкретно.

Одной из ключевых проблем этнической истории Западной Сибири раннего железного века является вопрос об этнической принадлежности населения саргатской и гороховской культур. Наиболее распространенной гипотезой в отношении его этнической природы является угорская. У истоков ее стоял В.Н.Чернецов, к позиции которого примыкали К.В.Сальников и другие исследователи, допускавшие, что саргатская и гороховская культуры сформировались на основе андроновидных культур позднебронзового времени. Наряду с этим была выдвинута еще одна гипотеза, базировавшаяся на первой и нуждающаяся в дальнейшей разработке, - о западносибирских лесостепных истоках древнемадьярского этноса (В.Н.Чернецов). В 70-х годах с открытием в Приуралье новых материалов кушнаренковской культуры она получила поддержку в работах Е.А.Халиковой.

Одновременно подчеркивалось и подчеркивается (К.ч.Смирнов, В.Е.Стоянов, Б.А.Могильников, Л.Н.Корякова) наличие кыпчакских, по общему мнению, вероятнее всего иранских, раннесакоких или сарматских, элементов в саргатской и гороховской культурах. К таковым принято относить шатровые перекрытия могильных камер, использование при перекрытии хвороста, наличие в отдельных погребениях каменных жертвенников сарматского типа и т.д. Сколь велика была этническая инфильтрация иранских элементов в саргатско-гороховскую среду, определить пока трудно, но несомненно, что наиболее интенсивно она прослеживается в материалах У-IV вв. до н.э. и заметно ослабевает, а потом и вовсе исчезает в материалах, близких к рубежу н.э. и позднее.

Наконец, обращает на себя внимание отдаленное, но все же достаточно опутимое сходство керамики и некоторых элементов погребального ритуала саргатов с памятниками кушнаренковского типа на территории Башкирии, Среднего Поволжья и Прикамья, с одной стороны, и материалами ряда археологических комплексов лесостепной полосы Западной Сибири VI - первой половины IX вв. (потчевашская культура, Бобровский и Перейминский могильники). При всем своеобразии керамики каждого из названных комплексов присутствуют налицо элементы их генетической связи, восходящие к общей для кушнаренковцев, потчевашцев и населения, оставивше-

го Бобровский и Перейминский могильники, генетической основе. Такой основой, как мы полагаем, была предшествовавшая этим археологическим комплексам культура саргатского этноса, в разной степени участвовавшая в их формировании. Развивая это положение; вероятнее всего прийти к заключению, что гуннская экспансия и события великого переселения народов не имели своим результатом полное этническое исчезновение саргатской культуры, а раскололи ее носителей на несколько этнических единиц, часть которых уже в видоизмененном культурном облике позднее нашла свое продолжение в кушнаренковском, потчевашском и бобровско-перейминском населении.

О наличии единого субстратного пласта — самодийского, по мнению исследователя, у кушнаренковского, потчевашского и бобровского населения писал В.Ф.Генинг. Признавая участие восточных приобских самодийских компонентов в генезисе потчевашской культуры, мы не склонны считать потчевашскую культуру полностью самодийской, принимая во внимание присутствие в ней угорских элементов, локализовавшихся в Прииртышье и Притоболье.

Второй ключевой проблемой этнической истории западносибирского региона эпохи железа является вопрос об этнической принадлежности носителей кулайской культуры. Многокомпонентность кулайских памятников установлена работами многих исследователей с бесспорной убедительностью. С одной стороны, кулайский культурный комплекс обнаруживает четко выраженные традиции, говорящие об его устойчивой генетической связи с предшествующими культурами таежной полосы Западной Сибири — еловской и самусьской, с другой стороны, в нем выявляются определенные элементы южного степного происхождения. Как известно, в III-II вв. до н.э. группа кулайцев проникает в Новосибирское Приобье, где в результате их контактов с большебереченцами складывается новосибирский вариант кулайской культуры. Позднее, в первых вв. н.э., кулайские компоненты появляются и в Верхнем Приобье, что прослеживается в фоминских памятниках, и в Прииртышье, обусловив формирование среднеиртышской культуры. Одновременно влияние и, очевидно, проникновение кулайцев обнаруживается далеко на севере таежной зоны, что нашло отражение в сходстве саровской кулайской керамики с керамикой Усть-Полуя.

Полное решение вопроса об этнической природе кулайцев пока еще остается открытым. В применении к ним даже существует термин "угро-самоеды", не выдерживающий критики с точки зрения этногенетики и приемлемый лишь ввиду невозможности во всех случаях осуществить средствами археологии сегодняшнего дня четкое разграничение разноэтнических культур в условиях таежной полосы. Можно лишь предполагать, что кулайский культурный элемент, проникший в лесостепь Новосибирского Приобья, был, вероятнее всего, самодийским, о чем свидетельствует близость керамических комплексов указанного времени на всем протяжении разделенных огромными расстояниями участков бассейна Оби (саровский - Нижнее, Нарымское, Сургутское и Томское Приобье, Фоминский - Новосибирское и Верхнее Приобье, среднеиртышский - часть бассейна Иртыша).

К ХРОНОЛОГИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

В.А.Иванов

Хронологизация памятников эпохи раннего средневековья представляет собой одну из актуальных проблем южноуральской археологии, поскольку от точности ее решения зависит достоверность реконструкции основных этапов этногенеза современных народов Волго-Уралья.

Однако именно хронология и, соответственно, этническая интерпретация средневековых древностей Южного Урала является предметом разногласий между исследователями, занимающимися этой эпохой (см. работы А.К.Амброза, В.Ф.Генинга, Н.А.Махитова, В.Б.Ковалевской).

Основная причина разногласий, на мой взгляд, кроется в отсутствии единого хронологического критерия и метода хронологизации. Хотя есть достаточно оснований надеяться, что в качестве своеобразной "панацеи" в данном случае может выступить метод ассоциации или сопряженности типов, подробно разработанный Г.А.Федоровым-Давыдовым (1966 г.) и успешно примененный для датировки средневековых могильников Верхней Камы (Р.Д.Голдина) и мордовских древностей Суры и Мокши (В.И.Вихляев).

При выявлении хронологически определяющих комплексов в качестве опорных нами были использованы материалы могильников

УШ-IX вв. н.э. Поволжья (Больше-Тарханский, Больше-Тиганский), Прикамья (Мылданы-Шай) и Башкирии (Стерлитамакский), надежно датированных по находкам монет.

Обнаруженные в этих могильниках украшения были систематизированы по категориям (серьги, подвески, пронизки, пряжки, накладки, браслеты, перстни, бусы), в общей сложности состоящие из 66 типов, из которых через коэффициент сопряженности удалось выделить 25 типов, характерных именно для времени функционирования данных могильников, т.е. второй половины УШ - первой половины IX вв. Это бронзовые рамчатые пряжки, серьги: простые, с привесками или грузиками на конце; подвески: арочные шумящие; розетки, бубенчики, пронизки: спиральные, звеньевые, рожки; накладки прямоугольные и фигурные; граненные браслеты и перстни с массивными сердоликовыми вставками.

Аналогичная работа, проделанная с материалом курганов Южного Урала (Лагереvские, Каранаевские, Хусаиновские, I, II Бекешевские, Ямаши-Тау, Муракаевские, Старо-Мусинские и др.), позволила из общего количества типов вещей (58) выделить комплексы, характерные для времени существования этих могильников. Это - пряжки рамчатые и с литым щитком; шумящие, решетчатые и сердцевидные подвески; прямоугольные и фигурные накладки; накладки-лунницы, 3 - лепестковые украшения узды, бусы, всего 21 тип.

Сопоставление комплексов, характерных для могильников Волго-Камья, с комплексами из курганов Южного Урала свидетельствует о их значительном совпадении, что, прежде всего, говорит об одновременности этих групп памятников.

Однообразие погребального инвентаря на обширной территории от Верхней Камы до Средней Волги и Южного Урала, естественно, исключает его из категории этнокультурных признаков.

А что касается погребального обряда, то анализ, проведенный по методу, предложенному В.Ф.Генингом и В.А.Борзуновым (1975 г.), выявил следующую картину: из всей совокупности признаков (всего - 51 признак) по значению нормы распределения для грунтовых и курганных могильников Волго-Уралья характерными можно считать труположение в узких прямоугольных ямах (90,7%), простой конструкции (89,3%), без дополнительного перекрытия (97,8%); умершие положены на спину с вытянутыми конечностями (85,3%), головой на запад (39,6%) с отклонениями к се-

веру (24,4%) или к югу (22,1%).

Нельзя считать характерным проявление культа огня (следы огня выявлены только в 4,1% погребений), помещение в могилу керамики (28,7%) и мяса животных (38,5%). Очень редко встречается ритуальное захоронение частей туши коня (4,4%).

Вместе с тем распределение признаков среди памятников рассматриваемого региона обнаруживает некоторые локальные различия. Так, основная масса могил прямоугольной формы (72,5%) сосредоточена на Волге и Каме, а овальные и круглые - на Южном Урале. Могилы с подбоями и заплечиками представлены в Среднем Поволжье (соответственно, 100% и 97,3%), так же как и использование деревянного перекрытия (97,4%), на Средней и Верхней Каме господствует северная ориентировка костяков, а на Волге и Южном Урале - западная. Захоронение покойников в деревянных гробах присуще Поволжью и Прикамью (всего 95,5%), а заворачивание в дуб - выявлено пока только на Южном Урале (Ямашин-Тау и П. Бекешевский). Заупокойная пища (сосуды и кости животных) в той или иной степени наблюдается во всех могильниках региона, зато захоронение частей туши коня совершенно не представлено на Верхней Каме. Причем отдельно черепа в основном обнаружены на Южном Урале (60,9%), конечности - на Южном Урале и Чепце, а черепа и конечности - на Южном Урале и в Поволжье.

При определении парного коэффициента сходства рассматриваемых могильников Волго-Уралья по 51 элементу погребального обряда было установлено, что с критерием значимости 0,9 грунтовые могильники Волго-Камья, с одной стороны, и курганы Южного Урала, с другой, образуют две типологически компактные группы. Но при этом же критерии значимости наблюдается связь и между Поволжьем и Южным Уралом, а при критерии 0,8 - между Южным Уралом и Прикамьем.

Керамику, найденную в рассматриваемых памятниках, условно можно разделить на 5 групп: 1 - чашевидные сосуды с уплощенным дном и орнаментом из шнура и гребенчатого штампа (Прикамье); 2 - гончарные сосуды салтовского типа (Поволжье); 3 - плоскодонные неорнаментированные (Поволжье); 4 - кушнаренковский тип (Южный Урал, Поволжье); 5 - караякуповский тип (Южный Урал). Сосуды со шнуровым и зубчатым орнаментом, помимо Прикамья, изредка встречаются в Поволжье и на Южном Урале (Каранаевский,

Бекешевский). Суммируя изложенные выше факты и точки зрения исследователей, высказанные относительно этнической принадлежности памятников VIII-IX Волго-Уралья (В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков, Р.Г.Кузеев, Е.А.Халикова, Н.А.Мажитов), мы должны будем признать существование здесь четырех различных этносов (восточно-финский, болгарский, протомадьярский, тюркский или древнебашкирский), объединенных сходной материальной и духовной культурой и близким физическим типом (М.С.Акимов, Р.М.Юсупов). Но в данном предположении кроется ряд противоречий, например: такой тюркский (по В.Ф.Генингу и А.Х.Халикову) элемент, как захоронения в узких прямоугольных ямах, широко распространен на Верхней и Средней Каме, причем, с очень древних времен, а второй элемент - плоскодонная лепная керамика - совершенно отсутствует в тюркских (башкирских по Н.А.Мажитову) курганах Южного Урала. Захоронение частей конской туши наблюдается от Средней Волги и Южного Урала до Чепцы (могильник Мыдлань-Шай), а трупосожжение - помимо Южного Урала (Идельбаевские курганы ?) встречается на Верхней Каме (Урьинский могильник) и т.д.

Приведенные факты со всей очевидностью свидетельствуют о преобладании в Волго-Уральском регионе в VIII-IX вв. н.э. финно-угорского этнического компонента и вновь со всей остротой ставят на повестку дня вопрос о роли угров в этнической истории Урала, поднятый в свое время Е.А.Халиковой.

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ КУЛЬТА КОНЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ЕВРАЗИИ

Е.П.Казаков,

Зародившийся в III тыс. до н.э. культ коня у разных народов имел различные проявления, отражающие этнокультурную специфику его.

Одним из хорошо прослеживаемых по материалу погребальных памятников проявлений культа коня является положение в могилах части коня вместо целого рога *pro toto* - обычно положение шкуры лошади с оставленными в ней головой, ногами и хвостом. Этот вид культа имеет два основных погребальных варианта:

1) конские остатки имитировали вытянутое положение коня вдоль погребенного (обычно в широких ямах); 2) остатки коня клались

в кучу в ногах погребенного (обычно в узких ямах) чаще всего таким образом, чтобы копыта и морда лошади были обращены к голове погребенного человека.

Первый вариант, видимо, связанный с нередким положением целого коня, получил широкое распространение в азиатских степях со времени тюркских каганатов. Печенеги, а потом половцы широко применяли его в своем погребальном обряде в степях Восточной Европы.

Второй вариант, спорадически прослеживаемый еще с эпохи энеолита и бронзы (К.В.Сальников, Е.Е.Кузьмина, В.Ф.Генинг), особенно широкое распространение получил начиная с гуннского времени. Он известен в гуннских могильниках Забайкалья (Ильмовая Падь и другие), в некоторых относимых к гуннам погребениях IV - начала V вв. в Восточной Европе (О.Д.Дашевская и другие).

Со второй половины VI - VII вв. и позднее этот вариант фиксируется в памятниках Башкирии (Кутчаренковский, Иткучуковский, Мрясимовский и другие могильники).

В своей классической форме вариант выступает в памятниках, оставленных населением ранней Волжской Булгарии: Больше-Тиганском (в 1/3 захоронений зафиксирован этот комплекс), I Больше-Тарханском (62 погребения с таким комплексом), Танкеевском (84 погребения) могильниках IX-X вв.

В конце IX века мадьяры принесли данную особенность обрядности в Паннонию, где она фиксируется в десятках памятников IX-X вв. (Ч.Балинт и другие),

С этим вариантом обрядности, видимо, тесно связаны поминальные комплексы, аналогичные погребальным по составу и положению частей лошади, но расположенные над могилами или рядом с ними в верхних слоях некрополей. Такие комплексы особенно широко встречаются в памятниках Сибири, где они известны с первой половины I тыс. н.э. (таштыкская, верхнеобская культуры) и до начала II тыс. н.э. (могильник Басандайка и другие). Хорошо представлены они в западносибирских памятниках, имеющих керамику со штампо-гребенчатой орнаментацией (могильник Релка и другие).

В Восточной и Центральной Европе (за исключением пока незначительного числа находок таких комплексов в памятниках гуннского и позднегуннского периодов на Северном Кавказе, в Поволжье, на Украине, в Южной Германии) основная масса поминальных

комплексов фиксируется в памятниках Прикамья, Башкирии и Среднего Поволжья УП-Х вв. (Бирский, Доменковский, Танкеевский могильники, курганные могильники Башкирии и т.д.).

Если первый вариант обряда (с частями коня, имитирующими вытянутое положение туши коня вдоль погребенного человека), распространенный в степных районах Евразии, преимущественно можно связывать с тюркоязычными кочевниками, то вопрос об этнокультурной принадлежности погребений с конем второго варианта нельзя считать решенным и даже, может быть, однозначным. Во второй половине I тыс. н.э. памятники с такими чертами обрядности были распространены в основном в лесостепной и южной части лесной зоны, как бы окаймляя по огромной дуге с севера зону евразийских степей, занятых тюркоязычными кочевниками. Можно предполагать, что появление этого варианта обрядности к западу от Урала было связано с переселением западносибирского населения в Европу. Исследования последних лет показывают, что появление его в Волго-Уральском регионе было связано с появлением кушнаренковского населения, тесно связанного по своему происхождению с западносибирскими культурами, имеющими керамику со штампо-гребенчатой орнаментацией. Во многом еще в полемическом плане этнос этих культур определяется как угорский, самодийский или палеоазиатский (енисейский и т.д.).

К ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТУР ТАЕЖНОГО ПРИИРТЬЯ УП-Х вв. н.э.

Б.А.Конилов

Этническая принадлежность памятников таежного Прииртышья УП-Х вв. н.э. трактуется как угорская или древнехантыйская (В.Н.Чернецов, В.А.Могильников) или как самодийская (В.Ф.Генинг). Сложность решения проблемы состоит не только в отсутствии научной методики этнической интерпретации археологических культур или памятников, хотя попытки ее создания и предпринимаются. В средневековой археологии Западной Сибири не сложились пока еще условия для комплексного (археологического, этнографического, антропологического, топонимистического, лингвистического) подхода к изучению названной проблемы. Применение ретроспективного метода осложняется малочисленностью раскопанных па-

мятников ХУП-ХІХ вв. и отсутствием памятников ХУ-ХУІ вв. Тем не менее правы, на наш взгляд, те исследователи, кто и в данной ситуации призывает не отказываться от этнических реконструкций.

В VI-VIII вв. н.э. таежное Прииртышье и часть прилегающей к нему территории занимало население потчевашской культуры. Его погребальный обряд характеризуется небольшим числом раскопанных некрополей, из которых особый интерес представляет могильник у д.Окунево Муромцевского района Омской области (раскопки В.А.Могильникова и Б.А.Коникова). Серия черт погребального обряда (преобладание трупосождений над трупоположениями, захоронение ниже материка в неглубоких ямах, форма и размеры могильных ям, взаиморасположение инвентаря и остатков кремации, форма и орнаментация отдельных сосудов, размещение орнамента на их стенках и т.д.) имеет прямые аналогии в верхнеобской культуре (фоминоком этапе по М.П.Грязнову). Вторая группа черт погребального обряда (форма сосудов и фигурно-штамповая орнаментация, зооантропоморфные изображения и т.д.) уводит к кулайской и среднеиртышской культурам раннего железа. На наш взгляд, население верхнеобской, кулайской и среднеиртышской культур составляют основные компоненты, принявшие участие в формировании потчевашской культуры. Этническая интерпретация верхнеобской, кулайской и среднеиртышской культур однозначна: угорская, самодийская, угро-самодийская (М.П.Грязнов, В.А.Могильников, М.Ф.Косарев). Нам представляется, что население потчевашской культуры по своему составу было смешанным - угро-самодийским. В его погребальном обряде и других сторонах культуры заложены признаки, которые в дальнейшем проявляются в угорском и самодийском этносе. Мы считаем, что нельзя исключать и того, что в VI-VIII вв. н.э. в южную часть таежного Прииртышья могли проникать отдельные группы тюркоязычного населения. Вступая в контакты и связи с местным населением, они должны были накладывать свой отпечаток на этнические процессы в регионе. В окуневском могильнике обнаружена группа предметов, либо заимствованных от тюрков, либо попавшая в Прииртышье вместе с ними. Возможно, что в южных районах Прииртышской тайги проживало угро-самодийско-тюркское население.

Этническая карта таежного Прииртышья IX-XIII вв. н.э. выглядела, по-видимому, еще сложнее, была более мозаичнее, чем в предшествующие столетия. Доминирующая роль в это время должна была при-

надлежать уторскому этносу. Связь между древнехантыйским этносом IX-XIII вв. и хантами XVIII - начала XX вв. прослеживается в погребальном обряде (устройство могильных ям, ориентация и поза погребенных, применение огня, умышленная порча инвентаря и т.д.), в религиозных верованиях (почитание огня, солнца, культ животных и птиц и т.д.), искусстве (одинаковые приемы изготовления, близость стилей между антропо- и зооморфными изображениями, сходство образов и орнаментов и т.д.). В конце I - начале II тыс.н.э. в таежном Прииртышье, в частности, в его южные районы проникает тюркоязычное население (кимаки, кыргызы). Об этом свидетельствуют материалы раскопок курганов у д.Имшегал Тарского, д.Кип Тевризского районов Омской области (захоронения по обряду трупосожжения, в неглубоких /6-8 см/ материковых ямах, вытянутых по линии З-В; захоронения с конем; инвентарь: стрелена, бронзовый наконечник ремня с трилистником и т.д.). В XI-XII вв. н.э. в таежное Прииртышье приходит какая-то часть носителей вымской культуры (коми по Э.А.Савельевой). Их отдельные коллективы, обособленно или вкрапליваясь в местную среду, появляются в районе устья Ишима и прилегающей к нему территории. При исследовании курганной группы у с.Усть-Ишим прослежены черты погребального обряда и обнаружены комплексы вещей, имеющие прямые аналогии в вымских памятниках Вичегодского края. Это устройство жертвенных вещевых комплексов в насыпи курганов, размещение бронзовых (медных) сосудов в ногах погребенных, на кожаной или шерстяной подстилке поясные наборы, украшения и т.д. Не исключено, что в массив уторского населения в этот период были включены и отдельные группы самодийского этноса. Обстоятельного изучения требует вопрос о характере размещения перечисленных этносов в таежном Прииртышье. Пока можно предполагать, что они жили как смешанно, так и чересполосно.

Общественные и социальные отношения населения таежного Прииртышья VI-XIII вв. н.э. затрагивались в незначительной степени (В.А.Могильников, А.С.Шемякина). Новый массовый материал, полученный в результате раскопок курганов и поселений, позволяет расширить их характеристику.

Потчевашская культура VI-VIII вв. н.э. Количественное и качественное распределение инвентаря в погребениях Окуневского могильника говорит о существовании имущественного неравенства и, по-видимому, социального и этнического различий. В зависимости

от распределения инвентаря выделяются 4 группы погребений. Первая группа сопровождалась богатым набором инвентаря, включавшим бронзовые поясные наборы, оружие, стремя и т.д. Вторая группа - погребения с предметами культового характера (зоо- и антропоморфными изображениями, костяным фаллосом и т.д.). Третья группа - погребения с одним или двумя предметами: костяным наконечником стрелы, бронзовой пряжкой или серьгой. Наконец, четвертая группа - погребения, которые лишены инвентаря. Исходя из очевидной однокультурности всех захоронений могильника, можно предположить, что за всеми этими различиями скрывается довольно сложная общественная и социальная структура общества. В это время, по-видимому, складывается прослойка тех воинов-богатырей, чьи подвиги и слава будут воспеты в героическом эпосе аборигенов Западной Сибири, в частности, хантов (С.К.Патканов). Исполнение религиозных функций, вероятно, в это время было уже сосредоточено в руках определенного круга лиц. Безынвентарные захоронения принадлежат, по-видимому, лицам, которые стояли на самой низкой ступени в исследуемом обществе. В целом, какой бы подход ни избрать для объяснения указанных различий в инвентаре захоронений Окуневского могильника, несомненно одно: социальная структура населения, находясь в рамках первобытнообщинного строя, представляется достаточно сложной.

Усть-Ишимская культура IX-XIII вв. н.э. В этот период отмечено сосредоточение группы памятников на сравнительно ограниченной территории (у с.Новоникольское, у д.Кип, Хутор Бор и т.д.). Сочетание особенностей погребального обряда, характера жертвоприношений, погребального инвентаря, в том числе формы и ornamentации глиняных сосудов дает основание утверждать, что население проживало группами, которые восходят к первобытным соседским общинам. Последние находились, по-видимому, на начальном этапе своего формирования. Топография курганных групп (у с.Усть-Ишим, у д.Малая Тебендя и т.д.) показывает, что крупные по своим размерам курганы "притягивают" к себе по 2-4 кургана малых размеров. Пропорционально размерам курганов количество и качество погребального инвентаря, а также характер и размеры жертвоприношений. За такой концентрацией разновеликих курганов открывается факт существования патриархальных семей, владевших определенными участками на кладбище (?).

Социальная стратификация общества IX-XIII вв. н.э. была весьма далека от однородности. С одной стороны, высокий социальный статус одних погребенных (Усть-Ишим, курган 13: два бронзовых поясных набора, две пары стремян, серебряные серьги, 395 стеклянных бус, бронзовый сосуд и т.д.). С другой стороны, существуют погребения, снабженные 2-3 предметами. Открыты погребения без инвентаря. Нам представляется правомочным поставить вопрос о существовании в этот период домашнего рабства (Малая Тобендя, курган 5, погр. I и др.). Источником рабства в это время могли быть войны (Ф.Энгельс). Рабы могли находиться на правах младших, неполноправных членов семьи. Между свободными и рабами, а тем более их потомством не было еще непроходимой пропасти (А.М. Хазанов). В целом население IX-XIII вв. н.э. таежного Прииртышья жило в рамках первобытнообщинного строя, находящегося в стадии своего разложения.

К ИСТОРИИ АБОРИГЕННОЙ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОМ СЕКТОРЕ АРКТИКИ

И.И.Крупник

Одной из самых малоисследованных страниц прошлого коренного населения Северной Евразии является история аборигенной приморской культуры в западном секторе Арктики, известной по археологическим находкам и иным свидетельствам на обширной территории от Кольского п-ова до устья Енисея. Линия развития этой культуры, в той или иной степени опирающейся на морской зверобойный промысел, идет от охотников эпохи арктического палеолита на Кольском п-ове (УП-VI тыс. до н.э.) к неолитическим обитателям побережий Кольского п-ова, Припечорья и Северного Приобья: затем к носителям усть-полуйской культуры и, наконец, к более позднему тундровому населению I-II тыс. н.э., от которого остались прибрежные стоянки и святилища из куч черепов морских животных, целый пласт традиционного ненецкого фольклора о древних обитателях тундры - "сиртя", ряд указаний средневековых источников и даже прямые описания европейских путешественников XVI-XVII вв. Все эти факты неоднократно рассматривались в литературе, и потому существование в прошлом в Западной Арктике приморского населения с оседлым или полuosедлым промысловым хозяйством можно считать вполне доказанным. Однако столь же хорошо известно, что

в течение трех последних столетий морской зверобойный промысел не играл сколь-^{ко}-нибудь значительной роли в жизни коренного населения тундр Западной Евразии — лопарей и ненцев. Следовательно, гибель приморской культуры, смена хозяйственной или этнической традиции между XV и XVIII вв. являются очевидным фактом, требующим своего исторического объяснения. Ниме мы попытаемся схематично изложить последние предполагаемые этапы развития западной приморской культуры, привлекая в основном материалы по территории, заселенной сейчас европейскими и западносибирскими ненцами.

Своего высшего расцвета аборигенное приморское хозяйство в Западной Арктике скорее всего достигло в первые века II тыс. н.э., т.е. во время, аналогичное пунукской эпохе в Берингоморье и соответствующее теплomu и экологически благоприятному для морского промысла климатическому периоду 900—1200 гг. н.э. Как на Чукотке и Аляске, это хозяйство было очевидно представлено в нескольких вариантах, и помимо более оседлых береговых жителей следует предположить существование в глубинных тундровых районах полукочевого населения, жившего за счет охоты на дикого оленя и рыболовства и выходившего летом к побережью для сезонного морского промысла. Проникновение в тундру на рубеже I—II тыс. н.э. (или даже ранее) древних самодийцев, несомненно, способствовало усилению этого "континентального" компонента населения Западной Арктики. Появление транспортного оленеводства, пусть даже в очень ограниченных размерах, повысило продуктивность кочевого хозяйства, облегчив передвижения на дальние расстояния. Можно предположить, что ассимиляция самодийцами континентальных аборигенов—"сиртя", облегчавшаяся близостью их типа хозяйства, произошла уже в этот ранний период времени. Однако вплоть до конца теплого нео-атлантического периода, т.е. до XIII—XIV вв., морской зверобойный промысел должен был оставаться более эффективным видом деятельности, чем кочевая охота и рыболовство; и потому приморская и континентальная культуры могли длительное время сосуществовать друг с другом, поддерживая интенсивные обменные и брачные связи, что облегчало постепенную языковую ассимиляцию приморских жителей и даже включение их в виде особых фрагментов в состав формирующегося ненецкого этноса.

Положение резко изменилось с началом следующей климатической фазы XIII—XV вв., отличавшейся особой неустойчивостью климати-

ческой обстановки, частыми бурями, штормами, суровыми зимами. Подобная изменчивость экологических условий должна была резко подорвать стабильность и продуктивность оседлого приморского хозяйства. К середине XVI в. с началом нового похолодания климата Арктики экологический кризис западной приморской культуры, очевидно, еще более усилился. Известно, однако, что именно в этот период времени в Баренцовом и Карском морях начинается интенсивнейший морской промысел русских поморов и европейских (голландских, английских, норвежских и др.) китобоев. К началу XVII в. в Баренцовом море ежегодно охотились сотни крупных судов с десятками тысяч промышленников, которые истребляли сотни тысяч голов морских животных. Естественно, что аборигенное население Севера не могло конкурировать с вооруженными огнестрельным оружием крупными парусными судами европейских и русских промышленников. Хищническое истребление ими самых крупных стад морских млекопитающих, нарушение традиционных путей их миграций полностью подорвало промысловую базу приморского населения и вынудило его искать новые средства существования.

И здесь, по-видимому, важнейшую роль сыграли его тесные контакты и брачные связи с населением внутренней тундры. Носителей западной приморской культуры правильной, очевидно, сравнивать не с эскимосами Чукотки, а с береговыми чукчами, которые, по всем имеющимся этнографическим материалам, гораздо легче переходили от морского промысла к кочевому тундровому хозяйству, и обратно. Поэтому в XV-XVII вв. в Западной Арктике произошла не ассимиляция приморских охотников - остатков аборигенного населения - оленеводами-самодийцами (как считается в литературе), а скорее переход приморского населения от преимущественно оседлой формы промыслового хозяйства к кочевому образу жизни, основанному на охоте на диких оленей, рыболовстве и мелкотабунном оленеводстве. И только 100-200 лет спустя, в течение XVIII в., потомки полуоседлого берегового населения, давно смешавшиеся с обитателями внутренней тундры, совершили переход к производящему хозяйству в форме крупнотабунного пастушеского оленеводства, дальнейшего обитателям Арктики новые, более продуктивные средства существования.

Имеются, однако, свидетельства о том, что охота на морского зверя у коренного населения Западной Арктики все же никогда полностью не прекращалась. Поэтому падение промыслов европейских китобоев и русских поморов в XVIII в. и ослабление нагрузки на по-

пуляции морских млекопитающих (даже при значительном сокращении их размеров) довольно быстро привели к возрождению зверобойного хозяйства коренного населения. Первые сообщения о том, что самоеды (ненцы) начали заниматься морским промыслом — якобы под влиянием русских — появляются уже в источниках конца XVIII в. К середине XIX в. ненцы составляли уже большинство в русских зверобойных артелях, промышленявших около Вайгача, Новой Земли, Колгуева; а во второй половине XIX в. на островах и побережье Баренцева и Карского морей появляются первые оседлые поселения ненцев-зверобоев. Таким образом, через два-три столетия после своей гибели специализированный аборигенный морской промысел вновь возродился, хотя и в совершенно иной форме, в Западной Арктике.

БЕЗУСЛОВНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК ОСНОВА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В ОБЛАСТИ ЭТНОГЕНЕЗА
(еще раз об этнической атрибуции андроновской культуры)

Г.Н. Кучеркин

I. Из множества проблем происхождения и этнической истории древних народов в настоящее время ни одна не может считаться решенной даже в первом приближении.

Одной из причин такого положения дел является неопределенность некоторых исходных понятий, в первую очередь, такого, как "этнос". Попытки этнографов выработать универсальное для всех времен четкое определение этой дефиниции не увенчались успехом, и это понятно. Для археологии такое широкое понятие, на мой взгляд, вообще является излишним. Нас вполне может удовлетворить понятие "этнос эпохи первобытности (ЭЭП)". Априорно, до выработки строгого определения можно отметить, что для ЭЭП язык будет более устойчивой и определяющей характеристикой, чем для современных этносов и суперэтносов. Не случайно многие археологи, говоря об ЭЭП, интуитивно подразумевают прежде всего какую-то языковую общность.

Вторая причина неудач при решении проблем этногенеза заключается в отсутствии высококвалифицированных специалистов в этой области. Принято считать, что сложнейшими вопросами этногенеза народов древности может заниматься любой желающий (археолог, ис-

торик, лингвист, антрополог), не имеющий особой подготовки, то есть что любой узкий специалист может не только разобраться в огромной совокупности необходимых данных своей собственной науки, но и сумеет самостоятельно свести воедино факты и выводы нескольких смежных дисциплин (а именно, умелый синтез данных ряда наук является ключом к решению любых проблем этногенеза).

И здесь мы приходим к третьей причине неуспехов в решении указанных проблем — недостаточно правильному пониманию соотношения в данном вопросе трех основных научных дисциплин — лингвистики, антропологии, археологии. Для многих специалистов характерно завышение возможностей своей собственной науки. Между тем ни археологи, ни антропологи не в состоянии продуцировать средствами одной своей науки сколько-нибудь плодотворные этногенетические гипотезы, тогда как лингвисты могут создать достаточно удовлетворительную схему развития какого-либо языка (или группы языков). Другое дело, что такого рода схемы нуждаются в конкретизации и дополнительных доказательствах другими средствами. И здесь ведущая роль, несомненно, принадлежит археологии как исторической науке с беспрерывно расширяющимся фондом вещественных источников. И, наконец, антропология как естественная наука располагает объективными критериями для проверки археолого-лингвистических реконструкций.

2. Таким образом, при этногенетических реконструкциях успех во многом зависит от правильного сопряжения данных лингвистики и археологии. Важная роль лингвистических данных при такого рода реконструкциях признается, как правило, всеми археологами, но использование данных лингвистики далеко не всегда производится квалифицированно.

Обычно археологи либо слепо следуют за лингвистами, принимая за основу своих построений одну из гипотез лингвистов (Условную Лингвистическую Модель — УЛМ, построенную только отчасти на твердых фактах, а частично на интуиции, том или ином ходе рассуждений и т.п., т.е. на субъективной основе), либо, когда археологический материал не укладывается в схемы, предложенные лингвистами, делается попытка эклектически соединить отдельные составляющие нескольких УЛМ.

Действительный прогресс, на мой взгляд, заключается в создании Безусловной Лингвистической Модели (БЛМ), т.е. схемы, постро-

енной строго на фактическом материале, схемы, с которой при всех своих внутренних разногласиях согласились бы все лингвисты.

3. Попробую продемонстрировать возможности применения БЛМ к решению проблем этногенеза на примере андроновской культуры.

В настоящее время предварительно доказана связь андроновцев с индоиранской языковой семьей. Проблема заключается в конкретизации этого тезиса.

По данным лингвистики, основные этапы истории индоиранских народов таковы:

Всеми лингвистами признается сейчас более раннее существование индоевропейского языкового единства и распад его не позднее V-IV тыс. до н.э. Индоиранская языковая общность существует в свою очередь до рубежа III-II тыс. до н.э., причем распад ее на индоарийскую и праиранскую ветви произошел в пределах Европы. Индоарийские топонимы, выявленные в Северном Причерноморье О.Н.Трубачевым, относятся, по всей видимости, к первой половине II тыс. до н.э. Со второй четверти II тыс. до н.э. индоарийские имена собственные и другая терминология засвидетельствованы в Передней Азии, а несколькими веками позднее индоарии приходят в Индостан.

Где-то с середины II тыс. до н.э. начинается распад праиранской общности на отдельные составляющие. Не позднее конца II тыс. до н.э. иранский этнический элемент появляется в Средней Азии, в Афганистане и Северо-Восточном Иране, причем наслаивается здесь на индоиранский же субстрат (данные Авесты, топонимики, не знающие в этих областях названий, древнее индоиранских). В начале I тыс. до н.э. иранские имена собственные засвидетельствованы в Западном Иране.

4. Если сопоставить время и территорию существования андроновской культуры с этой схемой, то очевидно, что андроновцы не могут быть отождествлены с индоиранцами ни по времени, т.к. индоиранская общность распалась до того, как андроновская культура сформировалась; ни по территории, т.к. "во всех суждениях и гипотезах о древнейших миграциях индоиранских народов надо отталкиваться от Юго-Восточной Европы как исходной территории" (В.И.Абаев). Андроновская культура не может быть признана праиранской, т.е. исходной для всех ираноязычных народов. Одновременно с андроновской культурой существовала близкая ей срубная,

которая оставлена по ряду соображений ираноязычным населением – совпадение в Восточной Европе ареала иранских топонимов с территорией обитания "срубников", преемственность культуры срубной и савроматской (К.Ф.Смирнов) и т.д. Кроме того, андроновские культурные элементы никогда не были обнаружены на территории, занятой (или занимаемой впоследствии) западноиранскими племенами – индийцами и персами. Наоборот, и ареал распространения андроновской культуры (группы культур, культурной общности) и характерных элементов андроновской культуры, и время ее существования, и преемственность с археологическими культурами сакского круга говорит за то, что андроновцы являются предками народов восточной (северо-восточной) иранской языковой группы, т.е. саков азиатских степей и населения Средней Азии.

В пользу такого вывода можно привести еще один аргумент. Из всех народов Средней Азии к восточноиранским народам не принадлежали парфяне – обитатели крайнего Юго-Запада Средней Азии; именно здесь никаких андроновских влияний не прослеживается, и это при очень широком распространении андроновской культуры и ее элементов по Казахстану и Средней Азии.

К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО УРАЛА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н.А.Махитов

Реконструкция общественных отношений – нетронутая тема древней и средневековой истории Южного Урала. Исследования по ней затруднены слабой изученностью поселений и информативной ограниченностью материала могильников. Одна из причин последнего состоит в том, что инвентарь преобладающего большинства погребений из могильников социально четко не дифференцируется и состоит из набора предметов личного пользования, который повсюду носит почти одинаковый характер. Отсюда напрашивается вывод, что состав погребального инвентаря определялся, прежде всего, религиозными традициями. Во всяком случае методика расчленения погребального инвентаря по социальным признакам требует дальнейшего совершенствования. Его принцип легче выработать на материалах синхронных памятников таких крупных регионов, как Южная Сибирь, Казахстан и Южный Урал.

Согласно письменным источникам на этой обширной территории в VI-XI вв. существовали раннефеодальные государственные образования (Восточный и Западный Тюркские каганаты, государство кимаков) с четко выраженной социальной стратификацией общества. Но в материалах могильников последнее прослеживается нечетко. Следовательно, при некоей безликости данного вида источников уровень развития отношений может быть оценен с учетом отмеченной общеисторической обстановки, известной по письменным документам. Такой метод при теперешнем уровне источников является единственно возможным при реконструкции общественной жизни средневекового населения Южного Урала.

Начало раннего средневековья в данном регионе отмечено массовым проникновением (около VII в.) племен южносибирского происхождения в широком смысле слова. С ними, в частности, связано появление памятников с керамикой кушнаренковской и кара-якуповской групп, геральдическими поясными наборами, ранними типами стремян и т.п. Учитывая южное происхождение, что, кстати, никем не отрицается, можно заключить, что до переселения на Южный Урал эти племена пребывали в составе государства Тюркский каганат. Можно предположить, что в начальный период расселения по Южному Уралу общество пришлых племен было соорганизовано таким образом, что оно в миниатюре повторяло политическое устройство каганата.

Материальная культура южноуральских племен приобретает еще более четко выраженные южносибирские черты в VIII-X вв., когда здесь широкое распространение получают наборные пояса и конское снаряжение (узда, седло), богато декорированное металлическими накладками. Это сближение культуры населения двух регионов, возможно, является результатом второй волны миграции племен южносибирских степей на Урал, происшедшей на рубеже VIII-IX вв. Она могла быть связана с начавшимся расширением западных границ кимакского государства вплоть до Южного Урала. На основании сходства археологического материала на общество южноуральских племен VIII-X вв. можно распространить (безусловно, с определенной осторожностью) социальные институты, существовавшие у кимаков.

Подобные наблюдения приводят нас к выводу о том, что в раннем средневековье на Южном Урале мог происходить процесс классово-образования раннефеодального типа.

ЧЖУРЧЖЕНЬСКАЯ КУЛЬТУРА: ЕЕ ВАРИАНТЫ И СВЯЗЬ
С ЧЖУРЧЖЕНЬСКИМ ЭТНОСОМ (ПРИАМУРЬЕ)

В.Е.Медведев

В истории средневековых тунгусоязычных племен и народностей советского Дальнего Востока и в том числе, а может быть, в первую очередь, чжурчженей, этих представителей, по словам Г.В.Кюнера, "чистокровного тунгусского населения" или, как еще их называл Н.Я.Бичурин, амурских тунгусов, есть много событий и фактов, которые либо пока раскрыты частично, либо еще находятся в состоянии полной неизвестности. Выделение в начале 50-х гг. в Приамурье чжурчженских памятников (поселений) стало началом систематических исследований, которые продолжались позже Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР в этом регионе, главным образом, на основе могильников чжурчженской культуры.

Раскопанные более чем 550 погребений десяти могильников, содержащие богатейший инвентарь различного назначения, а также материалы городищ и поселений позволяют говорить о наиболее характерных элементах, своего рода индикаторах чжурчженской культуры, наиболее ранний период которой приходится, как показывают монеты из погребений и проведенный Л.В.Фирсовым радиоуглеродный анализ угля, на УП-УШ вв. н.э. К числу названных элементов относится станковая керамика, встречающаяся в зависимости от возраста памятника в разных пропорциях с лепной утварью. Специфической чертой чжурчженской культуры Приамурья и соседних с ней территорий (Маньчжурия, Приморье) надо считать наличие в ней глиняных сосудов с вертикальными линиями, желобками или вмятинами. Эта дольчатая или гофрированная посуда, изготовлявшаяся на раннем этапе вручную, а с IX-X вв. на гончарном круге, причем в том и другом случае разная по форме (горшки, кувшины, вазовидные), стала производиться на Среднем и частично Нижнем Амуре не позже УП -начала УШ вв. Еще одним ярким и, несомненно, самобытным элементом чжурчженской культуры являются наборные пояса, представляющие собой кожаные ремни, покрытые сплошь или с интервалом бронзовыми (иногда позолоченными) прямоугольными прорезными с зубчатым верхним (иногда верхним и нижним) краем бляхами. Эти чрезвычайно распространенные в тунгусской среде украшения, оснащенные в свой ранний период подвешенными снизу на шарнирах бубен-

чиками, особенно обильно встречаются в районах Приамурья, прилегающих к территории между реками Сунгари и Уссури, а также в близлежащих районах. Указанный ареал можно связывать с местом возникновения оригинальных полных блях.

Помимо этих главных компонентов, определяющих стержень чжурчженской культуры, наблюдаются и другие присущие ей особенности. К последним следует отнести элементы погребальной обрядности: конструкции грунтовых прямоугольных с закругленными углами или овальных погребальных сооружений без гроба, в которых совершались трупоположения чаще всего на спине с подогнутыми в коленях ногами, вторичные захоронения, а также смешанные погребения и трупосожжения.

Для чжурчженской культуры чаще характерны четырехугольные в плане, слегка углубленные в землю (иногда надземные) жилища с отопительной системой — каном вдоль стен.

При общей близости по совокупности признаков памятников рассматриваемой культуры среди них, однако, выделяются по крайней мере две группы археологических объектов (в первую очередь могильников), в которых, наряду с некоторыми хронологическими различиями, наблюдаются особенности локального порядка. В частности, к одному из вариантов чжурчженской культуры, корсаковскому, можно отнести грунтовые могильники — Корсаковский, Каменушка, Галечная Коса и, видимо, Чирки, к другому, надеждинскому, соответственно — Надеждинский, Дубовской, Молчанихинский. В этой в самых общих чертах предварительной расстановке памятников чжурчженской культуры Приамурья отражаются, по всей видимости, племенные различия чжурчженей, у которых, как сообщают летописные источники, насчитывались десятки племен. Территорию, где расположены перечисленные памятники, следует, основываясь на письменных данных, связывать в первую очередь с такими племенами или племенными группами северных чжурчженей, как удигай и уго.

Углубляясь в проблему этнической интерпретации археологических памятников, которой в последнее время в археолого-этнографических исследованиях отводится заметное место, и увязывая чжурчженскую археологическую культуру со свидетельствами летописей об этносе, по которому названа культура, мы понимаем, что название последней носит в определенной мере условный характер, как, впрочем, и других раннесредневековых и средневековых культур

Дальнего Востока — мохэской и бохайской. Почти всегда было и остается делом большой сложности поставить безоговорочно знак равенства между археологической культурой и определенным этносом. И все же, не настаивая на полном тождестве между чжурчженской (археологической) культурой и чжурчженским этносом (начало сложения которого приходится на VI—VII вв.), есть основания считать эти два понятия достаточно близкими.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ГУННСКИХ ПАМЯТНИКОВ СИБИРИ

С.С. Миняев

1. За последние годы в различных районах азиатского пояса степей открыты новые памятники раннего железного века (Шестаковский комплекс в Западной Сибири, могильник Каман-Тогай в Южном Казахстане и другие). В инвентаре этих памятников имеются аналогии изделиям из памятников центральноазиатских гуннов (хунну, скинну), что служит основанием для датировки, а в ряде случаев и этнической интерпретации вновь открытых комплексов. При этом проявляется тенденция к преувеличению значения "гуннских" аналогий вплоть до того, что новые памятники относят непосредственно к гуннам и инвентарь их в целом считают типично гуннским. В результате гуннскую атрибуцию получают изделия, абсолютно неизвестные в памятниках самих гуннов в Забайкалье и Монголии (железные мечи, кинжалы с перекрестием и лунообразным эфесом, сосуды — с "рожками", со срезанным внутрь венчиком, шарообразные сосуды, кувшины с ручками, глиняные котлы, деревянные цилиндрические кубки с ручками; "гуннским" орнаментом становятся налпные волюты на плечиках сосудов). На основании таких "гуннских" памятников выделяются новые культуры и периоды в истории конкретных регионов, несмотря на то, что в литературе неоднократно подчеркивалась необходимость первоочередного изучения местных археологических культур и осторожного подхода к интерпретации "гуннских" аналогий (С.С. Сорокин, Л.Р. Кызласов).

2. Памятники, оставленные союзом центральноазиатских кочевников во главе с гуннами, отражают особенности материальной культуры и погребального обряда различных племен, составлявших этот союз. Для инвентаря этих памятников в качестве общих признаков можно выделить: керамику с орнаментом в виде прореченных или на-

лепных волнообразных линий и обработкой поверхности вертикальным лощением; украшения из бронзы (поясные пластины-пряжки, ложечковидные застёжки, ажурные пряжки для ремней) и минералов (коттевидные и коромыслообразные подвески из халцедона, кольца из глинистого известняка); наконечники стрел - бронзовые трехлопастные с кольцеобразной втулкой и роговые с расщепленным насадом. Гуннские погребения представляют собой различные сочетания внутримогильных и надмогильных сооружений, наиболее характерными являются: сочетание кольцеобразной каменной кладки с внутримогильной двойной камерой (гроб в срубе) и погребения в грунтовой яме в гробу, отмеченные на поверхности кольцеобразной каменной кладкой (Дырестуйский могильник) или не имеющие надмогильного сооружения (Иволгинский могильник). Памятники гуннов Забайкалья и Монголии отличает именно сочетание перечисленных выше категорий инвентаря и особенностей погребальных конструкций.

3. Вместе с тем население евразийских степей в силу ряда причин выработало и длительное время употребляло сходные типы оружия, конской сбруи и украшений. Поэтому часть изделий, найденных в памятниках центральноазиатских гуннов, имеет широкий диапазон бытования. Некоторые из них известны уже в позднескифское время (бронзовые обручные кольца и колокольчики, бляхи с прямоугольной петлей, втульчатые роговые и костяные наконечники стрел, прямоугольные пряжки пояса из кости, рога и глинистого сланца, пряжки из железа - круглые и восьмерковидные). Другие изделия появляются в гунно-сарматское время одновременно в восточном и западном районах степного пояса и бытуют вплоть до конца I тыс. н.э. (черешковные ножи, трехлопастные наконечники стрел, поясные пластины-пряжки - из железа; накладки на лук, пряжки для ремней с поворотным язычком, наконечники стрел с плоским насадом - из рога и кости). Также одновременно в степном поясе появляются и погребения в гробах. Поэтому перечисленные изделия и детали могильных конструкций (гроб, каменная кладка), рассматриваемые изолированно, вне связи с другими категориями инвентаря и погребальным сооружением в целом, не могут считаться специфически гуннскими и служить для датировки и определения этнической принадлежности памятников, в которых они найдены.

4. За пределами Монголии, Ордоса и Забайкалья сочетание характерных для гуннов погребальных конструкций и инвентаря пред-

ставлено лишь несколькими погребениями в могильниках Бай-Даг и Аймырлыг (Тува) и, возможно, Тепсей УП (Южная Сибирь). Эти памятники непосредственно отражают пребывание в названных районах гуннов, что подтверждают также характерные гуннские керамика и украшения, найденные в "доме наместника" у Абакана, случайные находки типично гуннских изделий и керамики в различных районах Саяно-Алтая. Гуннское влияние проявилось и в изготовлении металлургами Южной Сибири бронзовых изделий по образцам гуннских.

5. В других районах степного пояса (Западная Сибирь, Казахстан) комплексов, сочетающих характерные для гуннов признаки, до настоящего времени не встречено. В инвентаре открытых здесь поселений и могильников представлены изделия, известные не только в гуннских памятниках Центральной Азии, но и во многих других памятниках (перечислены выше, тезис 3). Очевидно, факт находки этих изделий еще не дает оснований связывать комплексы, где они найдены, непосредственно с гуннами.

6. Сказанное выше не исключает принципиальной возможности продвижения каких-то групп населения, входившего в гуннский племенной союз, из восточных районов степного пояса в западные. Однако для выявления памятников, отразивших такое перемещение, необходим детальный анализ инвентаря и создание надежных типологических рядов, выявление характерных для каждого региона сочетаний погребальных конструкций и категорий изделий, выработка обоснованных периодизаций. Пока такая работа не проделана, следует воздерживаться от поспешной оценки вновь открываемых памятников и выделения "гуннских периодов" в истории конкретных регионов.

О КУЛЬТУРАХ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

В.А. Могильников

Период I тысячелетия н.э., особенно его вторая половина, это эпоха оформления этнических общностей предков современных аборигенов таежной зоны Западной Сибири — селькупов, хантов, манси. Отражением процесса их этнической дифференциации было сложение во второй половине I тысячелетия отдельных археологических культур, связанных с этими этническими группами, — релкинской, потчеватской, низнеобской (оронтурский этап), молчановской, которые

наиболее вероятно увязываются соответственно с предками селькупов, южной и северной группами хантов, а также - с манси. Сейчас, по существу, общепринятыми являются положения, согласно которым релкинская культура рассматривается как культура предков нарымских селькупов, а молчановская - соответственно предков туринских манси (В.Н.Чернецов, В.А.Могильников, Л.А.Чиндина, В.Д.Викторова). В отношении потчевашской культуры такого единения нет. Отдельные авторы склонны вообще отрицать существование особой потчевашской культуры, рассматривая и фактически объединяя ее вместе с релкинской. Вследствие этого в отношении этнической принадлежности потчевашской культуры также нет единого мнения. Часть исследователей считают потчевашскую культуру угорской (Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Чиндина Л.А., Шемякина А.С., Могильников В.А.), другие (В.Ф.Генинг и др.) склонны рассматривать ее как самодийскую. Последнее положение в значительной мере основано на ряде черт сходства потчевашской и релкинской культур. В этом случае решение вопроса о своеобразии и этнической принадлежности потчевашской культуры упирается в первую очередь в установление специфики этой культуры и выявление ее отличий от релкинской культуры. Между тем определение отличий этих культур представляет большую сложность в силу ряда причин генетического и экологического порядка, обусловивших большую близость названных культур. Происхождение потчевашской культуры изучено слабо. Все же можно утверждать, что одним из составных компонентов этноса потчевашской культуры было продвинувшееся в южную часть лесного и северную часть лесостепного Прииртышья население среднеиртышской культуры, явившееся субстратным элементом потчевашского этноса и связанным по происхождению с населением кулайской культуры, которое, в свою очередь, составило основу в формировании населения релкинской культуры. Уже наличие этих общих элементов в генезисе создавало почву для образования сходных черт во вновь формирующихся культурах.

С другой стороны, близость потчевашской культуры с релкинской обуславливалась существованием обеих культур в сходной экологической обстановке южной части тайги и наличием у них постоянных взаимных контактов. Сравнительное изучение этих культур осложняется также их неравномерной исследованностью. Потчевашская культура изучена хуже релкинской, особенно в области по-

гребального обряда, а также - изобразительного искусства.

Все же при наличии очевидной большой близости между релкинской и потчевашской культурами у них констатируются различия в керамике, погребальном обряде, являющиеся основными этнизирующими признаками, а также - в хозяйстве.

Для погребального ритуала релкинской культуры характерны подкурганные захоронения, для потчевашской культуры - сочетание грунтовых (Окунево, Дихачево) и подкурганных захоронений (Потчеваш, Айткулово). Впрочем, нельзя исключать также существования грунтовых захоронений и в релкинской культуре, особенно в северных районах ее ареала, где нет курганных могильников. Это обстоятельство может говорить за некоторую этническую неоднородность релкинской культуры. Различия между релкинской и потчевашской культурами прослеживаются также в ориентировке погребенных. Для некрополей потчевашской культуры VI-VIII вв. характерно положение погребенных на спине, вытянуто головой на СЗ, в релкинской преобладает положение головой на ЮВ. Следует отметить, правда, основываясь только на материале двух могильников, Мурлинского I и II, что в VIII-IX вв. на потчевашской территории юга лесного Прииртышья преобладающей становится ориентировка головой на ЮГ. Ввиду ограниченного количества материала (в 8 курганах здесь вскрыто 15 погребений) и его локальности это явление пока не находит должного объяснения. Среди исследованных курганов потчевашской культуры преобладают насыпи, под которыми находится по одному захоронению, реже - несколько и под одной насыпью вскрыто 6 погребений (Мурлинка II, курган I). В отличие от этого под курганами Релки лежит обычно по несколько захоронений числом до шестнадцати. Есть и другие отличия в ритуале погребения названных культур.

Отличия этих культур наблюдаются также в керамике. Представленные в релкинской культуре характерные ладьевидные сосуды отсутствуют в потчевашской культуре. Узор в виде горизонтальных прочерченных каннелюр, разделяющих зоны оттисков зубчатого или фигурного штампов, в большей мере свойствен потчевашской керамике, нежели релкинской посуде. На керамике потчевашской культуры богаче и разнообразнее узоры из оттисков фигурных штампов, особенно ромбических. Не исключено, что распространение ромбических штампов на релкинской керамике являлось следствием кон-

тактов с населением потчевашской культуры.

Существенная разница фиксируется также в хозяйстве, отражающая больший удельный вес производящих отраслей хозяйства в потчевашской культуре, нежели в релкинской. У населения потчевашской культуры можно предполагать наличие земледелия. На городищах Мурлинском и Большой Лог найдены железные серпы, не встреченные на памятниках релкинской культуры. Osteологический материал с памятников потчевашской культуры характеризует довольно развитое скотоводство с разведением основных видов домашних животных — лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, при общем количественном преобладании лошади в стаде. Кости свиньи, одна особь, обнаружены только на Мурлинском городище, что указывает на то, что свиноводство для Сибири играло традиционно незначительную роль. На потчевашских поселениях кости домашних животных количественно преобладают над костями диких, а по числу особей приблизительно равны числу особей диких видов, дающих мясную пищу, или, чаще, преобладают над ними (Смирнов Н.Г., 1975, с.38; Шемякина А.С., 1976, с.188). В целом хозяйство населения потчевашской культуры было комплексным при большой роли производящих отраслей хозяйства. В то же время в релкинской культуре ведущую роль в хозяйстве имели присваивающие отрасли, и, в первую очередь, очевидно, рыболовство (Чиндина Л.А., 1976, с.166). Земледелие в силу специфики природных условий в Нарымском Приобье в I тыс. н.э., очевидно, отсутствовало, а скотоводство ограничивалось разведением лошади в небольшом количестве.

Специфика хозяйства отразилась на топографической локализации поселений. Поселения релкинской культуры расположены в местах, удобных для рыбных промыслов. Исследования потчевашские поселения приурочены часто к расширениям поймы с богатыми лугами, где имелись благоприятные условия для занятия скотоводством. С развитым скотоводством потчевашской культуры связано, очевидно, расселение ее этноса далеко на юг. Группа городищ потчевашской культуры расположена на Оми (Большой Лог, Сперановка, Ермаково и др.), а наиболее южные ее памятники доходят до Павлодарского Прииртышья (Качир).

В свете изложенного есть основания рассматривать релкинскую и потчевашскую культуры как две особые культуры, принадлежавшие;

вероятно, соответственно предкам нарымских селькупов и в основном, по-видимому, угорской этнической группе потчевашской культуры, включившей в свой состав восточные самодийские компоненты и составившей основу южной группы хантов.

Основную территорию потчевашской культуры составляла южная часть лесной полосы и северная часть лесостепи Прииртышья и Приишимья, на востоке, вероятно, до водораздела Иртыша и Оби. Наиболее восточные, известные сейчас, памятники находятся в среднем течении Оми и Тары. На севере памятники потчевашской культуры вряд ли заходили дальше низовий Иртыша, а на западе, по-видимому, не распространялись на Туринско-Тавдинский район. На юге потчевашские памятники известны в лесостепи Приишимья (Логиновское городище, Дихачевский могильник), в Омском и Павлодарском Прииртышье (Большой Лог, Сперановка, Качиры). Присутствие в прошлом угорского населения на территории лесостепи Северного Казахстана засвидетельствовано гидронимами (Попова В.Н., 1969, с.20), но, к сожалению, их хронологическая привязка затруднена. Они могут относиться и к потчевашской и к саргатской культуре, этнос которой, надо полагать, в какой-то степени вошел в состав потчевашцев.

О НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЯХ В РАНИЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

А.М.Мурыгин

К числу успехов археологии европейского Северо-Востока принадлежит выявление и изучение археологических памятников, отнесенных к ванвиздинской культуре или ванвиздинскому культурному типу (I тыс. н.э.). Однако целый ряд факторов, и, в первую очередь, слабая источниковедческая база, привели к серьезным противоречиям среди исследователей по вопросам хронологии и этнической принадлежности этих памятников (Канивец, 1964; Буров, 1965; Савельева, 1971). Решению этих проблем поможет изучение орнаментальных традиций раннесредневековой керамики, многие из которых берут начало в конце раннего железного века.

На вычегодских поселениях гляденовского времени выделяются три группы сосудов (Буров, 1965). Некоторые положения, касающиеся генезиса отдельных орнаментальных мотивов, требуют уточнения.

В частности, мы имеем в виду позднегладеновскую (по Г.М.Бурову) керамику, представленную сосудами с суженным краем и раздутым туловом, украшенную многорядовыми отпечатками шнура, дополненного узорами либо в виде "волны" или "подковки", выполненными в той же манере, либо в виде зубчатого зигзага. Нельзя согласиться с тем, что этот комплекс имеет в своей основе исключительно типично гладеновскую посуду. Значительную близость вычегодский многошнуровой комплекс обнаруживает с керамикой из харинских могильников Верхнего Прикамья по форме сосудов и примесям в глине, элементам орнамента, узорам и их композициям (Генинг, Голдина, 1973). По мнению Р.Д.Голдиной, многошнуровой принцип орнаментации харинской керамики стоит в ряду признаков, характеризующих пришлый компонент в ломоватовской культуре (1977). Распространение аналогичных мотивов на средневековой керамике лесного Зауралья, Сыктывенского района Прикамья, Татарии и Волжской Болгарии также связывается с проникновением инородного элемента (Чернецов, 1957; Генинг, 1965; Викторова, 1964, 1968; Казаков, 1977). Традиция многошнуровой орнаментации в среде вычегодского населения оказалась устойчивой. Она прослеживается на Средней и Нижней Вычегде в материалах поселений ранне- и поздневанвиздинского времени (Шойнаты II, Тохта) и могильников X-XI вв. вымской культуры (Кичилькосьский, Шойнаты II). Керамика, в которой отражаются традиции многошнуровой орнаментации, известна на памятниках Печоры и Мезени. Однако здесь она другого облика и, по всей вероятности, появляется позднее, чем на Вычегде.

Следует предположить, что в формировании вычегодского населения конца гладеновского - начала ванвиздинского времени наряду с местными гладеновскими приняли участие племена с многошнуровой орнаментацией. В этом процессе, который, вероятно, можно соотносить со временем распространения аналогичного способа украшения керамики в Верхнем Прикамье, определенное место занимали какие-то группы уже смешанного верхнекамского (харинского) населения. Высказанная точка зрения не противоречит теории о переселении части прикамского населения в Привычегодье в I тыс.

н.э. (Лыткин, 1957; Бадер, Оборин, 1958; Лашук, 1961).

Наряду с этим в орнаменте раннесредневековой керамики Северного Приуралья развивается иная традиция. Ее можно усматривать в части позднегладеновской (по Г.М.Бурову) посуды с зубчатым,

ямочно-зубчатым и ямочно-зубчато-шнуровым стилем орнаментации. В ванвиздинское время эту традицию продолжают вычегодско-мезенские племена, оставившие поселения типа Ванвиздина, Кувжима, Усогорска III и аналогичные им. Сходные поселения, имеющие, однако, свои специфические черты в керамическом материале, обнаружены на Печоре. Оформление данной традиции шло под воздействием ряда источников. Одним из них послужил западносибирский этнический компонент. Определенное влияние на складывание этой традиции оказало население с керамикой бичевницкого типа, этническая принадлежность которого дискуссионна (Канивец, 1964; Буров, 1967). Есть основание видеть в последних черты культуры обитателей евразийских тундр.

Таким образом, формирование раннесредневекового населения Северного Приуралья происходило в условиях взаимодействия разноэтнических групп. Об этом говорят отмеченные традиции в украшении керамики. Степень и доля участия разноэтнических компонентов в сложении североуральского этноса была неоднозначной. Представляется вероятным, что применение термина "ванвиздинская культура" следует ограничить более или менее определенным комплексом культурных остатков и, исходя из этого, решать вопросы этнокультурной принадлежности их носителей.

ОСТАТКИ КОНЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.Г. Петренко

I. При раскопках Больше-Тиганского могильника, проведенных Э.А.Халиковой в Алексеевском районе Татарии в 1974 г. и датированного ею второй половиной VIII - первой половиной IX вв. н.э., были обнаружены остатки коней. Из 23 погребений остатки коня встречены в 14 захоронениях (№ 6-10, 12, 14, 19-23, 25б и 28). Ориентация могил головой умершего, в основном, в направлении запада.

II. В погребениях с конем выделяются следующие группы:

I-я группа (голова и четыре ноги нижнего отдела конечностей, а также бедренная кость, всего в трех погребениях - № 12, 19, 28). Располагались голова и 4 ноги в одном случае справа от умершего, в другом слева, вытянуто вдоль могилы так, что череп лошади нахо-

дился ближе к голове человека и был уложен к ней резцовой частью. В третьем случае этот комплекс коня располагался довольно компактно в правом нижнем углу, около ног погребенного.

Возраст коней был равен 5-6 годам, а по своим породным данным они были довольно разнообразны. Так, высота их в холке составляла 131, 136 и 147 см. Эти показатели позволяют говорить о наличии среди основного степного типа лошадей у населения, оставившего исследованный могильник, групп лесного, более мелкого типа.

Левые бедренные кости, представляющие собой остатки больших кусков мясной погребальной пищи, были встречены в двух первых случаях непосредственно в головах умершего, а в третьем случае - в верхнем правом углу.

По данным антрополога Р.М.Фаттахова, в погребении № 12 был захоронен мужчина 50-60 лет, в 19 - женщина 16-17 лет, а в 28 - мужчина 45-55 лет.

2 группа (череп коня и бедренная кость, всего в четырех погребениях - № 6, 7, 9, 10).

Череп животных располагались в правом либо в левом углу нижней части могилы, а левые бедренные кости, принадлежавшие молодым особям до 3-х летнего возраста, были обнаружены в верхнем правом углу.

В погребении № 7 была захоронена девочка-подросток 12-14 лет, а в 9 и 10 - мужчина 30-40 лет и 45-55 лет.

3-я группа (левые бедренные кости, в двух погребениях - № 8 и 14).

Кости располагались в правом верхнем углу могильной ямы и принадлежали также молодым животным до 3-х летнего возраста. Одно погребение было сильно разграблено, а в 14-м был захоронен юноша 18 лет.

4-я группа (череп коня, в двух погребениях - № 20 и 23).

Располагались череп в правом нижнем углу у ног погребенных. Причем, из погребения № 20, где была захоронена женщина 25-35 лет, был получен череп годовалого коня, а из 23 погребения, где был захоронен богатый мужчина 40-60 лет, - череп коня возраста 5 лет.

5-я группа (небольшой обломок тазовой кости в могиле № 21).

В захоронении женщины обнаружены остатки небольшого куска

мяса молодого животного, положенного в верхнем правом углу могилы.

Полное отсутствие в ряде могил (в 9 и 23) ритуальных комплексов животных придает вышеописанным чертам социальный характер.

Ш. Говоря о параллелях рассматриваемых групп, следует отметить, что 2 группа, представленная в 4 погребениях (голова и бедренная кость коня), находит очень близкие аналогии с башкирскими курганами, раскопанными Н.А.Мажитовым (Маник, Сарбаевский, Ново-Биккенский, Ишимбаевский, Лагереvский, Хусаиновский и др.) и датированных автором раскопок УШ-IX вв. н.э.

Определенное сходство следует усматривать и с Больше-Тарханским (УШ-IX вв. н.э.), Мыдлань-Шайским (УШ-IX вв. н.э.), Танкеевским (IX-XI вв. н.э.), исследованных В.Ф.Генингом, Е.П.Казаковым и Е.А.Халиковой, а также с рядом венгерских могильников, описанных Ч.Балинтом и датированных IX-X вв. Это сходство проявляется в захоронениях головы и 4 ног нижнего отдела конечностей, хотя наличие левых бедренных костей в Больше-Тиганском могильнике вносит свое существенное отличие исследованного памятника от вышеперечисленных.

О КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ У-УШ вв. н.э.

Л.М.Плетнева

К У-УШ вв. в Томском Приобье относится несколько могильников (Тимирязевский курганный могильник I, II, большая часть погребений могильника у Архиерейской заимки, шесть погребений Томского могильника, могильник у д. Могильники), городища Тимирязевское IV Басандайское III, поселения Кисловка I, II, УП, Тимирязевское I, Басандайское.

Кратко характеристика культуры сводится к следующему. Погребальный обряд: для каждого умершего (за небольшим исключением) насыпался курган, хоронили либо на дневной поверхности, либо в неглубокой яме (до 0,4 м глубиной); ориентация умерших различная: в Тимирязевском курганном могильнике I преобладает северо-восточная, в Тимирязевском курганном могильнике II - южная, с отклонениями к В и З; в насыпи курганов встречены костры, кости ло-

шади (чаще кости конечностей и зубы), скопления предметов и отдельные предметы. Характерны два вида захоронений: труположение (часто вторичное) и трупосожжение. Умершие сопровождалась инвентарем и очень редко костями лошади, положенными в могилу.

Жилища имели прямоугольную форму площадью от 15 до 64 м². Для жилища выкапывался неглубокий котлован (до 0,6 м), стенки часто обкладывались плахами, наземная часть постройки чаще всего, видимо, была в форме усеченной пирамиды. В зимних жилищах был очаг открытого типа.

Хозяйственно-культурный тип населения Томского Приобья У-УШ вв. характеризуется сочетанием скотоводства, рыболовства, охоты и примитивного земледелия. Ведущая роль, по-видимому, принадлежала скотоводству.

В настоящее время в советской археологической литературе существует более десяти определений термина археологическая культура (В.А.Городцов, А.Я.Брюсов, В.Ф.Генинг, Ю.Н.Захарук, А.Л.Монгайт, И.С.Каменецкий, Л.С.Клейн, В.М.Массон, А.П.Смирнов, Л.Е.Фосс, А.Д.Удальцов и др.). В своей работе мы придерживались определения А.Я.Брюсова-И.С.Каменецкого. Поскольку категории представленных в исследуемых памятниках Томского Приобья оружия и орудий являются общераспространенными для степной и лесостепной полосы Западной Сибири и Алтая и никаких функционально необусловленных деталей этих категорий предметов, которые были бы характерны только для Томского Приобья, не прослежено, основное внимание уделялось керамическому материалу и погребальному обряду. Л.А.Чиндина, анализируя памятники Нарымского Приобья, отметила сходство их с памятниками Томского Приобья. На основании этого Томское и Нарымское Приобье были объединены ею в рамках одной культуры - релкинской с двумя вариантами - томским и нарымским (Чиндина, 1977, с.116). Т.Н.Троицкая выделяла единцовскую культуру, в ареал которой ею отнесены Барнаульское, Новосибирское и Томское Приобье (Троицкая, 1979, с.75).

При сравнительном анализе погребальных памятников релкинской культуры, единцовских (включая и Новосибирское Приобье) и томских были выделены общие черты: наличие труположения (в том числе и вторичного) и трупосожжения, захоронение на дневной поверхности и в неглубоких могилах, захоронение одних черепов, наличие в насыпи курганов костров, скоплений или отдельных пред-

метов, костей коня (конечности и редко черепа, зубы) и др. Различия в погребальном обряде указанных районов прослеживаются в следующем: если в Верхнем Приобье (куда входит и Томское Приобье) в кургане захоронен почти всегда один умерший, то в Нарымском Приобье в одном кургане - до нескольких десятков человек (Чиндина, 1977, с.7-24). Различна и ориентация: в релкинской культура преобладает юго-восточная (Чиндина, 1977, с.90), в одинцовских памятниках - северо-восточная (Грязнов, 1956, с.106), такая же в Тимирязевском курганном могильке I, восточная в могильнике Красный Яр I (Троицкая, 1978, с.104). Исключение среди названных одинцовских памятников составляет Тимирязевский курганный могильник II: преобладает южная ориентация.

При сопоставлении керамического материала выявлено следующее: керамика могильников Притомья^I соответствует по форме и орнаментации лишь небольшой части I типа Релки. III тип, выделенный для релкинской культуры, составляет всего 9% от всей керамики и лишь на девяти сосудах этого типа присутствуют валики. В Томском Приобье ее значительно больше. Наибольшее сходство по рассмотренным признакам проявляется между памятниками Томского и Новосибирского Приобья. Сходство признаков культуры обеспечивалось сходством естественно-географических условий и основанном на этом сходным хозяйственно-культурным типом.

Выявленное сходство и различия в культуре Верхнего и Среднего Приобья, при отсутствии строго регламентированных признаков археологической культуры, можно квалифицировать в рамках одной археологической культуры с вариантами - Среднее и Верхнее Приобье (в этом случае культура будет совпадать с этносом), можно разделить на две культуры, что, видимо, будет правильнее, с отнесением Томского Приобья к одинцовской культуре. В этом случае культура будет совпадать с историко-этнографической областью в рамках одного этноса.

Нам представляется, что Верхнее и Среднее Приобье входили в одну этнокультурную область, принадлежащую угро-самодийскому

I Керамика Томского Приобья и могильника Рёлка обработана по единой программе. Керамика одинцовских памятников такой обработке не подвергалась, рассматривается по публикациям М.Н.Грязнова (1956) и Т.Н.Троицкой (1976).

населению, с небольшими включениями тюркского населения, которое в общем еще не меняло ни облика культуры, ни антропологического типа на данной территории.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

О ПУТИ В ЗАГРОБНЫЙ МИР

(по археологическим материалам Минусинской котловины)

М.Л. Подольский

1. Сопоставление разновременных и разнородных материалов - археологических, исторических, этнографических - представляет значительные трудности. В сравнении отдельных частных деталей есть опасность выхода на случайные аналогии. Нужны комплексные сопоставления, проводимые в том или ином аспекте. Причем очень важен выбор аспекта. Определится он, в значительной мере, характером самих материалов.

Археологические материалы Минусинской котловины связаны, в основном, с погребальными памятниками. Из этого следует один из наиболее эффективных аспектов при их сопоставлениях. Это - общий характер погребального обряда и тех представлений о загробном мире, которые могут быть в нем прослежены.

2. У ряда народов Сибири до последнего времени земной мир и мир мертвых представлялись аналогичными. Путь из одного мира в другой понимался вполне конкретно. Покойного снабжали пищей, многочисленными предметами быта и производства. Хоронили часто на поверхности, со средствами передвижения, например, в лодке. Распространением в древности таких конкретных представлений и подобных форм погребения объясняется, возможно, то, что в Минусинской котловине захоронения доафанасьевской эпохи практически неизвестны.

3. Афанасьевские и, позднее, андроновские погребальные сооружения монументальны. Находки в могилах инвентаря (кроме посуды) и остатков мясной пищи редки. Вероятно, какую-то пищу или напитки содержали горшки (возможно, приношения богам или предкам). Афанасьевская и андроновская культуры археологически и антропологически (европеоидность) связаны с западными территориями. В основе этих и ряда других культур (в том числе культур индоиранского круга), независимо от их этнической и языковой

принадлежности, были родственные компоненты. В частности, это проявлялось, очевидно, в общем характере мировосприятия. Древнеиндийские и древнеиранские источники свидетельствуют о его сравнительной отвлеченности. С этим связана символическая трактовка пути в мир мертвых. Такой относительный символизм и выделяет афанасьевский и андроновский погребальные обряды на общесибирском фоне.

4. Уже в афанасьевских и андроновских памятниках зафиксированы проявления более конкретных представлений. Еще более это проявилось в окуневских погребениях, а позднее - и особенно четко - в карасукских. Привнесение элементов сибирского конкретного отношения к загробной жизни связано, очевидно, с монголоидным компонентом в этих культурах. В карасукском погребальном обряде снабжение покойного мясной пищей и определенными орудиями становится правилом и строго регламентируется. Возможно, специфическая форма карасукских могил - трапециевидный сужающийся к дну ящик - восходит к иным формам погребения (например, в лодке). Могилы на поверхности - предположительно зимние - также, очевидно, стали возможны благодаря существованию традиции наземного захоронения. Тагарскому погребальному обряду также свойствен смешанный характер.

5. В погребальном инвентаре тесинского этапа и таштыкской культуры реальные предметы сменяются их миниатюрными копиями, появляются погребальные маски, мясная пища необязательна. Специальное изготовление моделей вещей указывает на их магическое назначение. Маска также всюду и в любых обрядах была средством магического перевоплощения. Эти особенности погребального обряда связаны, отчасти, с влиянием извне. Но они имеют и местную основу. Длительное сосуществование двух противоречивых концепций пути в мир мертвых - конкретной и символической - закономерно привело к их органическому слиянию и появлению компромиссной - магической.

6. В этнографических материалах по Сибири и соседним территориям в рассматриваемом аспекте существенны некоторые общие черты погребальной обрядности. Во-первых, шаманское мировоззрение уживается практически с любыми формами погребения. Во-вторых, роль шамана в погребальном и поминальном обрядах заключается, в основном, в магическом препровождении "души" умершего

в загробный мир. В-третьих, в этих обрядах шаман участвует, как правило, в бытовой одежде. Наконец, погребение самого шамана совершается по особому обряду. Таким образом, в основе шаманского ритуала, связанного со смертью, лежит магическая концепция пути в мир мертвых. Причем этот ритуал как бы накладывается на традиционные формы погребального обряда.

7. Погребальный обряд и соответствующие представления о загробном мире отражают, очевидно, более общие культурно-идеологические явления. Те особенности, которые были здесь прослежены в характере погребальных памятников, могут быть обобщены следующим образом. В основе мировосприятия сибирских народов лежат, с одной стороны, конкретно-анимистические воззрения, с другой - сравнительно отвлеченные представления. Последние связаны, в значительной мере, с общекультурными влияниями извне. Проявились они очень рано - во всяком случае, уже в афанасьевское время. В археологических и этнографических материалах прослеживается и последующее проникновение идей разных религиозных систем. Сосуществование и взаимодействие таких в принципе различных идеологических концепций привело к специфическому компромиссу. Он нашел выражение в более или менее полной и четкой концепции иного мира (мир духов, включая мир мертвых).

8. Эта концепция - одна из основных в мировоззрении шаманизма. Иной мир выделен там в качестве специальной сферы магической деятельности его "избранных". С компромиссным характером этой концепции связан ряд особенностей шаманизма: возможность сосуществования как с внешешаманскими анимистическими культурами, так и с весьма отвлеченными представлениями и идеями; исключительное многообразие его конкретных форм; его роль в истории сибирских и соседних народов. В процессе исторического развития относительно примитивные анимистические культы перестали соответствовать общему уровню культуры. Религиозные системы, проникавшие тем или иным образом, не могли утвердиться здесь, не находя соответствующей культурной основы. Становление же шаманизма всюду происходило в соответствии с местными условиями и традициями.

9. Таким образом, сравнение разнородных материалов, рассматриваемых в едином аспекте, может быть эффективным во всех звеньях цепи сопоставлений: в уточнении масштаба и характера

известных культурно-исторических процессов, в интерпретации археологических материалов, в выяснении истоков современных этнокультурных явлений.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Д.Г.Савинов

Длительная дискуссия по поводу значения и внутреннего содержания понятий "археологическая культура" и "этнос" (Б.В.Андрянов, М.И.Артамонов, С.А.Арутюнов, Ю.В.Бромлей, Л.Н.Гумилев, Ю.Н.Захарук, И.С.Каменецкий, Л.С.Клейн, Г.С.Кнабе, В.И.Козлов, Л.П.Лашук, М.Г.Левин, А.Л.Монгайт, В.И.Мошинская, И.С.Пиоро, А.П.Смирнов, С.А.Токарев, П.Н.Третьяков, А.М.Хазанов, Л.В.Хомич, Н.Н.Чебоксаров, В.Н.Чернецов, Я.В.Чеснов и др.) показала, что вопрос о соответствии археологической культуры и этноса не может решаться только в отвлеченно-теоретическом плане, а требует рассмотрения применительно к определенной археологической эпохе с учетом существующей типологизации того и другого понятия.

Для эпохи средневековья археологическая культура со всеми ее атрибутами является объективно существующей реальностью. "Как в истории, подразделяющейся на древнюю, средневековую и новую историю, в археологии вполне закономерно подразделение на первобытную, античную и средневековую" (Ю.Н.Захарук). В то же время особенностью археологической культуры в эпоху средневековья является то, что прямо или косвенно она может быть сопоставлена с данными письменных источников, т.е. приобрести конкретное историческое содержание. Иногда удается установить имя ее создателей, ввести этноним в наименование этой культуры и рассматривать ее, следовательно, уже как этнографическую культуру определенной этнической общности. Однако такие случаи встречаются сравнительно редко и при условии полиэтничности раннеклассовых государственных объединений не раскрывают особенностей языка и культуры всех групп населения, известных по отдельным археологическим памятникам. Поэтому методически более правильным представляется решение вопроса об этнической принадлежности археологических памятников в эпоху средневековья, ис-

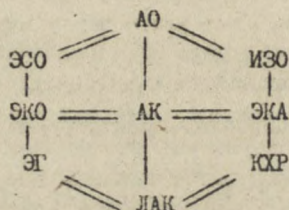
ходя из соотношения основных понятий археологии и этнографии (археологическая культура и этнос).

В эпоху средневековья этнос включает в себя этнические подразделения разного таксономического порядка, среди которых можно выделить этнографические группы - ЭГ, этнокультурные общности - ЭКО и этносоциальные общности - ЭСО. Будучи типологически разделенными, они сосуществуют благодаря включению одних и тех же популяций, но характеризуются различными этнодифференцирующими признаками. ЭГ обладает единством происхождения, определенным диалектом и локальной территорией в виде культурно-хозяйственного района (КХР), входящего в зависимости от физико-географических условий в тот или иной культурно-хозяйственный тип. ЭКО состоит из нескольких ЭГ, традиционно объединенных взаимным культурным влиянием в рамках одного этнокультурного ареала (ЭКА). В этих условиях ведущими становятся признаки общности культуры, возможно сосуществование разных диалектов, наиболее интенсивно проходят процессы аккультурации. ЭСО характеризуется целенаправленным объединением различных в этногенетическом, культурно-хозяйственном и языковом отношениях ЭГ и ЭКО на общей социально-экономической основе (ведущий признак) в рамках единой историко-этнографической области (ИЭО). При этом преобладающее значение приобретают язык и культура ведущего этноса, но наряду с ними в отдельных регионах сохраняются местные языки, образующие своеобразное состояние билингвы, и культурные модели. По-прежнему существующие ЭГ входят в ЭКО, переходящие на более высокой ступени своего развития в ЭСО.

Каждое из этих понятий в этнографии имеет свой эквивалент в археологическом материале. Такими аналогиями можно считать археологическую общность - АО, собственно археологическую культуру - АК и локальный вариант археологической культуры - ЛАК. АО на материале средневековых памятников определяется в первую очередь единством конструктивных решений предметов и их декоративного оформления, отражающим определенный стиль эпохи, границей распространения отдельных типов вещей. Из деталей погребального обряда наиболее универсальным является ориентировка, имеющая определенное идеологическое значение. АК характеризуется набором известных признаков: общностью погребального обряда, всего комплекса предметов сопроводительного инвентаря, в том

числе формами и орнаментацией керамики (в тех случаях, если она имеется), хотя внутри этих признаков могут наблюдаться значительные вариации. ЛАК фиксирует эти вариации, наблюдаемые в материалах типологически близких памятников, расположенных в различных районах распространения данной АК.

Как по внутреннему содержанию, так и по внешним дифференцирующим признакам ЭСО может быть сопоставлена с АО; ЭКО с АК; ЭГ с ЛАК. В пространстве эти понятия могут быть локализованы в той же последовательности от более крупных к более мелким — ИЗО, ЭКА, КХР. Графически это можно представить в виде следующей структуры:

Говоря об определении этнической принадлежности конкретного археологического комплекса эпохи средневековья, следует ясно представлять себе, какой именно таксономический уровень развития культуры и этноса он отражает. В зависимости от этого определяются социальные, языковые и культурные особенности его создателей. Стоящая за ним этнографическая группа в составе этносоциальной общности может обладать диалектом, совершенно не совпадающим с языком ведущего этноса, по которому чаще всего проводится этническая идентификация. В то же время его культурные особенности, сложившиеся в определенном культурно-хозяйственном районе, могут быть исторически связаны с этнокультурной общностью, входящей в настоящее время в состав другого этносоциального объединения, и т.д. Подобного рода примеры в палеоэтнографии народов Сибири достаточно многочисленны. Таким образом, полученные определения могут не совпадать друг с другом, однако все они, как основанные на этнодифференцирующих признаках этноса (язык, единство происхождения, культура и т.д.), этнически показательны. Но сами эти признаки сложились на уровне различных историко-генетических слоев (ИГС — по терминологии Ю.В.Бромлея и С.И.Вайнштейна) и обладают определенной страти-

фикацией. Трудность усугубляется еще и тем, что предложенная структура является исторически подвижной. Известно, что сложные и бурные события эпохи средневековья приводят к периодической смене этносоциальных общностей и созданных ими государственных объединений. При этом происходит переоформление историко-этнографических областей, отпадение и присоединение этнокультурных ареалов, распространение новых ведущих языков и культурных традиций, гибель прежних гомогенных этнографических групп.

В этих условиях представляется целесообразным неоднозначное определение этнической принадлежности археологического памятника, особенно в эпоху средневековья, а попытка посылочной интерпретации языковой принадлежности, исходя из существовавших ранее этнолингвистических общностей; хозяйственных особенностей, исходя из теории культурно-хозяйственных типов; культурной ориентации, исходя из исторически установившихся культурных связей; принадлежности к определенному этносоциальному объединению на основе свидетельств письменных источников, содержащих также этногенетически показательные факты, даты и этнонимы.

ОХОТНИКИ И СКОТОВОДЫ В III-II тыс. до н.э. СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПЕРИФЕРИИ ТУВЫ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В .А.Семенов

Влияние экологических факторов на первобытные коллективы наиболее четко может быть прослежено в специфических природных регионах, где хозяйственный уклад не претерпевал существенных изменений в течение длительного отрезка времени, что, в свою очередь, связано с существующими в данных регионах экосистемами, которые не подвергались серьезным искажениям в результате человеческой деятельности.

К таким регионам мы относим теснину Енисея в районе прорыва через Саянский хребет, в основном, ее верхнюю часть, расположенную в горно-лесостепной зоне, где сложились оригинальный культурно-хозяйственный тип кочевых и полукочевых скотоводов-охотников. Ранее мы уже говорили о культурно-хозяйственном типе в "каньоне" Енисея и намечали основные вехи его сложения (Джуневская, Семенов, 1979, с.87-89). Накопление новых археологичес-

ких материалов заставляет снова обратиться к экологическим аспектам хозяйственной деятельности первобытного - неолитического и энеолитического - населения "каньона" и ее этнографическим параллелям. Среди исследованных в настоящее время археологических памятников особое место занимает многослойная стоянка Тоора-Даш, расположенная на правом берегу Енисея, в 12 км от границы Тувинской АССР и Красноярского края, на которой обнаружены культурные слои, относящиеся к неолиту (содержащие гребенчатую керамику), энеолиту (слой афанасьевской культуры) и позднему энеолиту (два слоя окуневского времени).

Прежде всего встает вопрос о том, какие причины заставляли селиться древних обитателей "каньона" на одном и том же месте в течение столь длительного времени? Причина коренится, видимо, не только в том, что в "каньоне" вообще мало пригодных мест для стоянок, но и в том, что данное место было особенно удобным для первобытных охотников и скотоводов.

Можно предположить, что уже доафанасьевское население Тоора-Даша наряду с охотой на сибирского козерога и благородного оленя, а также рыболовством, о чем свидетельствуют находки рыбных костей, занималось разведением domesticированной козы или овцы. Последнее заключение не противоречит данным археологии и для более западных регионов, так как с расселением носителей гребенчатой керамики некоторые исследователи связывают и распространение скотоводства (Мелентьев, 1980, с.12; Долуханов, 1979, с.133). Неолитические обитатели "каньона", возможно, внесли свой вклад и в формирование первой, бесспорно, скотоводческой культуры Саяно-Алтайского нагорья - афанасьевской. Афанасьевцы так же, как и их предшественники, селятся в урочище Тоора-Даш, что обусловлено непосредственной близостью пастбищ для скота и охотничьих угодий. Этот фактор не мог не привлекать первых энеолитических скотоводов, в жизни которых охота играла еще существенную роль (Киселев, 1949, с.28-29). По той же причине, вероятно, мы находим здесь и окуневцев. Таким образом, можно отметить, что в III и в II тыс. до н.э. обитатели Саянского "каньона" наряду с охотой занимались, по-видимому, и разведением скота. Для восстановления более полной картины культурно-хозяйственной деятельности неолитического и энеолитического населения на Верхнем Енисее необходимо привлечение данных этнографии, полученных именно с террито-

рии Улут-Хемской котловины и верхней части "каньона". Однако сведений для сопоставления культурно-хозяйственных типов современного коренного населения Тувы с более отдаленными периодами интересующих нас эпох пока что недостаточно. В таких случаях большую ценность приобретают исторические источники, заполняющие лауну между археологическими данными и этнографическими аналогиями к ним. Сведения подобного рода мы находим в "Сокровенном сказании" и в сборнике летописей Рашид ад-дина, где говорится о "лесных народах", проживавших на Алтае-Саяно-Хангайском нагорье. На основании этих источников Л.П.Потапов характеризует хозяйственный комплекс этих племен как определенную триаду, состоящую из пастбищного табунного скотоводства, с циклическими сезонными перекочевками в течение года, охоты на мясного и пушного зверя, а также мелкого, преимущественно мотыжного земледелия (Потапов, 1969, с.82). Хотя речь в упомянутых выше источниках идет преимущественно о поздних народах, мы полагаем, что из них могут быть извлечены объективные сведения для реконструкции хозяйственной деятельности и более древнего населения не только в тех случаях, когда мы можем гарантировать постоянную численность населения, увеличение которого невозможно в рамках одной экологической ниши, и стабильное состояние окружающей среды. Что касается последнего фактора, то здесь мы располагаем данными палеогеографии, свидетельствующими, что на протяжении последних 4500 лет граница между лесом и степью на юге Западной Сибири остается относительно неизменной (Хотинский, 1979). Вероятно, это справедливо и для Саяно-Алтая, в том числе и для "каньона" Енисея. Население же "каньона" не может превысить определенного уровня в силу ограниченности жизненного пространства, и в древности, судя по количеству археологических памятников, возможно, было таким же, как и в относительно недавнем прошлом. Все это позволяет говорить о существовании экологического равновесия в рассматриваемом ареале, неизменного в силу естественных причин со времени проникновения сюда первых скотоводов. Для характеристики хозяйственного уклада этих скотоводов мы можем использовать данные этнографии и письменных источников с учетом в каждом отдельном случае специфики окружающей среды.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ
РЕМЕСЕЛ У ПЛЕМЕНИ АЗЕЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.Н.Старостин

1. Исследованиями последних лет, проведенными на памятниках азелинской культуры, собраны многочисленные материалы, которые дают возможность по-новому представить и интерпретировать проблемы ремесла у ее носителей; вскрыты погребения мастеров, занимавшихся цветным литьем, кузнечным и косторезным делом. Материалы погребений позволяют утверждать, что цветным литьем занимались преимущественно женщины. Погребения женщин-литейщиц сопровождалась литейными формами, льялками, слитками металла, ювелирными молоточками, готовыми изделиями. Погребения кузнецов сопровождалась инструментами (клещи, молотки, наковальня, напильники и др.), а также готовыми изделиями. Вероятнее всего, погребения кузнецов были мужскими.

2. Обращает на себя внимание тот факт, что погребения литейщиц, кузнецов и косторезов выделяются более богатым, чем остальные, инвентарем. В ряде случаев они сопровождалась остатками костей лошади (череп и кости ног). Это свидетельствует об особом положении ремесленников внутри общин.

3. Исследования показывают, что погребения литейщиц и кузнецов встречены на каждом азелинском могильнике, подвергнутом значительным раскопкам. Видимо, ремесленники были в каждой общине и обслуживали в основном ее нужды.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НГАНАСАНОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Л.П.Хлобыстин

Исследования Б.О.Долгих показали, что сложение нганасанов в этнос происходило в XVII-XVIII вв. на основе взаимной ассимиляции пясидокой самоеды и кураков, генетически связанных с самоедскими, и тидирисов, тавгов и вадеевцев, относимых к тунгусам, причем тавги и, по заключению Ю.Б.Симченко, тидирисы были отунгусенными екагирами.

На Таймыре автором выявлен ряд археологических культур и установлена их периодизация от мезолита до средневековья. Рассмотрение их происхождения, преемственности и взаимовлияний по-

звolyет наметить в общих чертах историю этнокультурных процессов, подводящих нас близко ко времени фиксации этнического состава населения Таймыра письменными документами, то есть дает возможность попытки проследить генетическую связь нганасанов с древнейшими обитателями этого района Заполярья.

Появление постоянного населения в Таймырском Заполярье отмечено нахождением мезолитических поселений, датируемых V тыс. до н.э. и аналогичных по своему инвентарю сумнагинской культуры Якутии, что позволяет говорить о заселении Таймыра выходцами с юго-востока. Памятники раннего неолита (нижние слои поселений Глубокое I и Абылаах I и др.) датируются IV тыс. до н.э. Они характеризуются каменным инвентарем, в котором сохраняются местные мезолитические традиции, и сетчатой керамикой. Последняя отличается от керамики сылаахской культуры Якутии, и ее появление может объясняться простым заимствованием навыков изготовления керамической посуды от южных соседей. Таким образом, ранненеолитическая глубоководная культура предстает как выражение дальнейшего развития материальной культуры аборигенов.

В III тыс. до н.э. на Таймыр проникают из Якутии носители белькачинской культуры с характерной для нее шнуровой керамикой и приемами обработки каменных изделий. Их поселения найдены и на востоке, и на западе Таймыра. Под их культурным влиянием и, возможно, в результате этнической интеграции на востоке Таймыра возникает культура маймече. В ее керамике наблюдаются традиции сетчатой керамики раннего неолита в сочетании с характерными для белькачинцев приемами орнаментации. В каменном инвентаре, типичном для развитого неолита, также сохраняются некоторые аборигенные традиции. Большой интерес представляют украшения (лабретки и грибовидная подвеска), находящие прямые аналогии в памятниках верхнего палеолита Камчатки и в более поздних, эскимосских, алеутских и древнеиндейских памятниках Севера тихоокеанского побережья. Вероятнее всего, такие украшения существовали в Восточной Сибири в палеолите и мезолите и были занесены на Таймыр и Тихоокеанский Север еще сумнагинцами, которые рассматриваются как один из компонентов протоэскимосов и протоалеутов. Следовательно, древнейшие обитатели Таймыра, потомками которых были носители культуры Маймече, имели общих предков с населением северо-запада Нового Света. В конце III тыс. до н.э. на

запад Таймыра из Эвенкии приходят носители линейно-накольчатой байkitской керамики, возникшей там под явным влиянием западно-сибирских культур.

Период ранней бронзы (конец II тыс. до н.э.) связан с вторжением на Таймыр носителей ымыяхтахской культуры Якутии, для которой характерна вафельная керамика. Они, по-видимому, включили в свой состав потомков маймеченской и белькачинской культур. На западе Таймыра они вступили в ассимилятивные связи с потомками байkitского населения, в результате чего в середине I тыс. до н.э. здесь возникает гибридная пясинская культура, сочетающая восточносибирские и западносибирские традиции. Вероятнее всего, именно в это время, в итоге встречного движения восточносибирского и западносибирского населения, на правом берегу Енисея (в Эвенкии и на западе Таймыра) происходит формирование древнеякагирского этнона. Пясинская культура переросла в малокореннинскую культуру (последняя четверть I тыс. до н.э. - первая четверть I тыс. н.э.), для которой типичны толстостенные сосуды, украшенные рядами валиков, ямками и линиями отступающей палочки.

Параллельно байkitско-пясинско-малокореннинской линии развития культур продолжалось развитие ымыяхтахских традиций. Наследниками этой культуры стали памятники с рубчатой и ромбическо-вафельной керамикой, а в дальнейшем - усть-чернинская культура с керамикой, орнаментированной тонкими валиками и иногда пояском ямок или жемчужин. Усть-чернинская культура, вероятно, вначале сосуществовала с малокореннинской культурой, а затем сменила ее. Кроме потомков ымыяхтахцев в формировании усть-чернинской культуры приняли участие носители керамики бояркинского типа. Эта керамика находит близкие аналогии в памятниках железного века Якутии и Эвенкии и, вероятнее всего, принадлежала древним тунгусам. XI веком датируется сложно-профилированная тонкостенная керамика с рядами тонких валиков (усть-половининский тип), которая может рассматриваться как наследница и усть-чернинских, автохтонно таймырских, и бояркинских, привнесенных тунгусами традиций.

В 900 г. на западе Таймыра появляются носители вожпайской культуры, в которых есть все основания признавать самодийцев, прямых предков ненцев и энцев.

Памятники, которые могут датироваться XIII-XVI вв., не содержат ни керамики, ни каменных орудий, за исключением грубых скребел, поэтому непосредственно связывать археологические материалы с этнографическими пока нельзя. Однако представляется возможным сопоставить данные археологии с выводами этнографов — при этом обнаруживается их совпадение. Так, с вожпайской культурой может быть связано происхождение кураков и пясидской оа-мояди, а с усть-половинковской керамикой — остальных этнических групп, говоривших на тунгусском языке. С тавгами и тидирисами сопоставляется автохтонная линия развития культур, представленная, на последнем этапе, усть-чернинской культурой. В последнюю вошли и потомки пясинской (предположительно, древние юагиры) и маймеченской культур. Примечательно, что именно у рода Линан-чера, предками которых были тидирисы, имелся идол с лабретками, и именно тавги и тидирисы считаются отунгусскими юагирами, аборигенами Таймыра. Таким образом, иганасаны, несмотря на сложность их этногенеза, являются, в какой-то мере, прямыми потомками древнейшего, мезолитического населения Таймыра.

К СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам погребальных комплексов)

М.Д.Хлобыстина

Проблема статуса археологической культуры, являющейся основополагающей понятийной категорией в фундаментальном разделе исторической науки — археологии, широко дискутируется в специальной литературе (Ю.Н.Захарук, Л.С.Клейн, И.С.Каменецкий, Г.П.Григорьев, В.М.Массон, В.Д.Викторова и др.).

Феномен археологической культуры может быть представлен как системная совокупность специфических видов ископаемых объектов (артефактов) локальной территориально-хронологической принадлежности. Названная артефактная общность, являясь объективно ограниченной по своим информативным возможностям разнообразием исторических источников, отражает определенную палеоисторическую реальность опосредованно, лишь становясь объектом соответствующих системных ретроспективных реконструкций. В этой связи встает вопрос о структурных компонентах, реализах археологической культуры. Таковыми выступают артефактные блоки, сосре-

деточившие морфологически и функционально замкнутые по своим характеристикам группировки ископаемых объектов (орудия производства и обработки, оружие, керамика, культовые изделия и т.п.). Названные блоки - исходные источники этнокультурной и социально-идеологической информации исторического плана, получение которых обусловлено многоступенчатой процедурой моделирования исходных, археологических, данных в производные, палеоисторические.

Методические аспекты, связанные с палеосоциологической трактовкой совокушного погребального комплекса - могильника и его элементарных составляющих - индивидуальных и совместных погребальных комплексов, требуют всесторонней разработки.

Элементарный погребальный комплекс, являясь исходным, ключевым звеном искомой палеосоциологической информации, требует трактовки в качестве погребального объекта. Структурно-хронологически, следуя специфике "археологического времени", погребальный объект функционирует в двух временных субстанциях - древней и современной. Структурно-морфологически, соответственно рамкам двух погребальных ситуаций, древней (первичной) и последующей (вторичной, длящейся вплоть до момента археологического открытия), погребальный объект может быть представлен в виде двух качественно различившихся комплексов. В современном, вторичном, положении имеем погребальный объект в виде археологического погребального комплекса, являющегося объективно производной величиной относительно древнего, истинного погребального комплекса, некогда сформированного в процессе определенных обрядово-ритуальных манипуляций и ныне субъективно моделируемого исследователем.

В роли социального индикатора погребального обряда выступает именно исходный погребальный комплекс, реконструируемый из комплекса археологического. В этой связи требуется представить структуру этого последнего. Археологический погребальный комплекс содержит определенные блоки (совокупности): обрядовый блок включает погребенного субъекта (субъектов), ритуальный блок - артефакты, оформляющие акт погребения данного субъекта. Таким образом, археологический погребальный комплекс содержит, помимо собственно артефактов, существенный, палеоантропологический компонент (отсутствующий, однако, при наличии "кенотафа"). Обрядовый блок и является основным, структуроформирующим компонентом погребального комплекса в целом, тогда как ритуальный блок ис-

полияет роль производного, структуроформирующего компонента. Оба погребальных блока совокупо предстает как сумма органически, структурно-функционально взаимосвязанных объектов, соотносящихся по принципу иерархической зависимости.

Основным источником палеосоциологических реконструкций выступают именно погребальные обрядовые блоки, представленные захороненными субъектами во всей совокупности их половозрастных характеристик. Таким образом, основными данными погребального обряда выступают половозрастные комбинации погребенных на рассматриваемом объекте - погребении, либо могильнике в целом. Привлечение этнографических параллелей соответствующего стадийного плана в качестве связующего звена в процедуре антропоархеологического и палеосоциологического моделирования позволяет утверждать, что именно половозрастные особенности индивида на ранних ступенях формирования общественных структур являлись определяющим фактором для семейно-социального статуса.

В этой связи наблюдается насущная необходимость в систематизированном упорядочении данных по обрядовым блокам погребений. Так, в структурном аспекте обрядовые блоки подразделяются на индивидуальные (I тип) и совместные (II тип) погребения. Тип совместных погребений классифицируем по следующей шкале видовых обрядовых признаков. По числу погребенных - двойной (парный), групповой (в том числе, тройной), коллективный (множественное захоронение) комплекс. По признаку пола - однополый и разнополый комплекс. По признаку возраста - однопоколенный и разнопоколенный комплекс.

Существенные закономерности, выявляемые относительно культурно-стадийного распространения названных типов и видов погребальных комплексов в культурах евразийской лесостепной первобытной ойкумены, позволяют говорить об объективном характере их существования. Ведущим фактором выступали нормы погребального обряда, отражавшие прижизненный социальный статус умершего индивида, регулируемый, в свою очередь, его ролью в производственной и общественной сферах жизни коллектива. Стихийные, экстраординарные причины играли минимальную роль в строго регламентированной практике погребальной обрядности первобытных эпох. Действительно, для конкретных культурно-исторических этапов оказываются типичны определенные комбинации погребальных обрядовых ком-

плексов, включающие, однако, неизменно повторяющиеся разновидности. Так, например, для мезо-неолитической эпохи оказываются характерны совместные однополые комплексы, отразившие практику архаичных половозрастных градаций, либо групповые разнополые комплексы, обряд которых отразил некоторые архаичные формы семейных молекул ("братская семья" - родья, по Н.И. Семенову). Далее, для эпохи бронзы характерны совместные разнополые, парные комплексы, отразившие эволюцию семейно-социальной структуры в направлении выделения нуклеарной семьи, и т.п. В этой связи назовем совместные однополые комплексы афанасьевской культуры, которые можно обнаружить на Среднем Енисее и в Горном Алтае, парные разнополые комплексы минусинского варианта андроновской культурной области. Наблюдения над взаиморасположением индивидуальных комплексов, их сочетаниями с совместными также приводят к выводам о существовании определенных обрядовых закономерностей в топографии первобытного могильника (например, окуневские, андроновские кладбища Южной Сибири).

В названных обрядовых разновидностях можно обнаружить, таким образом, отражение некоторых общих, формационного характера закономерностей общественного развития, присущих социальной структуре первобытнообщинных коллективов и их семейным молекулам в рамках определенной, локально замкнутой, культурно-исторической единицы - общинно-родового или племенного образования.

В то же время по контрасту с единообразием типов и видов обрядовых, половозрастных комбинаций погребальных комплексов, отразивших принципиальное единство структур первобытнообщинных коллективов, привлекает внимание сугубое разнообразие форм ритуальных погребальных комплексов - конструкций могил, поз и ориентировок умерших, наборов инвентаря и тому подобных ритуальных аксессуаров. Названное обстоятельство объясняется тем, что ритуальный блок отражает конкретную палеоэтнографическую традицию, присущую данному коллективу.

В целом обрядово-ритуальные данные, базирующиеся на антропо-археологических источниках, позволяют следовать по пути палеосоциологического моделирования.

ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Ю.С.Худяков

Особенности погребальных обрядов наряду с орнаментацией керамики традиционно рассматриваются в историко-археологической литературе как наиболее характерные признаки этноса. Для эпохи средневековья, ввиду деградации керамики, значение погребального обряда в качестве этнического индикатора еще более возрастает.

Одним из перспективных полигонов изучения погребальных обрядов в свете этнической интерпретации являются средневековые памятники Минусинской котловины, где к этому периоду относится широкий спектр погребальной обрядности, частично коррелируемый сведениями летописных источников и этнографии.

Большинство исследователей, классифицировавших средневековые древности Минусинской котловины, высказывали свое мнение по поводу их этнической атрибуции. Начиная с И.Г.Гмелина, в научный оборот вводятся сведения о "киргизских могилах". С.А.Теплоухов выделил наряду с кыргызскими погребения алтайских тюрок. (Теплоухов, 1929, с.55). Соображения по поводу этнической принадлежности различных погребений излагали в своих работах Л.А.Евтюхова (1948, с.66), С.В.Киселев (1961, с.503), В.П.Левашова, Л.Р.Кызласов (1975, с.207).

Подробная типологическая классификация погребений VI-XIV вв. н.э. могла бы расширить возможности их этнической атрибуции.

Материалы раскопок погребений, совершенных по различным обрядам, при учете географии их распространения, топографии расположения, конструкции надмогильных сооружений и особенностей сопроводительного инвентаря позволяют выделить в числе погребальных памятников Минусинской котловины VI-XIV вв. н.э. 6 групп.

Наиболее распространенным видом погребения на Среднем Енисее в это время являлся обряд трупосожжения на стороне, характерный для ведущей этнической группы населения - кыргызов. В зависимости от социального положения останки умерших взрослых кыргызов в VI-VIII вв. хоронили в погребальной урне, в могильной яме - в курганах чаа-тас, небольших каменных курганчиках, грунтовых могилах или под полами курганных насыпей в сопровождении сосудов

и мяса овцы.

Существенно различается по составу и богатству оформления сопроводительный инвентарь. Детей и подростков кыргызы хоронили не сжигая в сопровождении сосудов и мяса овцы. Половые различия в погребальном обряде не фиксируются.

В IX в., в связи с миграцией части кыргызского населения в Центральную Азию и увеличившейся подвижностью кочевого образа жизни, в погребальном обряде кыргызов происходят известные изменения, носящие эволюционный характер. Упрощается конструкция надмогильных сооружений, нивелируются различия в способах захоронения, стандартизируется сопроводительный инвентарь. В начале II тыс. н.э. у кыргызов получает распространение обряд захоронения на горизонте, с кольцевой каменной насыпью. Почти все предметы сопроводительного инвентаря изготовлены из железа.

В течение всего рассматриваемого времени у кыргызов сохранилась возрастная бритуальность обряда — детей хоронили не сжигая.

В VI-XIV вв. наряду с кыргызскими повсеместно в Минусе распространены погребения по обряду труположения. До начала II тыс. н.э. они встречаются в составе кыргызских могильников, под каменными выкладками, либо в качестве впускных в насыпи больших курганов. Инвентарь очень беден либо отсутствует. Позднее в Минусе распространяются обособленные могильники под каменными кольцевыми или овальными выкладками, с захоронениями по обряду труположения. В отдельных случаях встречаются погребения с богатым инвентарем. По нашему мнению, они принадлежат разноплеменным кыштымам, часть из которых находилась в кыргызском обществе на положении рабов.

В VIII-X вв. в Минусинской котловине распространяются погребения по обряду труположения в сопровождении коня. Мужчины захоронены с конем, дети с бараном, женщины с конем, бараном или без животного. Инвентарь погребений разнообразен. Принадлежали коктюлкам, завоевавшим Минусу в начале VIII в., а позднее вошедшим в состав кыргызов.

В конце VIII — начале IX века в Минусинской котловине появляются отдельные погребения по обряду труположения в сопровождении шкур коня с разнообразным инвентарем. По нашему мнению, они могли бы быть оставлены уйгурами.

В VI–VII вв. н.э. на Среднем Енисее встречаются захоронения по обряду трупосожжения в яме, трупосожжения с конем, которые могли принадлежать различным этническим группам, ассимилированным кыргызами. Включенные в состав ведущего этноса иноплеменные переходили на кыргызский обряд трупосожжения.

В IX–X вв. н.э. в Минусе встречаются отдельные погребения по обряду трупоположения в сопровождении шкуры коня, барана и разнообразного инвентаря в скальных гротах. Ввиду сложности обряда они пока не сопоставимы с какой-либо определенной этнической группой.

Типология погребальных обрядов позволяет наметить этапы этнической истории в рассматриваемое время.

КОЧЕВНИКИ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

(к вопросу о тюркизации долины р.Томи и Ачинско-Мариинской лесостепи в раннее средневековье)

А.В.Циркин

1. Проблема тюркизации широкого пояса лесостепной Евразии – традиционная тема советской исторической науки. Отдельные аспекты этой темы получили освещение в ряде обобщающих работ, вышедших в 50–60-е годы XX века (Артамонов, 1963; Гумилев, 1966; С.А.Плетнева, 1967; Акишев, 1963 и др.). Формирование тюрского этнического массива в культурах Южной Сибири рассматривалось исследователями в контексте с другими историческими событиями, которые протекали в данном регионе в первом тысячелетии новой эры (Киселев, 1951; Грязнов, 1956; Кызласов, 1960; Могильников, 1973 и др.).

2. Кузнецкая котловина – идеальная экологическая ниша для обитания кочевников, вполне понятна, не могла быть ими обойдена и тем более не освоена. Однако ее исследование в этом плане, к сожалению, пока остается в сибирской археологии недостаточно разработанным. Наметилось некоторое отставание по сравнению с интенсивностью изучения других исторических тем данного региона. Объясняется это, на наш взгляд, ее "неактуальностью" при этнической и социальной интерпретации местных археологических культур.

3. Сложение кочевнических обществ в Средней Азии сопро-

вождалось естественным увеличением населения, ростом социально-го неравенства, переходом к подвижному скотоводству и освоению территорий, пригодных для новых форм экономической деятельности. Все это дало мощный импульс к созданию крупных феодальных государственных объединений, в основе которых лежал экспансионистский внешнеполитический курс, т.е. захват чужих земель, закабаление аборигенов и хозяйственное освоение вновь приобретенных территорий. Это обстоятельство неизбежно толкало к передвижениям больших масс кочевого населения на запад и северо-запад, включая Кузнецкую котловину и Ачинско-Мариинскую лесостепь.

4. Пришельцы кочевые племена оказывали воздействие на культуру местного населения, которое проявилось, прежде всего, в использовании старых погребальных курганов для сооружения в насыпях впускных захоронений с конем. Они наложили отпечаток на хозяйственный уклад, что сказалось в увеличении оружейного материала, трансформировали быт, заметно повысив удельный вес сбруйно-поясных наборов в инвентарных, погребальных комплексах. В целом данный процесс придал местной культурной среде ярко выраженный синкритический вид с преобладанием в ней кочевнических элементов.

5. Социально интерпретируя культуру племен Ачинско-Мариинской лесостепи, трудно обойти вниманием изменения в материальном облике погребенных, их этнической характеристике. Так, два впускных захоронения 3-го кургана Шестаковского могильника дают основание рассматривать в них пришельцев из Минусинских степей. Здесь погребены мужчины-воины с конем, с полным набором оружия и уздечных принадлежностей. Одежда воинов включала роскошные пояса, аналогичные поясным наборам ранних кочевников Тувы. Умершие ориентированы головой на юго-запад, а их черепа являли собой явные признаки монголоидности, что иллюстрирует присутствие иной антропологической популяции (Мартынов, 1971).

6. Анализируя структуруклада на р.Кондоме в Горной Шории, а также археологических находок в долине р.Томи у д.Есаулки и Елнкаево, можно, с большой долей вероятности, полагать, что содержащиеся в них оружие, уздечно-подпругные принадлежности, поясные наборы и пряжки имеют свои безупречные параллели в кочевнических могилах Алтая - Кудырзэ, Катанда, Курай и Туяхта (Гаврилова, 1965; Евтихова, Киселев, 1941).

7. В литературе существует мнение о том, что тюрская колонизация Южной Сибири шла в основном с юга, из Алтайского нагорья, вверх по р.Оби вплоть до Томского Приобья (Могильников, 1975). Не отрицая в принципе такое решение, следует заметить, что кочевники использовали и другие трансконтинентальные пути, пересекающие пояс степей с востока на запад в меридиальном направлении. Кузнецкая земля, лежащая на этом транзите, колонизовалась кочевниками с двух сторон. С востока этот путь шел из Минусинских степей, о чем свидетельствуют кочевнические материалы Третьяковского поселения, Утинских и Шестаковских курганов. С юга кочевники проникали через горную Шорию и Салаирский кряж, что археологически фиксируется данными кладов на р.Кондоме, а также коллекциями Сидоровского кургана, Есаульского и Елыкаевского кладов, расположенных в долине р.Томи, а также находками из кургана Ур-Бедари на р.Ине (Маркин, 1979; Каратаев, 1978; Эрдниев, 1955; Елькин, 1970; Могильников, 1968).

8. Появление кочевников в Кузнецкой котловине начинается примерно со II века н.э., постепенно охватившее междуречье Оби и Чулыма, Ачинско-Маринскую лесостепь. Начало колонизации по времени совпало с движением огромных масс населения, вынужденных под напором гуннских орд смещаться на северную периферию лесостепной зоны. Тюрское проникновение, если судить по материалам курганов у села Ур-Бедари, продолжалось до X века включительно. Но наивысшая ее фаза приходится на VI-VII века, когда с юга, из Алтайского нагорья, в долину р.Томи спустилась большая масса степняков, захвативших наиболее удобные в экологическом отношении земли.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТОЯЩИХ СТАТУЙ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.А.Чариков

1. Среди каменных изваяний раннего средневековья, оставленных кочевниками евразийских степей, встречаются как сидящие, так и стоящие памятники. При этом в их числе различаются статуи с обозначенными и необозначенными ногами. Принадлежность последних к категории стоящих определяется пропорциями фигур, когда нижняя часть (от пояса) примерно равна верхней. Пропорции сидящих

скульптур совершенно иные - нижняя часть составляет лишь около 1/3 всего монолита и даже меньше.

2. До последнего времени стоящие изваяния азиатских степей с изображенными ногами не были известны. Находка такой статуи в окрестностях села Балтаколь Чимкентской области дает основание утверждать, что в казахстанских степях, наряду с обобщенной трактовкой ног стоящих фигур, практиковалась и натуралистическая тенденция, полностью реализованная лишь в половешской пластике несколько столетий спустя. На ранних же этапах развития монументальной скульптуры тюркоязычных кочевников, а также и в позднее время у восточных кыпчаков преобладал, надо полагать, рациональный подход, исключавший обязательность нецелесообразных действий в процессе создания того или иного произведения. Так, в большинстве случаев ноги не изображались, поскольку они все равно оказались бы засыпанными землей при установке статуй.

3. Отдельные исключения, когда на скульптурах изображались ноги (чаще всего у сидящих), были вызваны стремлением подчеркнуть или особенность позы, или характер обуви. Нельзя не учитывать и возможность проявления творческой самостоятельности мастера, а также желания самого заказчика.

4. Факт наличия бесспорно стоящих и сидящих фигур в рамках одного хронологического периода ставит под сомнение утвердившийся в науке тезис, объясняющий такую разницу в позе хронологическим несоответствием, тем более, что оба варианта (стоящий и сидящий) осуществляли на всех этапах эволюции каменных изваяний, от памятников древнетюркского типа до половешского и стеловидного типов. Гипотеза, трактующая данные различия в позе социальной неоднородностью изображенных (С.А. Илетьева), представляется более предпочтительной, хотя она не исключает также и того, что положение ног на статуе, то есть сидящий или стоящий вариант, могло зависеть и от устойчивости местных (этнических) изобразительных традиций.

5. В связи с вышеизложенным вряд ли будет логично истолковывать назначение стоящих каменных изваяний как неперменный атрибут погребального обряда, символизирующий участие умершего в поминальном пире, устроенном в его честь, поскольку стоящая поза отнюдь не располагает к трапезе. Сосуд в руке (или в руках) статуи, по-видимому, отражает какие-то иные, еще невыясненные ассоциации. В частности, такой сосуд мог быть вмещающим "священно-

го напитка", придающего бессмертие, что вполне согласуется с существовавшими в средние века религиозными представлениями, распространенными в Средней Азии и прилегающих районах (Ш.М.Шукуров).

О МЕТОДИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПО НЕКОТОРЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Л.А.Чиндина

1. Проблема выяснения общих закономерностей общественно-исторического развития западносибирского населения, а также специфических особенностей социальной организации конкретных обществ тесно связана с проблемой социологической интерпретации археологических материалов, почти единственного источника по истории древних обществ данного региона.

Реконструкция общественных отношений на основе археологических источников — это создание модели некогда существовавших социальных организмов. Однако сущность созданных моделей станет понятна лишь при условии тесного контакта с этнографией, изучающей функционирующие общества первобытной формации. Успешное преодоление разрыва между данными двух наук заключается в правильном методологическом подходе и надежности методов исследования как общих, так и специфических (В.Р.Кабо; В.М.Массон; А.И.Першин; Ю.М.Семенов и др.).

В социологических реконструкциях важно использовать комплекс археологических источников, учитывая в дальнейшем исследовании природно-экологические условия, систему хозяйства, роль освоения нового металла, торговлю и обмен, демографический и военный факторы. Для Западной Сибири в эпоху железа, видимо, наиболее информативными источниками являются поселения, погребальный обряд, культовое литье.

2. На развитие поселения влияют природные и общественные факторы. В последнем необходимо отделить социальный фактор от экономического, политического и этнического. Поселение представляет комплекс одновременных, часто однотипных, жилищно-хозяйственных и культурных объектов, объединявших определенно связанные между собой коллективы. Социологическая информативность поселений значительно шире, чем его составных частей — жилищ. Поэтому

при исследовании целесообразнее идти от малого к общему. Жилище — это местообитание группы людей (обычно семьи), искусственно созданное или в соответствии с требованиями природной среды, спецификой хозяйственной деятельности, обусловившей взаимоотношения внутри этого коллектива. Этапные изменения в производственной деятельности общества неизбежно приводят к перестройке семьи, что так или иначе откладывает отпечаток на жилище. При социологическом анализе необходимо рассматривать постоянные, долговременные жилища, т.к. они фиксируют длительное пребывание всего коллектива. Размеры жилища, особенности и количество очагов, детали внутреннего интерьера (наличие перегородок, расположение стандартного инвентаря) позволяют определить количественный состав обитавшей в жилище группы, зафиксировать наличие внутренних группировок, характер их взаимоотношений. Сравнительный анализ с этнографическими моделями даст представление о форме и структуре семьи (парная, малая, большая). Планировка жилищ, соотношение их с прочими постройками помогают восстановить структуру всего коллектива, оставившего поселок. Для подобных обобщений крайне важно, чтобы поселение было раскопано полностью. Функциональный анализ построек дает дополнительный материал для социологической интерпретации (производственные, культовые сооружения).

Если открытые поселения являются в основном источниками для реконструкции структуры общества, то для выяснения социальной стратификации более перспективным будет анализ городищ. Появление городищ — само по себе явление социальное. Они возникают тогда, когда война становится средством отчуждения прибавочного продукта и его перераспределения.

Исследовать городища необходимо в историческом развитии — от временной крепости для всех общинников до постоянных укрепленных мест обитания группы, изолировавшей себя от общества (знать). О временном использовании городищ может свидетельствовать разнообразие культурного слоя, тип жилищ, мощность и структура очагов. О постоянном использовании могут говорить идентичность построек внутри городищ и в открытых поселениях (особенно на первых порах социальной дифференциации, когда имущественное неравенство еще не отражалось в быту) или резкое отличие по архитектуре и ценностным данным на поздних этапах (в Западной Си-

бири такие городища пока неизвестны).

Особенности городищ в пределах одного исторического этапа на территории единой культурной общности могут также дать социологическую информацию. Если укрепления сосредоточивались на периферии общности, то это в большей степени влияние политического фактора (оборонительные сооружения от внешнего врага). Если они рассредоточены по всей территории общности, то это скорее свидетельство уже внутренних социальных противоречий. Для "горизонтального" анализа городищ необходимо их тщательное картографирование, чтобы уловить закономерности во взаимоотношениях с другими видами одновременных памятников.

3. Методика социологического анализа погребального обряда наиболее разработана в археологических исследованиях (В.А.Алексин, Н.Н.Гурина, Л.Р.Кизласов, В.М.Массон, А.П.Окладников и др.). Погребальный обряд позволяет судить о структуре общества и его социальной дифференциации. Анализ погребального обряда перспективнее всего проводить на материалах одного могильника, существовавшего в рамках единой этнокультурной общности на сравнительно ограниченном отрезке времени. Начинать необходимо с детального восстановления обряда, выделения погребений, отличающихся по половозрастным признакам. Соотношение отдельных курганов, группировок могил, половозрастных групп могут помочь в определении структуры отдельных подразделений общества (рода, общины, семьи и т.д.).

О социальной дифференциации свидетельствуют погребения:

1) с резко отличными могильными сооружениями и специфичностью захоронений при прочих равных условиях; 2) инвентарь которых качественно и количественно богаче стандартного набора, 3) наличие жертвоприношений в отдельных погребениях. Функциональный анализ инвентаря позволит определить общественную принадлежность выделяющихся групп (мастера-ремесленники, воины, жрецы).

4. При исследовании культового литья прежде всего необходимо восстановить форму религиозных верований, отразившихся в литье, а затем пытаться восстановить социальную специфику тех времен, которая хотя и в фантастической форме, но отражалась в изображениях. Для этого необходимо установить этапы развития литья, затем на основе сюжетных особенностей выделить качественно новые категории, ставшие закономерными для определенных эта-

пов. Выявленные группы могут служить показателем изменений религиозных верований, вызванных какими-то общественными процессами и материализовавшиеся в новых изображениях.

5. В Западной Сибири перечисленные комплексы источников присутствуют в потчевашской и релкинской культурах раннего средневековья. Релкинцы вели комплексное хозяйство, основу которого составляли присваивающие формы. Основную хозяйственную единицу составляли патриархальные семейные общины. Каждый поселок состоял из родственных семей, объединенных общим промыслом, производственными занятиями. В это время заметно выделение дочерних семейных общин, оселившихся поблизости друг от друга, обычно на озерах, в местах промысловых угодий. Группа родственных общин имела единое кладбище с общим погребальным обрядом, но выделенным местом для каждой патриархальной семейной общины.

В релкинском обществе уже четко прослеживается социальная стратификация (имущественная намного слабее). Она отразилась в общей идеологии о высших и низших божествах, духах-обитателях различных миров, характерной периоду социального расслоения патриархально-родовой общины.

В могильниках появляются погребения воинов с особым типом захоронения — сожжением, значительным богатством нестандартного инвентаря (поясные наборы, драгоценное оружие). Семейная община являлась удобной формой для частного присвоения и накопления богатств в руках отдельных лиц. Как правило, это родовая знать, социальный вес которой усиливался за счет воинской славы. На этот период падает зарождение культа воина-героя, родоначальника, что ярко отразилось в изображениях пехих и конных воинов в культовом литье релкинцев. Тем не менее наметившееся расслоение еще не выводило социальные группировки за пределы общины, судя по тому, что хоронили воинов на общем кладбище, в общесемейном кургане без отведения особого места для них.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

М.Ф. Косарев

Археологический материал, сам по себе, не несет, как правило, прямой социальной информации. Вдохнуть в него определенное историческое содержание зачастую можно лишь обратившись к этнографическим свидетельствам. Но методика археолого-этнографических сопоставлений на разработана и во многом спорна. Считается, например, что археолого-этнографические параллели правомерны лишь при сопоставимости уровня социальной организации, сходстве культурно-хозяйственных традиций и экологических уровней. Такой подход представляется нам несколько односторонним. Во-первых, без обращения к этнографии мы не имеем возможности судить, близки сопоставляемые социально-экономические уклады или не близки. Во-вторых, перечисленные условия не определяют всех возможных подходов к трактовке разных сторон археолого-этнографических сопоставлений. Возьмем, например, экологический аспект проблемы. Перенаселенность, на каком бы уровне социального развития и в какое бы время она ни возникла, всегда оставляла обществу два основных пути преодоления кризиса: а) переход на другой уровень экономики; б) миграция. Поэтому, исследуя последствия перенаселенности для какого-либо конкретного исторического периода, мы вправе искать подтверждающие факты в других исторических эпохах. Другими словами, археолого-этнографические сопоставления не должны сводиться к узкой задаче определения сходства или несходства конкретных материалов; не менее важно выявить факты и явления, характеризующие общие закономерности исторического развития.

В последние годы стало модным сомневаться в правомерности археолого-этнографических сопоставлений вообще - на том основании, что все современные неразвитые группы подверглись влиянию более передовых народов. В этом тезисе ясно видно игнорирование того безусловного факта, что всегда, на всех этапах исторического развития те или иные общества испытывали на себе влияние других, в том числе и более передовых. Путь исследовательского поиска в археологии как раз и заключается в выработке умения отличать местное от чуждого, главное от второстепенного, новое от

старого, традиционное от нетрадиционного. И все мы в своих работах так или иначе пытаемся это делать. Сложность и противоречивость исторического процесса должны не отвращать нас от поиска, а, напротив, стимулировать этот поиск. Преподносимое под маркой "трезвости" скептическое отношение к сравнительно-историческому методу, мне кажется, во многом диктуется стремлением обеспечить себе спокойную жизнь в науке, боязнь совершить ошибку. Думается, однако, что в науке искать и ошибаться правильнее, чем не искать и не ошибаться.

Вместе с тем нельзя не признать, что подчас имеет место слишком прямолинейное использование этнографических параллелей. Естественно, вызывает недоумение, когда древний предмет, напоминающий по облику деталь современного шаманского костюма, объявляется свидетельством шаманизма в бронзовом или даже в каменном веке. Не может не удивлять также безоговорочное обращение при реконструкции социальной жизни сибирского населения эпохи бронзы к данным по этнографии австралийских аборигенов, живших на стадии мезолита или даже верхнего палеолита и в совершенно других экологических условиях. Формальное проецирование этнографии на археологию дискредитирует метод археолого-этнографических сопоставлений и сравнительно-исторический метод в целом.

Обращаясь к этнографии при социально-экономической реконструкции древнего общества, мы обязаны, во-первых, учитывать определенную зависимость между условиями природной среды, характером хозяйства, уровнем общественного развития и особенностями идеологии; во-вторых, рассматривать эту зависимость с учетом и в свете эпохальных и общих закономерностей исторического развития. Это — основной путь внесения историзма в археологию.

Общепризнано, что наиболее важным источником для реконструкции древней идеологии являются особенности погребального ритуала, отражавшего самые характерные черты первобытных верований и не изменившегося в основных своих проявлениях от неолита до этнографической современности. Судя по этнографическим материалам, погребальный обряд хантов, манси, селькупов, кетов, ненцев, энцев, эвенков и других сибирских аборигенных народов, не вышедших до конца из состояния первобытности, преследовал две главные цели: 1) помочь покойному (вернее, его душе-тени) благополучно достичь Страны Мертвых; 2) не допустить возвращения умершего в Мир

Живых. У сибирских аборигенов все черты и проявления похоронного ритуала были подчинены этим двум основным целям (вынос покойного из жилища "его" дорогой - не через дверь, а в окно или специально проделанное в стене отверстие; ориентировка мертвеца в сторону местонахождения Страны Мертвых; снабжение умершего пищей, посудой, оружием и другим снаряжением, необходимым для благополучного путешествия к погойным сородичам; разнообразные ритуалы, имеющие целью преградить мертвецу дорогу, ведущую от кладбища к селению; обряд проводов души умершего в Нижний Мир и т.д.). Общесибирский, по существу, глобальный характер перечисленных ритуальных действий свидетельствует об их глубочайшей древности.

В этой связи мне представляется правомерным затронуть один археолого-этнографический сюжет, способный, на мой взгляд, пролить определенный свет на смысловое содержание некоторых специфических предметов погребального инвентаря, входящих в категорию культовых вещей. Я думаю, что эти вещи тоже были призваны помочь покойному (душе-тени) не заблудиться на дорогах, ведущих в Страну Мертвых. Не исключено, например, что в дошаманский период помещение в могилу специального ритуального сосуда (я имею в виду не всякий горшок, оставленный с покойным, а прежде всего, находящиеся в могилах эпохи бронзы великолепные андроновские и еловские горшки с богатейшей солярной орнаментацией и подчеркнутой зональностью декоративной схемы) имело ту же самую цель - направить покойника туда, где он должен был продолжать свою жизнь в соответствии с изменившимся статусом. Мне думается также, что семантика ритуального (в том числе и погребального) сосуда эпохи бронзы - андроновского, баланбашского и др., скорей всего, может быть расшифрована, исходя из семантики шаманского бубна: и тот, и другой - ритуальные предметы, причем, достаточно близкие по облику, так как в их форме наблюдается сходное сочетание круглой плоскости и сферы; и тот, и другой (шаманские бубны - безусловно, ритуальные сосуды бронзового века - предположительно) несут в своей орнаментации идеи, так или иначе связанные с представлениями о Вселенной; любопытно также, что в некоторых шаманских действиях вместо бубна использовался сосуд (например, у кетов: Ануцин, 1914).

Все это и ряд других данных позволяют предполагать генетическую связь ритуального сосуда и шаманского бубна, что дает ос-

нование допустить сходство их смыслового содержания. Известно, что так называемая "модель мира", изображаемая на шаманских бубнах, являлась своеобразной картой-компасом, которым шаман (вернее, его душа) руководствовался во время своих путешествий по разным мирам Вселенной. Кроме того, шаманский бубен ассоциировался с транспортным средством: у разных сибирских народов он представлялся то орлом, то лосем, то оленем, то конем (у южных групп), то лодкой-берестянкой и т.д. (Анисимов, 1959; Прокофьева, 1961).

Видимо, погребальный сосуд эпохи бронзы, как и более поздний шаманский бубен, мог быть не только символом Вселенной, но и ассоциироваться с транспортным средством, при помощи которого страшная душа-тень, вселяющая ужас в живых, отправлялась в Нижний Мир. Здесь уместно вспомнить, что у известной всем нам Бабы Яги, тоже имеющей отношение к темным силам, основным транспортным средством была ступа, которая в общем-то является разновидностью сосуда. Исчезновение в конце бронзового века специальной (ритуальной) погребальной посуды — во всяком случае, на юге Западной Сибири. — возможно свидетельствует о том, что на рубеже бронзового и железного веков ее ритуальные функции перешли к шаманскому бубну, знаменовавшему сложение шаманских верований.

Продолжая выбранное направление археолого-этнографических сопоставлений, хочется особо подчеркнуть не только возможность, но и необходимость обращения, в первую очередь, к атрибутам шаманства при исследовании семантики древних ритуальных предметов. В этом отношении интересны некоторые детали шаманского костюма. Так, у кетских шаманов бляшка из красной меди с семью кружочками и шестью радиальными лучами являлась схематическим планом Среднего Мира: семь кружочков на ней — это семь морей, шесть радиальных линий — это шесть основных дорог, которыми шаман пользовался в своих путешествиях по земле. Медная бляшка с четырьмя параллельными линиями точек изображала Млечный Путь — дорогу на небо. Бляшка с двумя концентрическими окружностями символизировала так называемое "нижнее солнце", которое было необходимо шаману для путешествия в Нижний Мир, где очень темно, нет ни солнца, ни огня, и поэтому легко заблудиться (Анучин, 1914). Думается, что это даст еще один из возможных путей толкования некоторых специфических погребальных украшений, в частности, плоских и полусферических бронзовых блях, а также различных спиралевидных

подвесок, часто встречаемых в инвентаре западносибирских могил, начиная с эпохи бронзы.

О СООТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.И. Матюшенко

При весьма существенных различиях археологии и этнографии, очевидно, большое сходство этих наук. Это сходство было замечено уже давно, что и нашло выражение в появлении в свое время термина "палеоэтнография" применительно к археологии как синонима археологии. Нередко и в наши дни археологи говорят об этнографических различиях групп населения, составляющих общность, выявленную по археологическим материалам.

В силу этого вполне понятно обращение археологов к этнографическим материалам для понимания исследуемых археологических комплексов. Опыт такого обращения в советской литературе достаточно богат, но, к сожалению, не обобщен. Данное соображение не претендует на такое обобщение, оно скорее преследует цель привлечь к этой проблеме внимание археологов и этнографов.

Проблема соотношения археологических и этнографических данных состоит, прежде всего, в природе гносеологических возможностей этих наук. Как известно, археологические исследования проходят две фазы: источниковедческую и интерпретационную. На первой фазе преобладает логическое, а на второй историческое. Аналогична процедура исследования и в этнографии. Это обстоятельство обнадуживает нас в поисках путей продуктивного соотношения археологических и этнографических данных.]

Однако мы должны учитывать тот бесспорный факт, что археология имеет дело с фрагментированными остатками материальной культуры прошлого, причем, чем далее от нас во времени отстоит изучаемое общество, тем фрагментарность эта усиливается. Кроме того, нам не всегда ясна конкретная живая картина временного соотношения изучаемых археологических комплексов. В силу этих обстоятельств типология и классификация археологического материала приобретает у археологов отчетливо выраженный логический, а не исторический характер.

В этнографических материалах многое иначе. Культура изучаемой общности людей предстает в достаточно полном виде (ее фраг-

ментарность или полнота зависит от того, насколько совершенна методика фиксации материалов). Комплексы культуры в этнографических материалах всегда надежно можно синхронизировать друг с другом.

Разумеется, что логическое на первой фазе изучения и здесь имеет главное значение, но в этнографии логическое и историческое значительно ближе, чем в археологии. Видимо, этим объясняется и то, что археологи охотнее привлекают в своих исследованиях данные этнографии, чем этнографы — данные археологии.

В сходстве исследовательской процедуры в археологии и в этнографии кроется наиболее продуктивный путь соотнесения археологических и этнографических данных. Нам представляется, что если картина соотношения типологических рядов источниковедческой фазы исследования археологических памятников обнаруживает большую близость с этнографическими типами, то мы можем говорить и о близости археологической и этнографической общностей, выявленных на фазе исторического исследования.

Разумеется, есть и ряд других позиций, по которым мы можем соотносить археологические и этнографические материалы, а именно: выявление функций предметов или больших комплексов из археологических раскопок при обращении к этнографии; раскрытие экономической роли отдельных комплексов хозяйственных занятий и др. Наиболее перспективным нам представляется сопоставление комплексов хозяйственно-культурных типов, которые выявлены археологически и этнографически. В этом случае в археологически изучаемом хозяйственно-культурном типе мы можем моделировать утраченные звенья комплекса. Конечно, это моделирование будет подчинено всем законам этой научной процедуры. Такое моделирование поможет нам резко сократить вариабельность исторической картины.

Очень сложен вопрос об этнической атрибуции археологической культуры. Вместе с тем нельзя преувеличивать эту проблему. Действительно, если ту или иную археологическую культуру невозможно связать с конкретным этносом, то это не значит, что наши исследования зайдут в тупик. Затруднения возникнут только в одном аспекте: изучение этногенетических проблем будет затруднено, но не более.

Эту проблему нельзя преувеличивать еще и потому, что само понятие археологической культуры нередко трактуется в литературе

на источниковедческом уровне, а этническая атрибуция археологической культуры — процесс исторической фазы исследования. Опыт выделения археологической культуры на историческом уровне исследования еще очень ограничен, однако это предполагает, что мы и имеем в археологии по крайней мере два варианта понятия археологической культуры, один источниковедческого уровня, следовательно, логическое, а другой — интерпретационного уровня, следовательно, историческое. До недавних пор такое различие понятия археологической культуры не проводилось.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Б.Богомолов, Н.А.Томилов

Проблема идентификации археологических материалов о культуре тех или иных конкретных этнических общностей давно привлекает внимание ученых, как археологов, так и этнографов. Различные подходы к данной проблематике нашли, в частности, свое отражение в материалах томского совещания 1972 г., посвященного вопросам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири, а также в некоторых работах последних лет (С.А.Арутюнов, А.М.Хазанов, М.И.Мошинская и др.). В использовании данных этих двух смежных наук при изучении истории отдельных культурных явлений или в целом проблем этногенетических процессов в Сибири достигнуты уже определенные результаты (работы С.И.Вайнштейна, В.П.Дьяконовой, С.В.Иванова, А.П.Складникова, В.Н.Чернецова и др.).

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в такого рода исследованиях чаще всего проявляется одностороннее обращение археологов к этнографическим материалам и этнографов — к данным археологии лишь для поисков параллелей. Недостаточное овладение теоретическими положениями и методикой смежной науки нередко, на наш взгляд, приводит специалистов двух этих профилей к ошибочным выводам или просто к поверхностным утверждениям. В целом фиксируется положение, при котором без взаимопроникновения теории и методики археологических и этнографических исследований дальнейшее разрешение проблемы этнической интерпретации археологических комплексов не представляется достаточно перспективным. В результате на современном уровне науки выявляется от-

носителю малый выход совокупности археологических и этнографических данных в область исторической информации и прежде всего в изучение истории этнических образований. В решении этой проблемы заинтересованными сторонами в одинаковой степени являются как археология, так и этнография.

В связи с этим нам представляется, что одна из главных задач при работе в этом направлении состоит в ликвидации своеобразного разрыва между этими двумя науками. [Следует подчеркнуть, что археологию и этнографию связывает прежде всего то, что культура в широком ее понимании является их общим объектом изучения. Отсюда и целый круг общих вопросов этих двух наук: изучение социально-экономического уровня развития населения, хозяйственно-культурных типов, явлений материальной и духовной культуры, хода исторических событий и т.д. При решении многих из этих вопросов археология и этнография пользуются, как правило, своими собственными научными методами, а нередко имеют и свой строго очерченный круг проблем, не связывающих эти две науки. Возможности "стыковки" археологических и этнографических данных определяются прежде всего предметной областью, связанной с этническими свойствами культуры. Исходя из этого, круг общих для данных наук вопросов включает, главным образом, изучение этногенетических процессов, истории и распада этнических общностей, этнических миграций и т.п.]

При совмещении археологической и этнографической информации выявляются трудности разного порядка. Часть из них связана с разной исторической стадийностью — комплекс культуры археологического характера и фиксируемой этнографами традиционнo-бытовой культуры нередко относятся к разным этапам социально-экономического развития, отражают разный уровень мировоззрения, относятся к разным типам этнических общностей и т.д. Другие трудности вызваны тем, что археологические комплексы характеризуют не всю культуру ее носителей, а лишь ее фрагментированные компоненты. Отсюда разные материалы, из которых изготовлены предметы, представлены в археологических и этнографических источниках неоднозначно. Наконец, следует отметить тормозящую роль лагуны как в археологии, так и в этнографии, скажем, нередкое отсутствие сплошной археологической исследованности территорий для разных хронологических периодов, слабая изученность поздних археологических памятников, неравномерность в этнографических

знаниях по отдельным явлениям культуры тех или иных этносов и т.д.

Известны три основных метода изучения этнических свойств археологических комплексов культуры: 1) совмещение их с территорией распространения каких-либо этнонимов, 2) отождествление их с топонимистическими ареалами, 3) установление связи этих комплексов путем сопоставления с историческими и этнографическими материалами, с теми или иными этническими образованиями (С.А.Арутюнов, А.М.Хазанов). Из этих трех методов для совмещения археологических и этнографических культурных комплексов может быть использован лишь последний ретроспективный метод.]

Нельзя, видимо, отбрасывать путь привлечения данных двух наших наук для изучения истории отдельных культурных явлений и выделения в них этнических свойств. Здесь речь можно вести о целенаправленном изучении видов орудий труда, поселений и жилищ, предметов быта, декоративно-прикладного искусства, погребального обряда и т.д. Иногда здесь может быть достигнут значительный эффект, но в том случае, если эта работа выполняется специалистом с достаточно высоким уровнем знаний и опыта работы как в археологии, так и в этнографии, или группой специалистов этих наук. При этом изучение отдельных явлений культуры по археологическим и этнографическим материалам должно проводиться в хронологической последовательности по отдельным этапам. Кроме того, такого рода работа может явиться, на наш взгляд, предварительным этапом в плане выделения этнографо-археологических комплексов традиционно-бытовой культуры.]

Основу названного комплекса составляют этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией. Первым этапом в выделении этнографо-археологического комплекса (ЭАК) может стать, на наш взгляд, работа с этнографическим материалом - выяснение исторически более ранних культурных явлений, отчленение более поздних напластований, достаточно четко фиксируемых разного рода источниками. Этим самым хронология выделенных культурных явлений, насколько это возможно, максимально приближается к датировке наиболее поздних археологических памятников или даже доводится до полного совмещения с ней. Одновременно с этим систематизируется археологический материал в определенных пространственно-временных рамках, т.е. выделяется и археологический комплекс культурных явлений

позднего периода. Следующим этапом работы является установление идентификации археологических предметов с такими же предметами этнографического комплекса, которая должна проводиться, на наш взгляд, с учетом исторических условий и культурных влияний, имевших место в тот период в данном регионе. Одновременно осуществляется анализ археологических сведений, косвенно указывающих на возможное распространение тех или иных видов изделий, не сохранившихся в археологических памятниках, но зафиксированных этнографическими материалами. Существующая взаимосвязанность и часто взаимообусловленность хозяйственно-культурных явлений, закономерности их сочетания позволяют, как нам представляется, включить в ЭАК и целый ряд культурных элементов из этнографических материалов, не зафиксированных археологическими данными (например, изделий из мягких материалов, даже, видимо, мировоззренческих представлений и т.д.).

Выделенный таким путем ЭАК может быть исследован, насколько позволяют материалы, в плане выявления более ранних его этапов. Такая работа может проводиться, видимо, до исчезновения основного состава признаков данного комплекса на исследуемой территории и в соседних регионах в каком-то более раннем периоде. На всех этапах выделения ЭАК и изучения его истории должна быть значительной роль не только археологов, но и этнографов. Важность участия последних в этой работе определяется тем, что предметную область этнографии составляют как раз этнические свойства, а также тем, что этнограф часто является непосредственным свидетелем трансформации культуры и может глубоко проникнуть в причины и закономерности этих изменений. Выделение целого ряда такого рода ЭАК хотя и требует огромной работы, в будущем, несомненно, может продвинуть решение задачи идентификации археологических материалов с культурой конкретных этнических общностей значительно вперед.]

Для практического осуществления такого вида работы требуется, на наш взгляд, создание специальных групп археологов и этнографов, тесное сотрудничество которых должно начинаться с организации совместных археолого-этнографических полевых исследований. Представляется необходимой предварительная работа по унификации части терминологии двух наук, по поискам путей совмещения археологических и этнографических методов и, возможно, разработке каких-то новых методов, отвечающих поставленным задачам.]

ОРНАМЕНТ В ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
КОМПЛЕКСЕ БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В.Б.Богомолов, В.И.Соболев

Основу этнографо-археологического комплекса (ЭАК) барабинских татар составляют археологические материалы, полученные при раскопках средневековых памятников Барабинской степи (городища: Вознесенское, Чинялихинское, Абрамовское; поселения: Преображенка-IV, Туруновка-IV; могильники: Кыштовка-II, Ложка-I, Туруновка-II и др.). Наиболее точно датированным среди этих памятников является Вознесенское городище (XIV-середина XV вв. н.э.). Анализ состава находок и письменных источников позволил установить, что это городище принадлежало барабинским татарам. По аналогии с Воскресенским городищем был решен вопрос по датировке и этнической привязке других памятников.

Основной материал с археологических памятников барабинцев представлен керамикой, значительная часть которой орнаментирована. Поэтому ее изучение приобретает первостепенное значение и делает в целом орнамент и всю область материальной и духовной культуры, с ним связанную, важным составным элементом ЭАК.

Общий подход к археологическим и этнографическим источникам способствовал выработке единых критериев анализа орнаментального материала. В основу классификации орнамента положены бытовые комплексы (БК), выделение которых является первым этапом исследования. БК представляет собой устойчивое сочетание определенного вида предмета, материала, технических приемов нанесения орнамента, композиционного построения, мотивов и т.д. БК включены в более крупную систему типов орнамента (ТО), составляющих ЭАК. Методика выявления ЭАК орнамента, подчиняясь общей методике выделения таких комплексов (взаимопроникновение теории и методики археологии и этнографии), имеет свои особенности, обусловленные спецификой орнаментоведческих исследований.

В целом керамика может рассматриваться как единый БК, в отличие от этнографических источников, где присутствует множество БК, связанных с разнообразными материалами и видами изделий. Это предопределяет выделение более дробных БК и ТО керамики. Если в БК ведущее значение придается форме, пропорциям и размерам сосудов и на выявленную типологию накладываются остальные характеристики, то в ТО главное внимание уделяется орнаменту, выявлению

родственных по происхождению мотивов и композиций на фоне развития их среды.

На основании источниковедческого анализа средневековой керамики барабинцев удалось выделить четыре БК. БК I представлен остродонными (яйцевидными) сосудами, где шейка почти не выражена. Сосуды этого БК, как правило, орнаментированы полностью. Наиболее характерный орнамент керамики — полукруглые, треугольные и аморфные вдавления. БК I является преобладающим. БК II состоит из круглодонных, хорошо профилированных сосудов с четко или слабо выраженной шейкой. Орнамент покрывает верхнюю половину сосудов. Основу композиционного построения составляют косые и ромбовидные насечки, ямочные и аморфные вдавления и т.д. БК III включает плоскодонные сосуды горшковидной и баночной формы. Они бедно орнаментированы (ямочные вдавления по шейке сосудов). БК IV объединяет чашевидные сосуды, орнаментированные по плечикам "елочкой", прямоугольными вдавлениями. БК III и БК IV встречаются редко.

Статистическое обследование позволило выяснить удельный вес и пропорции соотношения отдельных элементов орнамента и их сочетаний, принципы композиционного построения и т.д. На основе этих данных с привлечением итогов изучения БК удалось выделить в средневековой керамике барабинцев три ТО. ТО I представлен несколькими группами родственных по происхождению узоров (аморфные, каплевидные, ямочные, полукруглые, треугольные вдавления). Для композиции ТО I характерно стремление к хаотичности. К ТО II относятся ряд косых насечек, "елочка", крестообразные и ромбовидные бордюры. Им свойственна горизонтальная зональность. Часть мотивов занимает промежуточное положение между ТО I и ТО II, которые являются преобладающими типами орнамента на средневековой керамике барабинцев. ТО III соответственно представляется сопутствующим типом. Он включает разнородные группы орнамента (гребенчатые штампы, ногтевидные вдавления, волнистые штампы и т.д.). Некоторые из них, видимо, представляют собой архаические, разновременные элементы, сохранившиеся в составе орнамента барабинцев.

Ранее отмечалось, что появление в XIV—XV вв. преобладающих типов круглодонной и особенно остродонной керамики, переход к архаизации в изготовлении и орнаментации являются труднообъяснимым процессом. Теперь на основании исследования керамики, выяснения внутренних закономерностей ее развития можно наметить те факторы,

которые обусловили эти явления. Возникновение новых форм сосудов и орнамента, являясь логическим продолжением развития более ранних свойств керамики, прежде всего отражает оформление этнической общности барабинцев. Некоторая аморфность, хаотичность признаков, поиски устойчивых форм свидетельствуют о незавершенности этого процесса, архаизация же определена общим ходом развития керамики этого периода, который характеризуется затуханием керамической традиции вообще. Исчезновение керамики обусловлено рядом причин. Главной из них, видимо, следует считать широкое распространение металлической посуды.

Приведенный анализ не только позволил выяснить закономерные устойчивые признаки орнамента, но и выяснить общие и особенные черты в орнаменте отдельных памятников Барабинской степи. Картографирование этих особенностей выявляет локальные группы, которые могут быть соотнесены с конкретными этническими образованиями, известными нам по письменным и этнографическим источникам.

Орнамент барабинских татар XIX - начала XX вв. представляет сложную картину переплетения различных стилей и направлений, отличается богатством форм, связан со значительным числом бытовых предметов и материалов. Изучение этнографических источников по той же методике, что и археологических, сделало возможным выделение в орнаменте барабинцев несколько десятков БК, которые укладываются в десять ТО. Те, в свою очередь, сгруппированы в 3 комплекса, каждый из которых несет информацию о различных периодах этнической истории барабинских татар.

III комплекс (сопутствующий) объединяет три ТО, состоящие из геометрических и растительных узоров, выполненных вышивкой на тканях, гравировкой на металле и пропиленной резьбой на архитектурных элементах жилища. Появление этих ТО в орнаменте барабинцев относится к XIX - началу XX вв. и прочно увязывается с влиянием орнамента поволжско-приуральских татар и русских.

Два других комплекса (преобладающие): I (архаический) и II (тюркский) - существовали синхронно с ТО на керамике XIV-XVII в. Формирование этих комплексов проходило как в эту, так и в более раннюю эпоху. Основой I комплекса (состоит из двух типов) являются БК и ТО, связанные с посудой из глины и бересты, которые в прошлом вместе с ТО и БК керамики составляли одну систему. Так, ямочные и треугольные вдавления вместе с хаотичностью композиции на керамике XIX в. непосредственно восходят к ТО I керамики. Грав-

бенчатые и ногтевидные штампы на бересте (вторичные по происхождению) были впервые разработаны на глине. Они аналогичны ТО Ш керамике. В свою очередь ТО II на средневековой посуде возник под влиянием вышивки конским волосом на бересте и т.д. II комплекс (состоит из 5 типов) объединяет БК и ТО, включающие значительное количество геометрических мотивов, выполненных шпильной мозаикой, аппликацией, вышивкой на тканях, вваливанием на войлоке, ткачеством на безворсовых шерстяных коврах. Для хронологической привязки II комплекса, связанного с мягкими материалами, археологические источники представляют лишь косвенные свидетельства. Данные письменных источников ХУП-ХУШ вв. значительно усиливают отдельные выводы. Кроме того, важное значение имеют находки, сделанные на соседних территориях, которые сходны, а иногда и идентичны барабинским изделиям. И наконец, широкое распространение данных БК и ТО на огромной территории (анalogии включают как категории предметов, технических приемов и т.д., так и национальную терминологию) не только у других групп сибирских татар, но и у значительного числа тюркоязычных народов Сибири, Восточной Европы и Средней Азии свидетельствует о древности этих явлений.

Таким образом, благодаря комплексному исследованию орнамента барабинских татар на основе единой методики, удалось выделить ЭАК орнамента. Этим самым проделана лишь подготовительная работа. Дальнейшее изучение ЭАК орнамента, направленное на выяснение более ранних его этапов, поможет выяснить многие аспекты этнической идентификации предшествующих археологических памятников и, в конечном счете, прояснит многие моменты этногенеза и этнической истории барабинских татар. Однако исследование лишь одной составной части ЭАК, даже столь важной, как орнамент, явно недостаточно. Окончательные выводы могут быть получены при завершении изучения других разделов ЭАК и многократного наложения итоговой информации друг на друга с привлечением данных других наук.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.А.Васильев

II. Современная тенденция к интеграции общественных наук настоятельно диктует необходимость комплексных археолого-этнографических исследований с целью реконструкции первобытной истории. До-

клад представляет собой попытку определить некоторые типы таких исследований, их задачи и перспективы на будущее.]

2. Без определения взаимоотношения археологии и этнографии на теоретическом уровне невозможно определить, какие исследования и как проводить. Неудача прямого сопоставления выхваченных из контекста археологических и этнографических явлений привел к распространившемуся у ряда археологов скептицизму относительно плодотворности привлечения этнографических данных для реконструкции первобытности (С.Пиготт, А.Леруа-Гуран). Частично подобный скептицизм отражается и в работах "новых археологов" (Л. и С.Бинфорды, Л.Фримен), хотя последние и считают этнографические данные возможным дополнительным средством проверки гипотез. Наиболее плодотворным является подход Чжан Гуан-чжи, выделившего четыре основных аспекта взаимодействия двух наук. [В области типологии этнография призвана дать археологу ответ на вопрос о реальности выделяемых типов артефактов, их соотношении с поведением и сознанием древнего человека. В области аналогий этнография дает основу для археологической реконструкции.] (Р.Эшер и Чжан Гуан-чжи выделяют прямую и общую сравнительную аналогии). [Дискуссионным остается вопрос о подборе аналогий (экологические, экономические и др. ограничения). В области реконструкции социо-культурных систем этнография должна разрешить вопрос о степени сохранности остатков культуры, ее взаимоотношении со средой. В области процесса и сравнительного метода этнографы могут выделить различные элементы культуры и типы процессов взаимодействия культур. По каждому из разделов открываются перспективы комплексных разработок. Могут быть выделены три типа таких исследований.]

3. Первый тип - преимущественно полевые работы, проводимые самими археологами на этнографическом материале. Исследователи стремятся взглянуть глазами археолога на живую культуру общества и проверить достоверность археологических реконструкций (на западе направление получило название "срочная археология" и "этно-археология"). Существующие разработки (М.Клайндинст, П.Уотсон, Р.Гулд, Р.Эшер и др.) затрагивают самые различные аспекты культуры. [Особым видом первого типа исследований являются работы, проводимые этнографами специально для нужд археологии (Д.Уайт-Д.Томас, К.Хейдер, Б.Уильямс и др.), когда сам этнограф становится на позицию археолога.] Признавая открытие иногда неожиданных и интересных деталей, не следует упускать из вида и узость, огра-

ниченность подобного подхода. [Во всех случаях остается не выясненным и вопрос о границах применимости полученных данных.]

4. [Второй тип - обобщающие этнографические исследования с выводами, ценными и для археолога.] Наиболее яркими здесь являются работы по охотничье-собирательским обществам (Р.Ли, И. де Вор, Д.Бердселл и др.). Положения о ведущей во многих случаях роли собирательства (обычно неуловимого по археологическим данным), сезонных миграциях, социальной структуре и демографии народов этой ступени вносят существенные коррективы в обычные представления археолога.

5. [Наиболее важными представляются проблемно ориентированные комплексные исследования, проводимые совместно учеными двух специальностей.] Одной из тем подобных работ может служить круг вопросов, связанных с выделением и интерпретацией локальных групп культур верхнего палеолита - мезолита на основе изучения каменных орудий. Для работ 50-60-х гг. было характерно некорректное отождествление культуры и этноса (племени), культуры и хозяйственно-культурного типа или историко-этнографической области. Данные по охотничье-собирательским народам (аморфность племени, этноязыковая непрерывность и др.) указывают на то, что в основе локальных культур лежат диффузные культурные общности, распространявшиеся путем заимствований и миграций на значительные территории (Ф.Смит). [Задачей комплексных исследований является выделение стереотипов распространения культуры в охотничье-собирательских обществах и сопоставление их с археологическими культурами.]

6. [Необходимость комплексных коллективных исследований вступает в противоречие с организацией научной работы разобщенных ученых-одиночек, что препятствует прогрессу в этой области.]

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ЭТНОГРАФИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Г.Н.Грачева, Л.П.Хлобыстин

Задачей археологической науки, кроме накопления и систематизации фактического материала, является его историческая интерпретация. Особенно успешно такая интерпретация осуществляется при

использовании данных смежных дисциплин, в частности, этнографии, с которой археология совместно изучает историю первобытного общества.

Основным приемом этноархеологических исследований считается историко-сопоставительный метод. Не все феномены, наблюдаемые археологами, могут напрямую сопоставляться с материалами этнографии. Требуется критическое осмысление возможностей сопоставления, установление ограничений, выработка особого понятийного аппарата, последовательности в процедуре исследования, т.е. создание более разработанной методики. В это дело уже внесли ценный вклад труды А.П.Окладникова, В.Н.Чернецова, С.А.Арутюнова, М.Ф.Косарева, В.М.Массона и других ученых, а также работа конференций по этногенезу народов Сибири и методологических семинаров Института археологии АН СССР. Однако до сих пор методику археолого-этнографических сопоставлений приходится считать слабо разработанной. Цель доклада — обратить внимание на необходимость дальнейшей разработки этой методики, а также наметить некоторые пути в этом направлении.

Археологи прибегают к помощи этнографии для моделирования образа хозяйственной деятельности древних коллективов, для реконструкции семейных и общественных отношений, для установления возможной этнической принадлежности вещей, орнаментов, археологических культур и культурных общностей в целом, для реконструкции духовной культуры древних коллективов и, реже, для определения способа использования древних изделий и сооружений. По нашему мнению, во всех случаях для аналогий надо использовать материалы культуры народов: а) обитающих в природных условиях, близких экологической обстановке древнего коллектива, б) находящихся на одинаковом или близком уровне развития производительных сил, в) имеющих возможное происхождение от изучаемого или близкого ему древнего сообщества. Особое внимание следует обращать на традиционные, архаичные черты культуры народа, с которым производится сопоставление. Устанавливая образ жизни и общественный строй древнего коллектива, надо всегда помнить, что ни один современный этнос не даст абсолютного тождества и не повторит в целом черты, присущие изучаемому, и поэтому получаемая реконструкция всегда будет являться приближенной моделью.

Моделирование хозяйственной деятельности основывается на сопоставлении экологической среды, объектов промысла, видов куль-

тивируемых растений и животных, орудий труда, промысловых сооружений, хозяйственных построек, средств передвижения по их функциональной значимости, на оценке характера поселений и погребений как показателей оседлости. В результате мы получим хозяйственный тип, что ближе всего к выделяемому этнографами хозяйственно-культурному типу.]

Поскольку хозяйственная деятельность обуславливает общественные отношения, то реконструкция последних производится после установления специфики хозяйственной деятельности и с учетом ее данных. Для такой реконструкции привлекаются сопоставления по жилищам и поселениям, по погребениям. Эти по возможности полные данные необходимо анализировать совместно.] Они, как показывают этнографические материалы, могут дать несколько моделей, которые должны рассматриваться в исследовании как возможные варианты. Сопоставление с этнографическими материалами всегда необходимо, но с учетом того, что не решен проблемный вопрос о возможности существования в древности общественных отношений или социальных организмов, которые по этнографическим данным не прослеживаются.

Одна из основных задач археологии — установление генезиса народов — является одновременно и одной из самых сложных. Многие археологи, используя наряду со своими материалами данные этнографии, лингвистики, антропологии, предпринимали попытки связать археологические культуры и культурные общности с определенными народами или крупными этническими общностями (О.Н.Бадер, А.П.Окладников, В.Н.Чернецов, Н.Н.Диков, М.Ф.Косарев, В.А.Могильников и др.). У некоторых исследователей возможность связывать археологическую культуру (АК) с этносом (Э) вызывает возражение. Действительно, если понятие Э хорошо разработано, то понятие АК нуждается в дальнейших уточнениях. Нет установленных критериев различия между АК, ее локальным вариантом, этапом, культурной общностью, культурно-хозяйственной общностью. Ряд археологов справедливо указывали на необходимость при выделении АК особое внимание уделять признакам, функционально не обусловленным: керамике, погребальному обряду, украшениям, которым они придавали этническое значение. И для АК и для Э характерны внутренние устойчивые связи. Примечательно, что культуры, выделенные по погребениям, обычно связаны с особыми антропологическими показателями. Это позволяет предполагать, что АК создавались объединениями, внутри которых существовали устойчивые связи, в конечном итоге, приво-

дившие к созданию социального организма, подобного Э, — этноида (Эд). Понятие этноид лучше применять к носителям АК, поскольку он отличается от этноса тем, что в нем еще могло не существовать единого этнического самосознания и в него могли входить группы, различия которых не фиксируются археологическими находками. Относительно "гибридных" культур, образовавшихся в результате слияния нескольких АК, можно четко сказать, что их носителем являлся Эд, в отличие от устойчивых АК, в которых можно предполагать уже сложившийся Э. Создание гибридной культуры приводит к большому количеству возможных сочетаний из показателей антропологии, культуры, языков и самосознания. При слиянии двух АК, соответствующих Э, теоретически возможно 36 таких сочетаний, большинство из которых при рассмотрении может быть отброшено. Так как в гибридной культуре прослеживается слияние компонентов, имеющих разное происхождение, должны быть исследованы все линии их генетических связей. При этом прослеживаются преемственность, традиции, инновации эндогенного и экзогенного происхождения, сохранение ведущих традиционных черт в сменяющих друг друга культурах, их развитие, изменения, исчезновение и переходы, в конечном итоге, развитие элементов культуры, присущих современному этносу. Такое исследование может быть ретроспективным и перспективным. В тех случаях, когда наследуется комплекс черт, характерных для предшествующей культуры, можно предполагать этническую преемственность. Такой комплекс может со временем частично изменяться. Иногда одна, исключительно характерная, черта может служить свидетельством включения в современный этнос потомков древнего этноидного субстрата. Установлению генетической связи между группой современных родственных народностей с этноидами древней культурной общности (этнокультурным ареалом по В.Н.Чернецову) способствует наложение ареалов распространения элементов культуры по данным этнографии, ареалов топонимики, лингвистических и палеоантропологических данных, фольклорных сюжетов, археологических культур.

Необходимо признать, что в настоящее время таких данных далеко не достаточно. Поэтому требуется создание историко-этнографических атласов и атласов распространения типов орнамента, украшений, погребений, выявляемых по археологическим данным. Особо следует обратить внимание на изучение археологических памятников XIII—XV вв. Нуждаются в большей разработанности региональные

одизация археологических культур, а также методика археолого-этнографических сопоставлений. Все это, несомненно, будет способствовать плодотворному решению проблем этногенеза и этнической истории народов Сибири.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Л.С.Клейн

Этнография мало зависит от археологии, археология же очень нуждается в этнографии, а история бесписьменных народов рождается от соединения обеих.

Широко сопоставлять археологические данные с этнографическими для построения предистории стали эволюционисты в 60 - 70-х гг. XIX в. Придерживаясь веры в абсолютность универсальных законов и игнорируя местные и этнические различия, они произвольно свизивали похожие явления из обеих сфер, надергивая "примеры" откуда угодно, лишь бы соблюдалась синстадиальность. Но так как стадиальные рубежи нарушаются пережитками и определить "стадиальную глубину" каждого пережитка затруднительно, то синстадиальность устанавливалась на основе общих соображений, с изрядным субъективизмом. Любые сходства шли за синстадиальными.

Критика эволюционизма со стороны диффузионистов, функционалистов и других школ побуждала налагать все новые и новые ограничения на привлечение этнографических данных к объяснению археологических материалов. К середине XX в. это породило скептицизм и даже привело к полному отрицанию возможности реконструировать прошлое с помощью таких сопоставлений (Смит, 1955; Зенкфельд, 1962; Леруа-Гуран, 1964). Ныне это неверие преодолевается. Главными возражениями скептиков были:

1) отказ считать современные отсталые народности (оттесненные, изолированные, иной раз регрессировавшие и, стало быть, аномальные) прямыми представителями и эквивалентами человеческих групп тех времен, когда доклассовые общества безраздельно господствовали (Фримэн, 1968);

2) отсутствие сейчас сохранившегося населения с техникой палеолита;

3) бездоказательность логического механизма аналогии (Томпсон, 1956; Бинфорд, 1967);

4) нерегулярность культуры (Хейдер, 1967).

Именно дифференциация сопоставлений, порожденная ограничениями, помогает справиться с этими трудностями. Виды ограничений:

1. Ограничения, которые определяются характером искоемых связей, т.е. исходят из различия причин, предполагаемых в основе сходства: для гомологии - родство или контакт, для аналогии ("параллели") - конвергенция или общность законов (Уилли, 1953; Эшер, 1961; Цигерт, 1964 и др.). В совокупности эти лимиты формируют дифференциацию (Клейн, 1973) по источнику подбора сопоставлений (круг родственных народов, или же соседних, или из схожей природной среды, или близких по уровню развития).

2. Ограничения, касающиеся характера, смысла и полноты формальных сходств. Эти лимиты содержательно дифференцируют сопоставления по глубине и значительности (так, сходства предметов одного функционального назначения весомее, чем разнофункциональных).

3. Ограничения, которые привязаны к видам сопоставляемых объектов и учитывают различную коррелированность их компонентов в разных сферах культуры. Эти лимиты вводят содержательную дифференциацию сопоставлений по степени вероятности: скажем, технологические совпадения считаются более детерминированными и предсказуемыми, чем социальных структур, а те - чем явлений духовной жизни (Хокс, 1954).

4. Ограничения, которые затрагивают логический механизм сопоставлений и определяют условия доказательности. Эти лимиты формально дифференцируют сопоставления по степени строгости: парадигма (перенос признака) различной полноты, аналогия соответствия (перенос отношений), модель (совпадение структур, гомоморфное или - строже - изоморфное); вдобавок есть возможность верификации гипотетических компонентов.

Опять же это по-разному осуществляется в разных ситуациях, при разных задачах. При определении гомологии (контактов, общности происхождения, родства) важно установить сложную индивидуальность случайно сложившейся конфигурации, неповторимой без передачи (Гребнер, 1911). При поисках же независимого проявления одинаковых законов ("параллель") важно, наоборот, установить неслучайность совпадений, обеспечить снятие специфичности, уникальности, открепление от конкретности, выжимку инвариантной сути, обобщение (Кабо, 1979). Здесь чем шире и разнообразнее база обобщен-

ных материалов, тем правомочнее приобщение новых материалов, перенос обобщения (Григорьев, 1972).

Иными словами, из этнографии берутся не отдельные факты, сходные с археологически зафиксированными, а тип, система, теоретический концепт — результат обобщения и объяснения весьма разнообразных проявлений одной закономерности или одной структуры в разных условиях. Археологическое проявление должно вписываться в эту систему проявлений, но может и не совпадать близко ни с одним из них (Кабо, 1979).

Здесь-то и кроется ключ к реконструкции тех структур прошлого, которым нет прямых подобий в современности. Вычленение отдельных компонентов и ситуаций позволяет распространить эту методику и на реконструкцию обществ и культур палеолита. К тому же не все изоляты аномальны (Диц, 1968).

Пусть исчезнувшие культуры первобытных предков нынешнего цивилизованного человечества не во всем походили на современные культуры отсталых народностей, а неизбежная археологическая трансформация (при отложении) еще больше затрудняет увязку с живыми, все же она возможна. Сама возможность и способы этой увязки определяются прежде всего исторической типологизацией социокультурных систем, их объединением по синстадиальности, их распределением по уровням развития. Иными словами, возможность археолого-этнографических параллелей зависит от реализации, так сказать, этнографо-этнографических (т.е. внутри-этнографических) параллелей. Проблема сопоставлений, таким образом, есть не только междисциплинарная, но — в ином аспекте — и собственно этнографическая.

Вместе с тем и археолог не вправе видевать к сопоставлению отдельный конкретный фрагмент материала. Сначала нужно включить его в археологическую систему, объединить с сопряженными, обобщить, возвести в типическое, выявить все потенции увязки последнего (так сказать, определить валентность) и лишь затем результат сопоставлять с этнографическими данными (Томпсон, 1965).

О МЕТОДИКЕ СБОРА ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ
ПО РЕЛИГИОЗНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

В.М.Кулемзин

С качественным ростом этнографических знаний и с количественным накоплением материала совершенствуется и оттачивается методика полевых исследований. На всем протяжении существования этнографической науки она постоянно проверяется практикой целого ряда поколений этнографов. В последние годы как в отечественной, так и в зарубежной науке уделяется особенное внимание представлению того или иного народа о мире в целом, созданию общей схемы понимания картины мира первобытным человеком. Это стало возможным только благодаря громадному количеству этнографического материала, поступившему в арсенал науки из различных регионов земного шара. Создание такой схемы на основе привлечения и других отраслей науки (философии, психологии, лингвистики) дает возможность современному исследователю-этнографу избежать тех ошибок при сборе материалов, которые иногда допускались исследователями прошлых поколений. Приведем лишь небольшую часть показательных примеров. Найденные в целостности скелеты некоторых видов животных еще в недавнем прошлом были достаточным основанием считать, что они добывались только ради шкуры. Представление о возможном возрождении животных, но при условии наличия первоначального творческого элемента (костей) в настоящее время изменили наши взгляды. Таким образом, животные могли добываться и ради мяса, поскольку являлись объектами промысла и тем самым средством существования. Подобных обычаев не изменили и представления о жизненных силах, поскольку жизненная сила животных считалась умерщвленной вследствие расчленения костяка.

Широко известен обычай обских угров изготовлять куклу умершего. Исследователи прошлого века, описывая данный обычай, отмечали, что "кукла изготавливается сразу после смерти", упуская из виду, что момент смерти в понимании угров не совпадает с "нашим" пониманием. Как известно, смерть с точки зрения сибирских народов наступает только тогда, когда ушедшая душа не может вернуться в тело (в разных местах это время различно), а не тогда, когда прекращается сердцебиение.

В последнее время стало очевидным, что нельзя дать общую теорию, объясняющую ориентацию погребений (по крайней мере, по об-

ским уграм). В каждой группе, в каждом конкретном случае руководствовались самыми разными представлениями и соображениями, истоки которых находятся в неодинаковых мировоззренческих пластах, отдаленных друг от друга многими столетиями, если не тысячелетиями.

Знание необходимых основ особенностей первобытного мышления облегчает понимание вопросов, связанных с соотношением материального и идеального, части и целого, формы и содержания, пространства и времени и т.д.

Следует, однако, учитывать, что абсолютно во всех деталях нет единой картины мира, присущей для всех первобытных народов. Иногда она имеет довольно существенные различия. В таком случае исследователь на основе материалов создает ее сам. Вследствие этого образуется как бы порочный круг, в котором общие принципы миропонимания зависят от конкретных материалов, а трактование этих материалов зависит от знания общего мировоззрения. Основываясь на собственном опыте и опыте других исследователей, следует сказать, что в этом случае каждый "по-своему" находит выход из этого круга и что вряд ли здесь может быть выработана единая методика. Однако не может подлежать сомнению тот факт, что без знания основных особенностей первобытного мышления собранные материалы могут быть либо неправильно поняты и истолкованы, либо они могут быть истолкованы для подтверждения практически любой выдвинутой точки зрения. Учитывая то, что процесс мышления у пожилых лиц коренного населения не является столь свободным творческим актом, как у современных высокоразвитых народов, следует выделять те или иные стороны культуры в конкретной ситуации: правила изготовления, например, долбленной лодки во время работы над ней, с верованиях лучше вести речь при отправлении религиозных культов и т.д. Следует иметь в виду, что многие действия, предметы окружающего мира, с точки зрения информанта, находятся в субъективной связи, поэтому не следует вырывать отдельные части из общего контекста рассуждений с целью заострить внимание рассказчика на той или иной детали. Конкретность мышления, его тесная связь с практической деятельностью часто не позволяют получить однозначный ответ. Например, на вопрос о количестве водных духов. В таком случае исследователь должен "создать" конкретную ситуацию искусственно: Когончин ловит рыбу в озере около поселка, Могутаев на реке Васкхан, а Синарбин рыбачит на Оби. Всем им

помогает один дух или в каждом месте, где ловят рыбу, есть свой водный дух? Все задаваемые вопросы должны быть максимально упрощены. Так, если речь идет о выяснении представлений о сверхъестественных существах, то в вопросах не должны фигурировать такие понятия, как "материальное", "духовное", "ощутимое" и т.д. Информант должен ответить на такие вопросы, как: нуждается ли дух в пище, жилище; бывает ли ему холодно, тепло; много ли ему надо места около костра; сколько ему надо пищи; если душа невидима, то может ли она "сделать" шум, и т.д. Если информанты говорят о запретах, не объясняя их, то причины запретов выясняются при помощи наводящих вопросов: что будет, если в костер бросить грязные дрова; что будет, если свою тень ударить палкой; если не принести подарок лесному хозяину; если перестать кормить домашнего духа и т.д. Часто информанты рассказывают о событиях, свидетелями которых они якобы были сами: о виденных ими привидениях, духах, бродячих покойниках или их душах и т.д. Не следует неверие выражать внешне: только таким путем можно выяснить наиболее полно представления об этих существах, так как художественные возможности информантов гораздо беднее, чем скрытые, потенциальные. Большое значение при работе в поле имеет наблюдательность, которая является обязанностью каждого исследователя. Ведь трудно что-нибудь выяснить во время осуществления погребального обряда. Значение большинства деталей выясняется спустя некоторое время, почему этнограф должен хранить в памяти последовательность всех действий. Наконец, еще до въезда в поле этнографу полезно ознакомиться с обычаями, нравами, нормами этикета "своего" народа.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАРАЛЛЕЛЕЙ МЕЖДУ ИСТОЧНИКАМИ
РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ ПРИ ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА
(на примере народов бассейна Енисея)

Р.В.Николаев

В последние десятилетия традиционным стало при постановке проблем этногенеза народов Северной Азии широко использовать археолого-этнографические параллели. Это и понятно, т.к. письменные источники по этому региону ограничены либо отсутствуют вообще.

При этом проводятся часто примитивные генеалогические линии от

отдаленнейших эпох до наших дней: глазковцы - эвенки; карасукцы - кеты и даже - сумнагинцы - эскимосы!

Однако следует учитывать, что любое этническое образование наших дней есть продукт длительных взаимодействий и синтеза. Примером могут служить современные тюркоязычные народы юга Сибири, сформировавшиеся минимум из 3 компонентов: тюркского, кетоязычного и самодийскоязычного.

Неправомерно также приписывать носителям древних культур одноэтничность: например - афанасьевцы - уральцы; андроновцы и тагарцы - индоевропейцы и т.д.

Выявленные в процессе археологических и палеоантропологических исследований локальные варианты тагарской культуры и различия антропологических типов тагарцев уже могут явиться показателем разнотетничности, то же - и в отношении носителей андроновской культуры.

С другой стороны, следует сказать, что культуры древних этносов оказали значительное воздействие на культуры этносов более поздних как путем диффузионного распространения, так и путем прямого вхождения частей этносов древних в состав этносов более поздних. Так, не исключено, что карасукский субстрат вошел в состав, с одной стороны, протосамодийцев (у которых, пожалуй, карасукские черты в материальной культуре выражены всего сильнее), с другой - предков хакасов (может быть, через тех же протосамодийцев).

Но в этногенезе северных самодийцев и многих других этносов циркумполярной зоны участвовали и иные компоненты, в частности, общность, известная в литературе под названием протокакиров (разумеется, так можно назвать ее в известной степени условно). Отсюда, например, значительное сходство в деталях верхней одежды энцев и иганасан, с одной стороны, и эскимосов, - с другой.

Следует отметить, что весьма рискованным бывает часто приращивания карты позднего расселения большой этнической общности на карту распространения древней археологической культуры или карты распространения археологической культуры - на топонимическую. Совпадение карт еще не всегда свидетельствует об этнической преемственности, ибо расселение этносов в древности было иным, чем в более позднее время, этносы перемещались, ассимилировались и т.д.

В заключение следует сказать, что наиболее точных результатов при определении компонентов, принявших участие в формировании поздних этносов, мы достигаем лишь при использовании комплексных данных, когда устанавливаются четкие параллели между источниками этнографическими (при этом, на наш взгляд, здесь играют основную роль показатели, не связанные или опосредствованно связанные с экологическими зонами, такие, как прикладное искусство, обычаи и обряды, религиозные представления, т.е. наиболее консервативные элементы традиционной культуры), археологическими, фольклорными, антропологическими, топонимическими, лингвистическими, а там, где это возможно, - и письменными. Только при совместном использовании всех этих источников результат может быть достаточно эффективным.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДИК В АНАЛИЗЕ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Н.Н.Чеснокова

В археологической литературе предложен ряд систем обработки керамики с целью увеличения информативности этого важнейшего источника. Большинство этих систем укладывается в рамки формально-типологического метода.

Практика обработки керамики выявляет как перспективы развития этого метода в данной области, так и присущую ему ограниченность.

Изучая керамику ванвиздинской культуры, автор использовал программу, предложенную В.Ф.Генингом. Достоинством данной программы является возможность получения с ее помощью массива сопоставимых данных о практически всех характеристиках каждого сосуда. Взятая за основу, эта программа была модифицирована с учетом особенностей обрабатываемого материала.

В частности, после применения статистических приемов значительно расширяется, если подобрать такие формулы оценки формы посуды, в которых фигурируют вертикальные параметры сосудов (у В.Ф.Генинга и вертикальные и горизонтальные). Тогда могут быть закодированы указатели формы не только полностью реконструируемых сосудов, но и отдельных фрагментов. Такие формулы известны в сферической геометрии. Данные измерения всех параметров и расчета указателей, по В.Ф.Генингу, группируются по интервалам.

Границы их должны не механически переноситься, а вновь рассчитываться для каждой обрабатываемой коллекции. Наконец, оценка репрезентативности результатов должна производиться как для выборки из генеральной совокупности со всегда неизвестным объемом, последнее обстоятельство В.Ф.Генингом (вслед за И.С.Каменецким) не учтено.

Результаты статистической обработки керамики служат базой следующего звена исследования — классификации. Формально-типологический метод не обеспечивает полной объективности этой процедуры: выделение реально объективных серий достигается не на всех таксономических уровнях. Выделенные с помощью этого метода по формализованно учтенным признакам типы, видимо, действительно являются объективной реальностью. Но объединение типов в таксономические единицы большего объема (группы и т.д.), выполняемое формализованными приемами, не всегда отражает реальную динамику развития изучаемого явления: полученные таким образом результаты имеют, скорей, вспомогательное значение, систематизируя исходный материал.

Как представляется, большей объективности достигает классификация с учетом традиции, которая отражается в повторяемости сочетаний определенных признаков, наблюдаемой в разных типах. В частности, на керамике такой традицией могут быть масштабность, компактность орнамента, взаиморасположение и контуры его элементов, абрис профиля и т.д. А.А.Синициным рассмотрены проявления традиций производственной деятельности на каменном инвентаре, предложен термин для его отражения — "морфема". Эти идеи вполне применимы и в анализе керамики. Однако формализация процедуры выделения морфем не представляется в данном случае рациональной.

Таким образом, классификация керамического материала может быть произведена как в рамках типологического метода, так и вне их (метод выявления традиций). Представляется оправданным производить оба вида классификации параллельно, чем достигается их взаимодополняемость. Общей теорией статистики предусмотрено несколько видов группировки одних и тех же общественных явлений, отражением которых, в частности, и являются археологические факты.

Применение обоих видов классификаций позволило, в частности, автору выделить локальные варианты и хронологические этапы ван-виздинской археологической культуры.

ЗАВИСИМОСТЬ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Л.Б.Ермолов

С древнейших времен основой существования тунгусо-маньчжурских народов была охота. Сложение охоты как особой системы хозяйства многих народов и ее прогресс определили и дальнейшее развитие разных этносов. Охота, являясь главной отраслью хозяйства тунгусо-маньчжурских племен, отразила в себе и все процессы их общественного развития. В этой связи изучение различных факторов, влияющих на эволюцию охотничьего промысла, его характера и направленности, приобретает большое значение и делает возможным постановку вопроса о зависимости типов охотничьего хозяйства различных тунгусо-маньчжурских народов от экологических условий. Особенно пристальное внимание должно быть также уделено рассмотрению вопроса динамики развития охотничьего промысла в различных ландшафтных условиях и влиянию его на образ жизни отдельных этносов.

Рассматривая охоту как направленную деятельность человека, целесообразно выделить основные способы" кардинально отличающиеся друг от друга поведения охотника при овладении добычей. Каждый из этих способов охоты включает в себя несколько свойственных ему приемов. В связи с тем, что активная охота на крупных животных имела более длительный путь своего развития, она представлена наибольшим числом способов и приемов. Значительно меньшее число способов насчитывает активная охота на птицу. Возникший относительно недавно пушной промысел не отличается многообразием способов активной охоты. Для него более характерны специфические приемы добычи разных видов пушного зверя.

Орудия активной охоты, применяемые для добычи разных животных, как правило, универсальны.

Пассивная охота у большинства тунгусо-маньчжурских народов приобретает наибольшее значение лишь в относительно недавний период. В настоящее время особенно возросла роль пассивной охоты на пушного зверя. Применение орудий пассивной охоты позволяет опромысливать уголья с максимальной эффективностью.

На данном этапе изучения орудий пассивной охоты не всегда представляется возможным выявить их этническую принадлежность, так как необходима подробная фиксация всех стадий их эволюции у

различных народов, заимствовавших эти орудия друг у друга.

Существуют различные функциональные и типологические классификации орудий пассивной охоты. Однако для характеристики типа охотничьего хозяйства разных этносов имеет смысл разделить их на стационарные и переносные.

Тип охотничьего хозяйства тунгусо-маньчжурских народов теснейшим образом связан с конкретными экологическими условиями.

Всю таежную полосу Восточной Сибири, населенную тунгусо-маньчжурскими этносами, можно разделить на три, резко отличающиеся по экологическим условиям ландшафтные зоны. В разных экологических зонах развиваются и различные типы хозяйства. Народы, населяющие одну и ту же экологическую зону, в основных чертах имеют сходный тип хозяйства. Примером являются разные группы оленних тунгусов зоны горной тайги, группы конных тунгусов зоны равнинной тайги, различные тунгусо-маньчжурские народы, населяющие зону приамурской тайги. Напротив, группы одного и того же этноса, живущие в разных экологических условиях, отличаются по типу своего хозяйства. Так, хозяйство тунгусов зоны горной тайги резко отличается от хозяйства тунгусов равнинной тайги.

Так как характерной чертой типов хозяйства тунгусо-маньчжурских народов является охота, особое значение в связи с этим приобретает структурный анализ развития их охотничьего хозяйства. Можно полагать, что сама структура, по всей видимости, имеет узколокальные вариации, зависящие от соотношения многих традиционных, экономических и локально-экологических факторов и тенденций.

Особо следует отметить, что при развитии охотничьего хозяйства переход от активной формы охоты к пассивной неизбежно влечет за собой переход от кочевого образа жизни к более оседлому. Таким образом, степень развития пассивной формы охоты является индикатором оседлости этноса.

В заключение необходимо сказать, что детальный анализ структуры развития охотничьего хозяйства, безусловно, заслуживает большого внимания и при последующем синтезе, с привлечением конкретных материалов, позволит проследить путь эволюции традиционного хозяйства у многих тунгусо-маньчжурских народов.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКОТОВОДСТВА
У ДРЕВНЕЙШИХ ПЛЕМЕН СИБИРИ

Н.М.Ермолова

Основой хозяйства древних племен, населявших территорию Сибири до начала голоцена, была охота. С развитием лесных биоценозов охота на животных открытых пространств у палеолитических охотников сменяется охотой на лесных животных у охотников эпохи неолита. Лесостепные и степные пространства юга Сибири, лишь периодически посещаемые неолитическими охотниками, постепенно заселяются племенами с уже развитым скотоводством. Автохтонной доместикации в Сибири не было, так как там отсутствовали предковые формы этих животных. Все скотоводческие культуры имели в составе стада рогатый скот, как крупный, так и мелкий, и лошадь. В зависимости от ландшафтов и традиций, тот или иной вид доминировал. Так для лесостепи более характерен крупный рогатый скот, тогда как для степи — овцы. Козоводство никогда не было доминирующим типом хозяйства и появилось лишь в отдельных горных районах в позднее время.

Изучение типа крупного и мелкого рогатого скота, свойственного той или иной культуре, крайне затруднено практическим отсутствием остеологического материала из стоянок. Набор костей из могильников не может в полной степени характеризовать преобладающий морфологический и конституционный тип животного. Тем не менее изучение костных остатков из нескольких известных поселений представляет значительный интерес. Так, в афанасьевское время был длиннорогий крупный рогатый скот большого размера. Различались по величине и овцы различных древних культур юга Сибири.

Еще более труден вопрос с определением типа скотоводческого хозяйства: кочевое, полукочевое или оседлое. Для решения его необходимо тщательное изучение остеологического материала стоянок с фиксацией всех возможных индикаторов сезонности.

Необходимо отметить, что зачастую костный материал из скотоводческих поселений дает большой процент остатков диких животных, но это не всегда означает, что доминировала охота. Тем не менее в кулайской культуре можно согласиться, что охотничий промысел имел там большое значение.

Занимаясь вопросами изучения скотоводства, следует уделять предельное внимание числу костей, а не количеству особей тех или

иных животных. Количество особей, зависящее, как правило, от различных факторов, часто искажает истинное представление о составе стада. Так, например, у овец нижние челюсти человеком не разбиваются и собаками не съдаются. Подсчет особей по нижним челюстям дает завышенный процент преобладания их в стаде.

При определении доминирования вида скота - а это главным образом определяет тип хозяйства - необходимо учитывать, что корова в 5-7 раз больше дает мяса, чем овца. И если преобладают коровы по особям, то мелкого рогатого скота практически нет.

Подвижный образ жизни древних скотоводов юга Сибири отражается в отсутствии разведения домашних свиней, встречавшихся в то время в диком виде в тех местах.

У оседлых рыболовов Приморья свинья была основным видом домашнего животного.

Наиболее трудным является вопрос о месте и времени возникновения домашнего оленеводства. По этому поводу существует несколько предположений. По одному из них северный олень был уже одомашнен в верхнем палеолите на Среднем Енисее. По другому - время его одомашнивания относится к эпохе бронзы, а местом одомашнивания определяются Саяны. Определенные морфологические и экологические данные этого вида позволяют не согласиться с этими предположениями.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СЛОЖЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА

В.А.Козьмин

В последнее время в ряде работ, посвященных проблеме сложения западносибирского оленеводства, исследователи обращают внимание на то, что его развитие определялось не только историческими, но и экологическими факторами. К этим выводам пришли И.И.Крушник, Г.Н.Грачева и Л.П.Хлобистин, Л.В.Хомич, В.И.Васильев, Ю.Б.Симченко. Но в связи с тем, что их выводы касаются отдельных сторон развития западносибирского оленеводства, необходимо суммировать основные положения о влиянии на него экологии.

Суммирование основных положений может быть произведено по двум направлениям: во-первых, влияние экологии на развитие оленеводческой системы, во-вторых, влияние экологии на сложение особенностей оленного транспорта самодийского типа.

Влияние экологии на происхождение самодийской оленеводческой системы определены Г.Н.Грачевой и Л.П.Хлобыстиным, которые показали, что сложение кочевого оленеводческого хозяйства ненцев произошло после их выхода в тундру в I тыс. н.э., когда складывается ее современный облик. Но, как справедливо указал И.И.Крупник, выход ненцев в тундру еще не означал сложения оленеводческого хозяйства конца XIX - начала XX вв., отправным моментом в развитии которого он считает XVII в., период благоприятных температурных и внешних биологических режимов для роста поголовья домашнего оленя и вытеснения им дикого. Влияние экологических факторов в это время сопровождается социальными, которые рассматриваются как благоприятная тенденция для сложения крупнотабунного тундрового оленеводства (И.И.Крупник).

Эти положения могут быть дополнены рядом частных замечаний, прежде всего касающихся особенностей ненецкой оленеводческой системы. Ряд исследователей (Л.В.Хомич, Л.Н.Жеребцов) в качестве усовершенствований, внесенных коми-ижемцами в оленеводческую систему ненцев, отмечали несколько более позднюю перекочевку на север коми, что позволяло перегонять оленей по открытой тундре, на север олени приходили уже окрепшими и, в виде подкожного жира, защищенными от "гнуса". Вероятно, что традиция более ранней перекочевки у ненцев была связана с охотой на дикого оленя, который мигрировал на север в это же время или несколько позднее. Учитывая то положение, что охота на дикого оленя давала основные средства к существованию ненцам вплоть до конца XVII в., можно полагать, что в системе кочевания оленеводство подчинялось нуждам охоты на дикого оленя и учетом его экологии определялись "нерациональные" сроки перекочевек.

Другое замечание относится к появлению в самодийском оленеводстве пастушеской собаки. В данном случае ведущим является мнение Л.В.Хомич о том, что пастушеская собака появляется в оленеводстве ненцев вследствие укрупнения стад. Наряду с этим можно отметить сумму экологических данных, которые позволяют дополнить вывод Л.В.Хомич. В частности, Л.М.Баскин обратил внимание на особенности стадного поведения у тундровых оленей и пришел к выводу о том, что необходимость применения оленегонной собаки в западном оленеводстве связана с потерей инстинкта стадности через потерю зрительного контакта при повышенной рассредоточенности оленей на пастбище. Потеря этого инстинкта компенсируется приме-

нением собаки, поведение которой, по Л.М.Баскину, адаптировано к удержанию оленей в стаде. С этих позиций понятно отсутствие оленегонной собаки в таежной оленеводческой системе, поскольку таежный олень живет оседло и в восточном оленеводстве, где в связи с особенностью расположения тундр, в основном в долинах рек, выпас ведется скученным стадом и инстинкт стадности не нарушается (Л.М.Баскин). Исходя из этого, можно косвенно предполагать, что оленегонная собака, как элемент самодийской оленеводческой системы, появляется именно у ненцев в период становления у них крупнотабунного оленеводства. По И.И.Крупнику, это начало XIII в.

Экологическое воздействие прослеживается не только на сложении тундрового оленеводческого хозяйства, но и на существовании таежной оленеводческой системы, характер которой определяется ее подчиненностью охотничье-рыболовецкому хозяйству (В.И.Васильев, В.А.Шнилерман, И.И.Крупник). Очевидно, что эта подчиненность определяется внешними условиями невозможности увеличения поголовья оленей в связи с ограниченностью пастбищных угодий. Это показано на селькупском (В.В.Лебедев) и энецком (Б.О.Долгих) материалах. Исторически известны факты переселения из таежной зоны в тундру хозяйств, ориентированных на оленеводство. Так с проблемой нехватки пастбищных угодий столкнулись хозяйственные органы Березовского района Тюменской области в 30-е годы, во время создания оленеводческих колхозов.

Итак, эти данные указывают на определенное экологическое воздействие в западносибирском оленеводстве как в плане его сложения в виде самостоятельной формы хозяйства, так и в плане сложения и существования таежной и тундровой оленеводческих систем.

Экологическое воздействие на оленний транспорт прослеживается в плане сложения самодийской нарти и системы упряжи в связи с особенностями среды передвижения (Г.М.Василевич, М.Г.Левин). Такой признак, как увеличение массивности нарти, они связывали с запряганием оленя в исходный тип нарт, по-видимому, сходный с западносибирскими охотничьими ручными. Но прочие признаки, по которым выделяется самодийский тип, связаны с круглогодичной тундровой ездой. Это прежде всего увеличение высоты копыльев и, в целях более прочного соединения с полозьями и нащепом, их наклонное расположение. Увеличение высоты нарти, по-видимому, также компенсировалось разведением полозьев в стороны, что давало

нарте большую устойчивость. Мы также полагаем, что в связи с круглогодичной тундровой ездой частил смещается в заднюю часть нарты, что переносит центр тяжести назад и предохраняет передок от зарывания в кочки или глубокий снег. Наглядным примером воздействия среды передвижения на особенности конструкции нарты является применение "барана" на оленных нартах самодийского типа в таежной зоне Западной Сибири в отличие от тундрового варианта, где он отсутствует. Ряд исследователей (Л.В.Хомич, Г.М.Василевич и М.Г.Левин) полагают, что веерный тип самодийской упряжки также формируется в связи с передвижением в тундре, увеличение оленей в легкой упряжке связывается с летней ездой. Можно полагать, что увеличение оленей в упряжке привело к усложнению упряжки и, в частности, появлению пояса. Олени, соединенные в упряжке поясами, образуют компактную и сравнительно легко управляемую группу.

Итак, суммирование основных положений о влиянии экологических факторов на сложение западносибирского (самодийского) оленеводства указывает, что в ряде случаев оно является прямым. Это прежде всего формирование оленного транспорта самодийского типа. Очевидно, что формирование оленеводческой системы и сложение оленеводства как самостоятельной формы хозяйства определялось и историческими факторами, выступающими как благоприятная тенденция в виде присоединения Западной Сибири к Русскому государству и усложнения социальной дифференциации ненецкого общества.

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КОМИ

Н.Д.Конаков

К концу XIX - началу XX вв. территория расселения народа коми (зырян) охватывала обширную площадь, включающую в себя бассейны рек Печоры (исключая ее нижнее течение), Мезени (верховья р.Мезени и ее приток р.Вашка) и Северной Двины (р.Вычегда с притоками, верховья р.Лузы). Этнические границы расселения коми простирались на 14° с запада на восток (от 46° до 60° в.д.) и от 59° сев.шир. до полярного круга с юга на север. Северные коми (ижемцы) уходили с оленьими стадами в летний период в тундровую зону вплоть до побережья Баренцева и Карского морей.

Различные естественногеографические условия были причиной

выделения областей с различной хозяйственной специализацией, что привело к появлению своеобразных территориальных этнографических групп, как верхневыхгодская, удорская, ижемская и др. (Лашук, 1960).

Коми население не было аборигенным на данной территории, а появилось где-то на рубеже I и II тысячелетий нашей эры из Прикамья. Как свидетельствуют археологические, этнографические и лингвистические данные, предки коми имели комплексное присваивающе-производящее хозяйство и жили оседло. Уровень развития производительных сил необходимым условием оседлости ставил в равной степени следующие факторы: освоение наиболее плодородных для данной территории земель, с одной стороны, и наличие достаточной площади промысловых угодий — с другой. Адаптация к новым естественногеографическим условиям, хотя и в пределах одной лесостепной зоны, происходила в основном за счет приспособления к ним традиционной народной культуры. Роль культурных заимствований, в первую очередь, в результате этнических контактов с русским населением, решающего значения не имела. Данные заимствования коснулись таких элементов культуры, как одежда, жилище, отдельные предметы и орудия, производственные навыки и т.д., тем не менее за почти тысячелетний период со времени появления предков коми в бассейне Вычегды и отделения их от предков коми-пермяков в материальной и духовной культуре обоих народов коми сохранилось гораздо больше общих традиционных черт, чем приобретено различий (Беллицер, 1958). Не оказало заметного влияния и поглощение коми в ходе этнической истории ранних засельников этой территории, по всей видимости, каких-то западнофинских племен, хотя их ассимиляция и наложила отпечаток на антропологический тип коми (Чебоксаров, 1946).

Расширение этнической территории расселения коми и связанной с этим процессом экологической адаптации происходило на протяжении ряда столетий (Жеребцов, 1972). Решающим фактором в необходимости расширения жизненного пространства следует признать рост производительных сил и увеличение темпов естественного воспроизводства населения. Уровень производительных сил существенно отставал от динамики прироста населения, что вело к усилению переселенческих процессов с территории Коми края, с одной стороны, и активизации освоения малозаселенных районов — с другой. Поэтапно последний процесс происходил следующим образом: до XVIII в. шло

расселение в широтном направлении (освоение притоков Вычегды) и в XIII-XIX вв. - в основном в меридиональном (заселение Печоры). Освоение новых территорий влекло за собой усиление этнического взаимодействия коми с соседними народами, что сыграло немаловажную роль в этнокультурогенезисе. Активизация процессов расселения вела к ускорению эволюции сложившихся традиций в трудовых процессах и быту, поскольку они переставали удовлетворять в изменившихся климатических и ландшафтных условиях. Одновременно возрастала роль прямого заимствования культурных явлений, особенно при резкой смене хозяйственного уклада. У сравнительно поздно переселившихся в бассейн Печоры коми-ижемцев (с конца XVII в.) заимствования охватывают целые отрасли хозяйства (оленоводство) с полным совпадением как отдельных элементов, так и терминологии (Жеребцов, 1974). Причем в данном случае заимствования происходили не путем ассимиляции (а следовательно, взаимослияния культур) и не по причине более низкого уровня развития хозяйственно-бытового и социально-экономического уклада (чем объясняется большая часть ранних заимствований от русских), а вытекали из неприспособленности коми-переселенцев к резко изменившейся экологической среде. В данном случае проще оказалось перенять трудовые навыки и отдельные элементы культуры аборигенного населения данной экологической ниши (ненцев), чем идти по пути постепенного приспособления своей традиционной культуры к новой природной среде.

В то же время инфильтрационное освоение территории верхней Вычегды и ее притоков, а затем и верхней Печоры, в основном за счет создания поселений на территории промыслового освоения (охотничьи и рыболовные угодья), вело лишь к постепенному изменению места в общем хозяйственном комплексе отдельных отраслей, но мало затрагивало сложившуюся культуру народа коми. Сохранялись без изменений одежда, утварь, транспортные средства, жилище, трудовые навыки и т.д., исключая лишь локальные этнотерриториальные особенности, если переселенцы были из разных мест. Таким образом, сохранялся хозяйственно-культурный комплекс, выработанный в местности первоначального освоения. Но необходимо учитывать, что процесс вторичного расселения коми, понимая под первичным их переселение из бассейна Камы, во всех случаях шел по пути освоения земель, все менее пригодных к земледелию. Поэтому возрастало значение в хозяйственной деятельности добывающих промыслов, что

накладывало отпечаток на все стороны культуры и быта, и позволяет говорить о существовании верхневыхгодских и верхнепечорских этнографических особенностей.

С другой стороны, указанные закономерности прослеживаются и при переселении уже адаптировавшихся в новой экологической среде северных коми даже на значительные расстояния, но в пределах ставшей для них своей циркумбореальной зоны. И на Оби и на Кольском полуострове коми-ижемцы сохранили выработанный на Печоре культурно-хозяйственный комплекс со всеми заимствованными и приспособленными к северной природной среде элементами. Естественно, речь не идет об отдельных заимствованиях.

Таким образом, на примере коми можно отметить следующие закономерности взаимосвязи народной культуры и естественногеографической среды: процесс экологической адаптации ведет к существенным сдвигам в культурогенезе лишь в том случае, если он характеризуется резкой сменой среды обитания. В то же время данный процесс, растянувшийся в широких временных рамках, в первую очередь идет по пути постепенного приспособления традиционной культуры к изменяющимся природным условиям.

О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (на примере казахов южного Алтая)

А.В.Коновалов

В работах советских этнографов большое внимание уделяется проблемам основных этнических общностей — этносов (Ю.В.Бромлей, Н.Н.Чебоксаров, В.И.Козлов и др.), а также макроэтническим единицам (С.И.Брук, Н.Н.Чебоксаров). Положение Ю.В.Бромлея о выделении этнических подразделений низшего таксономического уровня — этнических групп — пока не получило широкого конкретного применения. Нередко авторы употребляют понятия этническая и этнографическая группа как равнозначные, взаимозаменяемые, что исключает важнейший этнический признак — этническое самосознание. Из работ Ю.В.Бромлея, Т.А.Жданко и других авторов следует, что имеются два основных пути возникновения этнических групп: 1) существование микроэтнических единиц как отражение отдельных этапов формирования эсо. Такие этнические группы, как правило, проживают на территории основного расселения этноса. 2) образования этнических анклавов, вызванные переселением частей этносов. Такие локальные

группы оказываются зачастую в иноэтническом окружении, а иногда и в условиях новой географической среды. Примером второго варианта формирования этнических групп являются казахи южного Алтая.

На этническую специфику южноалтайских казахов оказали влияние следующие факторы:

1. Географический фактор. Группа расселена преимущественно в зоне высокогорной полупустыни, что определило специфику типа хозяйства в сравнении с общепринятой моделью кочевого и полукочевого хозяйства казахов на территории основного расселения. Эта специфика проявилась в отсутствии земледелия, а также ограниченном распространении сенокосения, в то же время от кочевого типа хозяйство кош-агачских казахов отличается наличием постоянных зимовок. Представляется возможным характеризовать хозяйство казахов Чуйской долины как хозяйство промежуточного (между кочевым и полукочевым) типа. Только после переселения на Алтай казахи начали разводить яков. Географическая среда оказала влияние и на подсобное занятие южноалтайских казахов. Способ гоньбы зверя на лошадях, отсутствовавший у северо-восточных казахов (С.И.Руденко), широко используется на открытых пространствах Чуйской степи. Ограниченные масштабы лесных участков, их удаленность от территории расселения казахов оказали влияние на тип жилищ — бревенчатые срубы появляются лишь в послевоенное время.

2. Фактор иноэтнического окружения. Проживание на общей территории с теленгитами, постоянные контакты с тувинцами и монголами в течение ста лет оказали определенное влияние на материальную культуру южноалтайских казахов. Кош-агачские казахи заимствовали теленгитский вариант конических четырех- и шестиугольных построек, элементы верхней одежды, головных уборов. Некоторое своеобразие одежды южноалтайской группы определяется также влиянием монгольского костюма. Частое употребление меандра в узорных войлоках объясняется восприятием традиционного элемента орнамента теленгитов. Казахи часто пользуются седлами тувинского типа.

3. Фактор относительной изолированности от основного этнического массива образовался на основе географического и фактора иноэтнического окружения. Относительная изолированность кош-агачских казахов повлекла за собой, с одной стороны, утрату некоторых форм хозяйственной деятельности (охота с борзыми) и ма-

териальной культуры: головных уборов (кииз калпак), пищи (бесбармак), народных игр (кокпар, тогыз кумалак), до настоящего времени бытующих у казахов на территории основного расселения этноса. Но, с другой стороны, на южном Алтае сохраняются многие явления культуры (обычай жертвоприношения коня, изготовления заместителя умершего и т.д.), ушедшие в прошлое у населения Казахстана, а некоторые области материальной и духовной культуры приобрели специфические формы (узорные войлоки, свадебная обрядность и т.д.).

Кош-агачская этническая группа почти исключительно эндогамна, что способствует сохранению традиционного образа жизни и этнических особенностей (Ю.В.Бромлей, М.Баряктарович).

Для кош-агачских казахов характерна и очевидная языковая специфика, в первую очередь определяемая многочисленными алтайскими и русскими заимствованиями.

Кош-агачские казахи отличают себя от населения Казахстана, осознают имеющиеся этнические различия. Подобное осознание отличительных черт хозяйства, культуры и языка и является специфическим этническим самосознанием субэтноса. Однако этническое самосознание не фиксируется особым этнонимом. Это явление объясняется необходимостью, особенно в первые годы после переселения, обособить себя от окружающих этносов, подчеркнуть связь с населением территории исхода. Подобные явления, характерные и для славянских народов, отмечались М.Г.Рабиновичем и К.В.Чистовым.

Таким образом, в результате влияния факторов - географического, иноэтнического окружения и этнической изолированности-казахи южного Алтая, проживавшие на единой территории, обладают известной спецификой в хозяйстве, материальной, духовной культуре и языке, а также наличием специфического этнического самосознания, т.е. полным комплексом этнических признаков, что позволяет считать их самостоятельной этнической группой.

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ МЕХАНИЗМА ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НЕОЛИТЕ-БРОНЗЕ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ СССР

В.Н.Логвин

Как известно, для первобытной эпохи в степной полосе СССР отмечается два периода широкого распространения плоскодонных сосудов. Они господствовали в эпоху бронзы и очень характерны для времени существования памятников мариупольской области (по

И.Б.Васильеву и Г.И.Матвеевой). Между этими периодами, до и после них в степях преобладает остродонная и круглодонная посуда.

Периоды широкого распространения плоскодонной посуды по времени в общем совпадают с периодами уменьшения увлажненности климата. С другой стороны, периоды широкого распространения круглодонной и остродонной посуды хорошо соотносятся с реконструируемыми палеогеографами периодами повышенной увлажненности климата.

Это совпадение во времени палеогеографических и археологических процессов не случайно и, по нашему мнению, является ключом к пониманию некоторых сторон механизма этнических процессов в прошлом.

В неолите, в период высокой увлажненности климата, биологическая продуктивность степей на водоразделах была высокой. Неоолитическое население, видимо, в той или иной мере освоило все водораздельные пространства.

В раннем энеолите, примерно в конце V и начале IV тысячелетия до н.э., начался цикл уменьшения увлажненности климата. Как всегда, наиболее сильно и резко его последствия проявились в степях. На водораздельных пространствах высохли мелкие водоемы, уменьшился травостой и, как следствие всего этого, снизилась их общая биологическая продуктивность. В долинах рек с уменьшением уровня воды в реках, видимо, осушаются значительные участки поймы.

В силу описанных явлений долины рек должны были стать значительно более привлекательными для обитания древнего населения, чем водоразделы. Население степей, видимо, концентрируется в долинах рек. В силу ограниченности размеров речных долин они неизбежно должны были быть разбиты на участки, закрепленные за отдельными группами первобытного населения. Неизбежно должен был усиливаться оседлый элемент быта древнего населения, и, видимо, как следствие этого, получает широкое распространение плоскодонная посуда. Вследствие оттока населения с водоразделов и концентрации его в долинах рек интенсивность контактов широтного направления резко ослабевает, а меридионального (по долинам рек) — усиливается. Создаются благоприятные условия для восприятия степняками достижений южного земледельческого населения.

Население лесной зоны в это время, видимо, в большей мере, чем в предыдущий период, осваивает долины рек, и так же,

как и у степного населения, в их хозяйственном быте появляются элементы, обусловившие создание или восприятие от южных соседей плоскодонной посуды. В качестве примера можно привести волго-камскую и боборыкинскую культуры.

Несколько позднее увлажненность климата вновь начинает увеличиваться (время формирования и расцвета ямно-афанасьевского круга культур). Увеличивается уровень воды в реках и, как следствие этого, сокращается количество удобных для хозяйственной эксплуатации земель. Зато на степных водоразделах наполняются водой высохшие ранее, мелкие водоемы, увеличивается травстой. Население осваивает их, практикуя наиболее выгодный в этих условиях тип хозяйства - подвижное скотоводство. Усиливается подвижность населения - преобладает круглодонная посуда. Интенсивность контактов меридионального направления ослабевает, широтного - усиливается.

В эпоху бронзы, которая в целом совпадает с суббореальным периодом, вновь отмечается уменьшение увлажненности климата, концентрация основной массы населения в долинах рек, усиление оседлого элемента его быта, преобладание плоскодонной посуды; возрастает интенсивность контактов меридионального направления. В лесной зоне появляются культуры, во многом сходные со срубной и андроновской.

В субатлантике, в эпоху раннего железного века, отмечаются явления во многом противоположного характера. Увеличивается увлажненность климата, население переходит к кочевому скотоводству, наряду с плоскодонной широкое распространение получает круглодонная посуда.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в степях периоды уменьшения увлажненности климата были очень важны для формирования, консолидации локальных этнических образований, а периоды повышенной увлажненности - широкими культурными общностями.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОСЬВИНСКОГО ПРИОБЬЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АБОРИГЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В ХУП-ХІХ вв.

А.И.Пика

Традиционное комплексное хозяйство аборигенов бассейна Северной Сосьвы в ХУП-ХІХ вв. представляет собой один из локальных вариантов хозяйственно-культурного типа полуседлых рыболовов и

охотников тайги. Для понимания естественно-географических условий формирования этого ХКТ важно выявить факторы, непосредственно влияющие на особенности производства на определенной стадии развития общества.

Одним из таких факторов являются биоресурсы, т.е. используемая населением часть всей совокупности биологических компонентов на конкретной территории. Для понимания экологических аспектов ХКТ населения бассейна Северной Сосьвы важно не только выявить способы использования биоресурсов, но и дать количественную оценку их общего объема и интенсивности использования.

О х о т н и ч и й п р о м ы с л

Объектом охотничьего промысла в лесах Северной Сосьвы в XVII-XIX вв. были: из копытных - лось (*Alces alces*), дикий северный олень (*Rangifer tarand L*); пушные звери - соболь (*Martes zibellina L*); белка (*Schizurus vulg. L*), горностай (*Mustela ermine L*), лиса (*Canis vulpes L*), россомаха (*Gulo gulo L*), бобр (*Castor fiber*). Периодически по поймам Оби и Ляпина в зону тайги заходил песец. В небольшом количестве добычей местного населения были: бурый медведь, волк, заяц, рысь, редко - выдра. Из боровой дичи и водоплавающих в большом количестве обитали и использовались глухарь, тетерев, рябчик, различные виды уток, изредка гагары и лебеди, пух которых использовался для приготовления зимней одежды, молодые орлы и птенцы орлов, перья которых использовались для оперения стрел.

Количественная оценка ресурсов некоторых охотничьих животных в бассейне Северной Сосьвы в XVII в. может быть дана с применением "ландшафтной территориальной модели", позволяющей оценить продуктивность территорий для различных видов животных в расчете на единицу площади (обычно 100 км²) "объединенных" угодий, отражающих их реальное соотношение на этой территории в процентах. Для определения интенсивности использования охотничьих животных, в частности, пушного зверя, использованы литературные и архивные данные (ясачные и таможенные книги и др.), а также современные полевые материалы, собранные автором в Березовском районе Тюменской области в 1976-1979 гг.

Таблица

Использование ресурсов промысловых охотничьих животных
абориганным населением бассейна р.Сев. Сосьвы в ХУП в.

Промысл. вид	Численность в басс. Сосьвы, тыс.	Изъятие, %	Использование в ХУП в.	
			ясак, шт.	ви. употребл., %
Соболь	10-12	30-35	500-600	до 60
Лиса	2-5	1-5	100-150	-
Горностай	30-50	менее 1	250-300	-
Песец	-	-	100-150	-
Белка	320-400	до 10	15000	до 50
Лось	6-7	менее 15	-	до 100

Рыболовный промысел

Рыбные ресурсы рр.Северной Сосьвы и Ляпина наиболее значительны среди всех северотаежных притоков р.Оби. Промысловая ихтиофауна представлена такими видами, как осетр (*Acipenser baeri* Br.), нельма (*Stenodus nelma* P.); различными видами рода *Coregonus* - муксун, чир, обский сиг, пелядь, тутун; частиковые - щука, язз, плотва, карась, налим и др. В горных речках - таймень и хариус. Сезонное размещение рыбных ресурсов и рыболовного промысла определялось сроками и направлением миграций туводных и полупроходных видов рыб. Аборигенное население Северной Сосьвы только для личного потребления и собак вылавливало 9-10 тыс. ц рыб. В конце XIX в. 3-4 тыс. ц вылавливалось для продажи. В общих уловах сиговые составляли до 60%, а в их составе преобладали пелядь (*Coregonus peled*. P) и тутун (*Coregonus tugun* P).

Оленеводство

Ресурсы мансийского "избого" и отгонного оленеводства - таежные и горные уральские пастбища - вплоть до конца XIX в. допускали возможность расширения поголовья домашних оленей. В 30-е годы XIX в. у сосьвинских манси насчитывалось до 12 тыс., а у ляпинских - 5,4 тыс. оленей. Начиная с 80-х гг. XIX в., сосьвинское Приуралье начинают осваивать коми-зыряне. В это время только в бассейне Ляпина зимой выпасалось до 20 тыс. оленей. Увеличение поголовья домашних оленей в этом районе отрицательно сказывалось на состоянии охотпромысла.

Использование дикорастущих растений

Ресурсы дикорастущих растений - травы, грибы, ягоды, орехи - почти не использовались. Мухомор, черемуха, чага, березовые почки и некоторые травы использовались для приготовления лекарственных и наркотических средств. Во второй половине XIX в. стали собирать кедровые орехи для продажи.

Особенности сезонного размещения биоресурсов и традиционные способы их освоения определили преобладание рыболовного промысла на востоке территории, в приобской части, и зимней охоты на пушного зверя и оленеводства в сосвинском Приуралье. При невозможности ведения в таежной зоне узкоспециализированного хозяйства комплексный тип хозяйственной деятельности аборигенного населения был обусловлен несовпадением сроков оптимального использования отдельных видов биоресурсов и обеспечил интенсивное их использование.

ЭКОЛОГИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬКУПОВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

А.М.Решетов

Селькупы (4300 чел., 1970 год) принадлежали в основном и прежде всего к хозяйственно-культурному типу таежных охотников и рыболовов. Природная среда во всем ее многообразии определяла конкретную специфику хозяйственной деятельности селькупов. Неслучайно у них широко бытовали различные самоназвания, одинаково означавшие "таежный человек" (селькуп - у тазовских, шолькуп - у туруханских, сус-се кум, шох кум - у кетских селькупов). Охота и рыболовство составляли неразрывное единство, и тем и другим занимались круглогодично, но их удельный вес в течение года, в зависимости от сезона, менялся.

Селькупы обладали обширными, уникальными знаниями специфики природных условий, что обеспечивало наилучшую организацию их использования. Вся хозяйственно-социальная жизнь селькупских общин определялась прежде всего экологией. Она, в первую очередь, была направлена на обеспечение жизнедеятельности всего коллектива в целом и каждого его члена в отдельности. И то, что

у северных групп селькупов рыболовство имело меньшее значение, чем у южных, объясняется наряду с экологическими причинами

как большей результативностью итогов охоты, так и наличием оленеводства, дававшего необходимое для питания мясо и т.д. У всех групп селькупов летом преобладало рыболовство, зимой - охота. Зимние мясoproductы заготавливали впрок на лето. Селькупам было известно исключительное разнообразие способов заготовки впрок рыбы - юкола, порса и т.д. Определенную роль играло собирательство как для обогащения рациона питания (сбор саранш, ягод и др.), так и для хозяйственных нужд (заготовка определенных видов травы, бересты и др.).

К числу рациональных способов организации хозяйства у селькупов следует отнести и содержание диких гусей, утят, цыплят песцов и лисиц - их выращивали и в подходящее время убивали. В охоте на медведя использовали прирученного медведя. Селькупы знали много способов охоты, в охотничьем промысле им помогало знание повадок животных, птиц и т.д. Им были известны различные способы ловли рыбы, требовавшие как обширных конкретных знаний о рыбе (места и время скопления, кормежки рыбы, ее нереста, поведения и т.д.), так и соответствующих сезону и способу лова орудий труда (сети с грузилами и поплавками, различные снасти, плетенные из ивовых прутьев, и т.п.).

Оленеводство как бы подчеркивает наличие у селькупов еще одного хозяйственно-культурного типа - северных таежных оленеводов. Однако и здесь оленеводство ближе к простому использованию одомашненных животных, т.е. скорее одна из форм природопользования: оленей специально не выпасали. Как справедливо сравнивает Е.Д.Прокофьева, осенью этих оленей "выслеживали ... так же, как выслеживают всякого дикого зверя".

Весь комплекс культуры селькупов сформировался под определяющим воздействием экологических условий и обусловленных им в свою очередь хозяйственных занятий - от жилища, одежды, пищи до форм организации общественной жизни, мировоззрения и т.д. Например, в силу комплексности, нерасторжимого единства охотничье-рыболовного хозяйства сохранялись прочные родственно-соседские связи между малыми семьями. Малая семья наилучшим образом отвечала условиям организации и поддержания жизни селькупских об-

щин в условиях такого типа занятий, но вместе с тем различного рода коллективизм, взаимопомощь пронизывали всю их жизнь: без этого в данных экологических условиях, при существовавшем уровне развития производительных сил, они не могли бы существовать. Мировоззрение селькупов теснейшим образом связано и детерминировано экологической средой, а через нее и хозяйственной деятельностью. Именно поэтому среди селькупов были широко распространены аниматические представления, наиболее прямо связывающие природу и человека в их нераздельном единстве.

Экологическая обусловленность в каждом конкретном случае различна: она может быть прямой и опосредованной. Очевидно, вполне возможно было проследить появление новых элементов культуры у селькупов разных конкретных районов как в результате воздействия природных условий, так и в результате взаимодействия с соседними этносами.

По существу, охота, рыболовство, оленеводство и собирательство у селькупов представляли собой высокоорганизованную для своей стадии социально-экономического развития форму природоиспользования. Культура селькупов проявлялась в многообразии использования рациональных приемов организации хозяйственно-социальной жизни коллектива. Селькупы всегда, на всех этапах своей этносоциальной истории находили наиболее совершенные формы использования природы, закрепляя их в коллективном опыте народа. Специфика хозяйственно-социальной жизни селькупов в конце XIX - начале XX вв. состояла в приспособлении к особенностям конкретной природной среды. Основные черты их образа жизни диктовались экологией, поскольку экология и хозяйственно-социальная жизнь селькупов были самым теснейшим, неразрывным образом взаимосвязаны и природа выполняла здесь, по существу, определенные социальные функции. Человек, община селькупов были частью конкретной экосистемы. Так по существу было у всех этносов с присваивающим типом хозяйства.

Все изменения в обществе селькупов, в их взаимоотношениях с природной средой стали проявляться по мере того, как возрастало хозяйственное освоение края, изменялись социально-эко-

номические условия как до революции, так особенно коренным образом в советское время.

О ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ У НАРОДОВ СИБИРИ

Е.Е.Ситникова

С древнейших времен во время различных обрядовых церемоний, культовых празднеств применялись вещества, так или иначе воздействующие на центральную нервную систему: транквилизаторы, галлюциногены, алкоголь. По археологическим и этнографическим данным повсеместно встречаются в разнообразных проявлениях культовые традиции употребления подобных веществ. Исключительная роль и важность подобных обрядовых действий в жизни людей хорошо иллюстрируется рисунками на скалах Чукотки (петроглифы Пегтмеля) и Тувы (петроглифы Улуг-Хема), где они изображены наряду со сценами ритуальной охоты, прослеживается по материалам погребений (Пазырыкские курганы) и подтверждается преданиями и этнографическими материалами.

Обычаи и традиции, передаваясь из поколения в поколение, могут утратить свое первоначальное значение и качество. Кроме этого в обряде необходимо видеть две стороны - форму и функцию (Суханов, 1976). В данном случае применение искусственных возбудителей и галлюциногенов получило особенно широкое распространение в шаманской практике, хотя правильнее было бы говорить о дошаманских корнях этой традиции, которая впоследствии органично вошла в шаманский ритуальный комплекс.

Положительные рациональные знания, приобретенные человеком в процессе тесного взаимодействия с природой, в любых условиях, в любой среде обитания - в тундре, в таежной зоне Сибири, в степной полосе, в горах Саяно-Алтая - позволили выявить и выделить те необходимые вещества, из которых приготавливали искусственные возбудители. Чукчи, коряки, якуты, селькупы и другие народы Сибири употребляли для этой цели мухоморы. Буряты, тувинцы, алтайцы - молочный алкогольный напиток (у бурят - тарасун, у алтайцев и тувинцев - арака). Кроме того, в культо-

вой практике совершалось окуривание и воскурение в качестве очищения и как искусственный возбудитель. Для этой цели использовались ветки можжевельника, семена конопли, тимьян (чабрец или богородская трава). Ареал распространения этих растений достаточно широк, но места сбора, а часто и сами растения табуировались, окутывались таинственностью, а способом приготовления галлюциногенов владели избранные.

Ответ на вопрос, какую роль подобные обряды играли в жизни людей первобытного общества, можно найти в исследованиях по невропатологии. Целью любого обряда является не достижение какого-либо материального, вещественного результата, а формирование у его участников определенных мыслей, образов, представлений, чувств и настроений (Угринович, 1975). Процесс специально организованного и целенаправленного эмотивного переживания так же, как и принятие любого транквилизатора, будь то алкоголь, галлюциноген и т.п., а также пляски и пение, что тоже является неотъемлемой частью любого культового праздника, — есть не что иное, как попытка "растормозиться", что, с точки зрения устойчивости нервных процессов, было рациональным явлением, способствующим жизнеспособности коллектива.

ГЕНЕТИКА В ЭТНОГЕНЕЗЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Ю.Г. Рычков

В междисциплинарной проблеме этногенеза этническая антропология уже давно занимает прочное место, служа источником дополнительной информации о генетическом родстве этнических групп. Ссылки на принадлежность этих групп к той или иной расе или антропологическому типу стали привычны в работах на тему этногенеза как современных народов Сибири, так и древнего ее населения. Между тем закономерности расообразовательного процесса у человека, факторы, определяющие возникновение различных антропологических типов, механизмы формообразования и скорости, с которыми оно происходит, — все это под-

лившая *terra incognita* самой антропологии, которая, располагая методами описания и классификации морфологического разнообразия групп населения, остается, таким образом, на уровне феноменологическом и имеет лишь одну возможность заглянуть в существо явлений, обратившись к сравнению данных по современному и древнему населению какого-либо региона. Известно, однако, что сравнение не есть доказательство, доказательство родства сравниваемых групп, в частности, и если заключение о родстве групп путем сравнения их антропологических типов все же надежно и убедительно для специалистов в вопросах этногенеза, то исключительно из-за молчаливо принимаемого, но не доступного проверке, предположения о том, что за близостью расовых типов стоит их генетическая близость.

Связь между древним и современным населением, предполагающая генетическое родство, должна быть прослежена генетическими методами, разработанными в популяционной генетике человека, ибо одного факта антропологического сходства какой-либо древней группы населения с современной недостаточно для доказательства их родства, так как нет гарантии того, что из этого прошлого в современность была передана генетическая информация, то есть, что цепь генетического родства, связующая древнее население с современным, не была прервана. В принципе одни и те же антропологические признаки могут возникать на разной генетической основе, но одни и те же гены не могут происходить из разных источников. Генетика населения по своим современным методам и возможностям — почти исключительно генетика современного населения, но гены, которые она изучает, — это точные копии генов, дошедших до нас из древности, и, за исключением прямых письменных исторических свидетельств, именно гены, которыми мы обладаем, являются прямым свидетельством связи прошлого с настоящим.

Ниже приводятся некоторые основные результаты генетического исследования происхождения коренного народонаселения Сибири.

I. С генетической точки зрения все современное коренное народонаселение Сибири в границах от Урала до Тихоокеанского побере-

режья и от южной государственной границы СССР до побережья Ледовитого океана происходит от одной родоначальной прапопуляции, имевшей численность не более тысячи (от 450 до 800) человек и обитавшей на территории площадью около 12000 км².

2. По генетическим же данным, наиболее вероятный район обитания этой прапопуляции, передавшей гены в современность, - Байкальский регион.

3. Исходя из данных по генетике современного населения рассчитано, что сибирская прапопуляция существовала в период от 30000 ± 3000 лет до 20000 ± 2000 лет назад.

4. В это же время где-то на территории, географически смежной с Байкальским регионом, обитала другая прапопуляция - праамериканская, гены которой унаследованы современным коренным населением Нового Света.*

5. Между прасибирской и праамериканской популяциями генетическое родство было столь же большим, как между двумя частями какой-либо из современных этнических групп Сибири.

6. Дальнейшее развитие сибирской прапопуляции проходило на основе чрезвычайно медленного, но устойчивого естественного роста ее численности со средней скоростью прироста 1,2% за поколение, то есть примерно за 15 лет. Прирост населения уравнивался его миграцией, характеризовавшейся такой же скоростью за поколение и приводившей к образованию новых дочерних популяций, а следовательно, к освоению новых территорий.

7. Этот некогда заданный темп развития популяции и межпопуляционных контактов на сегодня сохранился в частоте междуетнических браков в коренном населении Сибири, составляющей в среднем по Сибири 1,2% за поколение.

8. Возникновение на основе исходной прапопуляции системы популяций с разной степенью генетического родства шло бок о бок с собственно процессом этногенеза, благодаря которому генетическое родство популяций во все большей мере регулировалось принадлежностью к древним родо-племенным и праэтническим группам, а генетический процесс во все большей мере оказывался подчиненным этногенетическому.

9. Течение генетического процесса в этногенетическом русле, в "гидрографической" сети этногенеза с ее лингвистическими, культурными и прочими водоразделами и бассейнами определяло тот устанавливаемый популяционной генетикой современного населения факт,

что генетическое своеобразие отдельно взятой микропопуляции (типа стойбища, поселения или современного поселка) в основном (на 70%) зависит от того, к какому этносу она принадлежит.

10. Созданный историей ансамбль генофондов таких микропопуляций является, таким образом, своеобразной летописью этногенеза на всем его протяжении от верхнего палеолита до современности.

О ГЕНЕТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ЭТАПАХ ЭТНОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Е.В.Яшук, Ю.Г.Рычков

Популяционная генетика человека, развивавшаяся в течение ряда десятилетий как раздел биологии человека и разрабатывавшая вопросы микроэволюции вида *Homo sapiens* в окружающей его среде, своим собственным путем ныне подошла вплотную к необходимости включить в круг разрабатываемых ею тем и тему этногенеза, поскольку накопила обширную информацию о роли этнической среды в генетических процессах, протекающих в популяциях человека.

Предлагаемая работа основана на трех исходных моментах:

1. Генетический процесс порождается такими демографическими процессами, как воспроизводство, включающее соотношение рождаемости и смертности, миграции населения и другими, происходящими в элементарных популяциях человека.

2. Популяция человека не существует вне рамок этносов, которые таким образом через демографические процессы влияют на процессы генетические.

3. На каждый момент времени развития популяции итогом предшествовавшего генетического процесса является степень ее генетической дифференциации.

Это дает возможность через изучение генетической дифференциации популяции подойти к реконструкции тех этапов ее этнической истории, которые, будучи генетически значимы, тем самым могут рассматриваться как жизненно важные этапы этногенеза. Для такой реконструкции был применен следующий принцип анализа: не намечать или предполагать такие этапы, а оценить с точки зрения генетической значимости те из них, что уже известны в других науках, исследующих вопросы этногенеза.

Метод анализа образно можно представить как "просеивание" генетического разнообразия населения через сита классификаций

различных этноопределителей. Если примененная классификация одинаково эффективна на всех уровнях обобщения изменчивости соответствующего этнопоказателя от внутриэтнических групп до самых крупных надэтнических общностей, то генетическая информация, задержанная такой многоуровневой сетью, будет равномерно распределена по всем намеченным классификацией уровням общности. Установленная таким образом генетическая значимость уровней общности, выделяемых какой-либо классификацией, является генетическим подтверждением этих уровней как этапов этногенеза.

Такой подход к генетическим данным был осуществлен прежде всего в общесибирском масштабе; генетическая информация о всем коренном населении Сибири (33 этноса, 265 элементарных популяций) анализировалась математическими методами популяционной генетики с применением классификаций шаманских бубнов (Е.Д.Прокофьева), орнамента (С.В.Иванов) и лингвистической.

Таблица I

Уровни классификаций этноопределителей	Вклад в генетич. разнообразие в%
Лингвистические семьи	35
Лингвистические ветви	14
Этносы	18
Географические группы	17
Популяции	16
Группы шаманских бубнов	31
Варианты шаманских бубнов	18
Этносы	20
Географические группы	15
Популяции	17
Группы орнамента	24
Этносы	42
Географические группы	17
Популяции	17

Представленные в таблице I итоги анализа в виде подразделения на процентные доли генетического разнообразия современного населения в соответствии с уровнями его субэтнической и надэтнической структур указывают, прежде всего, на то, что выделенные разными классификациями надэтнические общности действительно являются генетически значимыми, а следовательно, соответствующие этапы этногенеза народов Сибири были жизненно важными для обеспечения не только преемственности культур-

ных традиций, но и генетической преемственности поколений. Вместе с тем, как видно из таблицы I, исходя из изложенного выше принципа "сита", одни классификации, например, шаманских бубнов

и лингвистическая, оказываются генетически более информативны, чем другие.

Если теперь мы изменим ячейки "сита" таким образом, чтобы из всех уровней системы населения остались лишь этнический и субэтнические уровни, то применение такого рода классификации популяций к генетическим данным позволит оценить вклад этнического фактора в генетическое своеобразие популяций. Итоги такого анализа для Сибири в целом и отдельно для Западной Сибири представлены в таблице 2, из которой следует, что отдельно взятый сибирский этнос в среднем на 70% определяет генетическую специфику слагающих его популяций.

Таблица 2

Уровни структуры этноса	Вклад в генетич. разнообразие в %	
	Сибирь в целом	Западная Сибирь
Этносы	70	78
Географические группы	13	16
Популяции	17	12

Это создает прочный фундамент для генетической реконструкции этногенеза. Понятно, что для возникновения генетического своеобразия популяции необходимы минимум два фактора: та или иная степень обособленности от других популяций и время. Чем больше вклад этноса в это своеобразие, тем более своеобразен и длителен путь этногенеза. Генетические различия между отдельными группами населения Сибири, как видим, на 70% детерминированы их этнической историей, в которой генетически значимыми оказываются даже столь отдаленные этапы, как те, что выявляются в надэтнических общностях. Если же обратиться к населению Западной Сибири, где степень детерминации этносом генетического своеобразия популяций оказывается еще более высокой, то можно сделать вывод о большей древности корней западносибирских этносов. Из той же таблицы видно, что внутреннее генетическое разнообразие западносибирских этносов обеднено в сравнении с средним по Сибири, что служит указанием на то, что этногенетический процесс в Западной Сибири находится в иной, более поздней фазе. В докладе также обсуждаются результаты применения классификаций различных этноопределителей к генетическим данным по народам Западной Сибири.

Генетическое разнообразие народонаселения Сибири может быть не только разложено на компоненты, унаследованные от разных этапов этногенеза, но и проанализировано в плане скорости накопления этого разнообразия. Таким образом, генетика позволяет вплотную подойти к изучению скорости этногонического процесса и темпов прохождения этапов и фаз этногенеза. В этом вопросе сотрудничество генетиков, археологов и этнографов представляется особенно плодотворным.

МЕСТО НЕНЦЕВ В СИСТЕМЕ РАСОВЫХ ВАРИАНТОВ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Г.А.Аксенова

С 1972 по 1974 год автором собран новый материал по расовой антропометрии нескольких групп тундровых ненцев (канинские, малоземельские, большеземельские, южноямальские, надымские). Проведено сравнение с литературными данными по народам Сибири, а также с собственными материалами по коми, северным хантам и манси.

Анализ распределения признаков у ненцев показал, что характерными их особенностями являются малый рост, брахикефалия, большие размеры лица, широкий высокий нос с большим нособровным расстоянием, очень часто с вогнутой спинкой, поднятым кончиком и основанием, средняя толщина губ, слабый рост бороды, прямые мягкие черные волосы, сильно выраженные монголоидные особенности глазной области, наклонный лоб, сильно уплощенное скуластое лицо, средневыступающий нос с низким переносьем, высокая проехличная верхняя губа. Среди ненцев заметно выделяется канинская группа относительно малыми размерами головы и лица. Коми являются контрастным по отношению к ненцам народом. Это более высокорослые светлопигментированные европеоиды. Обские угры занимают в целом промежуточное положение, но больше похожи на ненцев.

Женщины по большинству признаков более монголоидны и группы по типу более гомогенны, чем мужчины. Дифференциация женских выборок в целом повторяет дифференциацию мужских, поэтому основной анализ проведен только по признакам в группах мужчин.

При сопоставлении с разными сибирскими народами (исключая народы уральской группы типов) ненцы обычно попадают на нижнюю границу размаха изменчивости признаков в Сибири. Ряд соматоло-

гических особенностей ненцев (низкое широкое лицо, очень темная пигментация мягких волос, при незначительном количестве иссиня-черных, развитая складка века) позволяют искать параллели с катангским типом байкальской расы.

По сумме описательных черт все изученные ненецкие группы занимают промежуточное положение между представителями собственно уральского (ханты, манси) и катангского (западные эвенки) типов. Аналогичное место заняли кеты и чулымцы. Сравнивая абсолютные значения признаков, видим, что ненцы более монголоидны, чем кеты. При этом у них не выявляется тенденции к повышению перепоносы и выпуклости спинки носа. Таким образом, отклонение ненцев и кетов от угорских групп идет непараллельно. Собранными вновь материалами не подтвердилось предположение предшествовавших исследователей о сохранении в наиболее чистом виде "американоидного", по Дебецу, или "кетского", по Шлутеру, типа у восточных ненцев.

По сравнению с чулымцами ненцы имеют такие существенные отличия: более высокое и широкое лицо, более жесткие и темные волосы, сильно развитую складку века. По этим особенностям ненцы приближаются к типу западных эвенков. По соотношению суммарных характеристик измерительных и описательных черт чулымцы напоминают своеобразную канинскую группу ненцев.

Комплекс соматологических особенностей ненцев можно отнести к уральской (урало-лапоноидной) расовой общности, сблизив их с кетами и чулымцами по суммарной концентрации монголоидных и европеоидных компонентов. Включение ненцев (также и чулымцев) в уральскую общность до некоторой степени условно, т.к. они, будучи более монголоидными, заметно отличаются от хантов и манси, которые являются типичными представителями этой общности. Но и по сравнению с народами Восточной Сибири ненцы показывают некоторое ослабление выраженности монголоидных черт (в основном описательных). В связи с этим наличие в рамках уральской расовой общности типов более монголоидных, чем собственно уральский (ханты, манси) кажется правомерным. Они занимают естественное положение связующего звена между уральскими и сибирскими формами.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАЛАС-ПОГОР

О.А.Мурашко, С.Г.Ефимова

Коллекция археологических и остеологических материалов из могильника Халас-Погор, раскопанного в 1909 г. Д.Т.Яновичем на Малой Оби близ Обдорска, поступила в фонды МА МГУ в 1910 г. В коллекции содержится погребальный инвентарь (3464 предмета) и костные остатки из 269 погребений. Подробное описание материалов коллекции имеется в статье О.А.Мурашко и Р.Б.Эренбург (1977). Археологические материалы коллекции изучались В.А.Могильниковым (1964), исследованием краниологических материалов занимались М.Г.Левин (1941), Г.Ф.Дебец (1951).

По нумизматическому материалу коллекция датируется концом XVIII - первой половиной XIX вв.

По традиции, идущей от автора раскопок Д.Т.Яновича, материалы коллекции считаются "остяческими". Однако историко-демографические данные (Руденко, 1914; Мыненко, 1975) показывают, что территория, на которой был расположен могильник, в XVIII - первой половине XIX вв. была заселена как хантами, так и ненцами, между обеими этническими группами существовали брачные связи. С другой стороны, кладбища у ненцев и хантов были родовыми (Бартенев, 1895; Хомич, 1966), т.е. кладбище Халас-Погор могло принадлежать хантам, ненцам или смешанной группе.

Погребальный инвентарь могильника состоит из предметов домашних ремесел (часть из которых, по этнографической литературе, считается характерными для хантов, часть - для ненцев) и предметов русского и зырянского экспорта (металлические изделия). Была предпринята попытка выделения групп погребений по набору погребального инвентаря. В 78 погребениях содержатся плоские деревянные антропоморфные изображения. Этнографические сведения позволяют предположить, что это - "вместилища души умершего", "иттарма" (Бартенев, 1895; Росляков, 1895; Новицкий, 1844; Старцев, 1928; Чернецов, 1959; Хомич, 1971), которые изготавливались всеми группами хантов и некоторыми группами ненцев хантыйского происхождения. Только обдорские остяки по истечении некоторого срока клали эти изображения в могилу умершего.

По наличию или отсутствию деревянных антропоморфных изображений были выделены две группы погребений. Половозрастное распре-

деление по всей коллекции и в группе с изображениями — идентичное, т.е. изображения не принадлежали особой половозрастной категории. Не принадлежали они и особой социальной группе, распределение инвентаря по количеству в группе с изображениями и без них — одинаково.

Был проведен статистический анализ погребального инвентаря этих двух групп. При вычислении показателя сопряженности признаков, по χ^2 критерию, значимое отличие по выделенным группам обнаружено только для двух категорий вещей:

а) ненецкие круглые поясные пряжки, о которых С.И.Руденко в 1914 г. писал, что хотя они и считаются деталью ненецкого костюма, в настоящее время распространены как у хантов, так и у ненцев. В материалах могильника Халас-Погор они являются отличительной принадлежностью женских погребений без антропоморфных изображений;

б) оловянные решетчатые отливки, нашиваемые на одежду, в конце XIX и в XX вв. были распространены у хантов и у ненцев. В женских погребениях Халас-Погор в обеих группах они распределены равномерно, но в мужских погребениях статистически связаны с антропоморфными изображениями.

Показатель сопряженности признаков по остальным категориям вещей оказался статистически незначимым при 95%-ном уровне значимости, хотя во многих случаях распределение отдельных категорий вещей отличается от нормального, что, возможно, свидетельствует о протекавших в XVIII-XIX вв. процессах культурной ассимиляции. Сопоставление археологических данных XVIII — начала XIX вв. и этнографических сведений XIX-XX вв. позволяет предположить, что за период с XVIII по XX в. многие элементы материальной культуры, которые еще в XVIII в. могли служить этническими маркерами, к началу XX в. были уже одинаково характерны для хантыйского и ненецкого населения Нижней Оби.

В связи с тем, что археологические материалы могильника позволяли выделить определенные группы погребений, был проведен дополнительный внутригрупповой анализ краниологических материалов с учетом вышеперечисленных этнографических маркеров. Нами использовались бланки измерений М.Г.Левина (архив НИИ антропологии МГУ), размеры горизонтальной профилировки и высоты переноса измерялись дополнительно. В соответствии с выделенными по археологическим материалам группами погребений серии мужских черепов

была разбита на две группы, а в серии женских погребений выделено три группы. Сопоставление средних значений краниометрических признаков по $\pm$ -критерию не выявило статистически достоверных различий между группами. Анализ дисперсий и корреляционной матрицы (Рогинский, 1954) признаков не позволяет говорить о резкой гетерогенности группы и не указывает на недавнюю метисацию. Однако некоторые отличия серии из Халас-Погор от других хантыйских серий (Дремов, 1973) указывают на определенную роль метисационных процессов в формировании антропологического облика этой группы.

Таким образом, на данном этапе исследования не выявлено статистически достоверного соответствия археологически выявленных групп и определенного морфологического комплекса, что, по-видимому, указывает на отсутствие прямой функциональной связи между процессами метисации и культурной ассимиляции. Для дальнейшего изучения материалов позднего долговременного памятника, каким является Халас-Погор, видимо, необходима разработка внутренней хронологии могильника и применение более тонких методов статистических оценок, внутригрупповой кластерный анализ серии по системам краниометрических и дискретно-варьирующих признаков.

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАР СИБИРИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Г.Л.Хить, Н.А.Томилов

Этногенез татар Сибири составляет одну из сложнейших проблем сибиреведения. Установлено, что его основу составили древние тюркские, по преимуществу местные, племена. Известно также, что в процессе формирования татар приняли участие многие исчезнувшие и ныне существующие племена и народы (купчаки, угры, самодийцы, казахи, таджики, узбеки, башкиры, ногайцы, уйгуры, казанские татары, телеуты, монголы, русские и др.).

В течение полевых сезонов 1976-1979 гг. экспедиции Омского государственного университета собрали дерматоглифический материал среди основных территориальных групп татар. Ниже излагается данные о кожном рельефе кисти мужских выборок, включавших в общей сложности около 1200 человек.

Сибирские татары в целом имеют средний дельтовый индекс (13,44), низкий индекс Камминса (7,98), высокое содержание осевого проксимального триадакуса (78,1%), небольшую частоту узоров

на гипотенаре и добавочных межпальцевых трирадиусов (24,9% и 16,4% соответственно). Этот комплекс признаков позволяет отнести татар к кругу метисных монголоидно-европеоидных форм со значительным преобладанием монголоидного компонента.

По величинам и сочетаниям признаков сибирские татары в целом почти идентичны суммарной группе населения Хакасии, а в ее пределах наиболее близки к качинцам, сагайцам, бельтырам. Большое сходство связывает татар с калмыками, ногайцами, казахами. В таксономической системе, включающей все монголоидные популяции СССР, сибирские татары располагаются в одном скоплении с указанными народами.

Согласно данным внутригруппового анализа, основная масса татар Сибири (тобольские, тюменские, тарские, барабинские и эвтинцы) гомогенна, близка к общетатарской серии и максимально сходна с хакасами в целом. Заболотные татары явно имеют иное происхождение: они чрезвычайно близки к березовским хантам и гораздо более монголоидны по сравнению с остальными татарами. Ялуторовская группа имеет прямые аналогии в лице казанских татар и мордвы-мокши и в целом гораздо более сходна с европеоидным населением Европейской части СССР, чем с монголоидами Сибири. У чатов и калмаков также наблюдается ослабление монголоидных черт, в основном за счет понижения дельтового индекса, аналогичные величины которого отмечены также у некоторых групп алтайцев и тувинцев. Чаты по комплексу признаков чрезвычайно сходны с селькупам. Калмаки не обнаруживают сходства с бочатскими телеутами Кемеровской области.

Таким образом, данные о кожном рельефе кисти у татар Сибири указывают на генетическое родство татар с тюркоязычным населением Алтае-Саян. В крайних группах татар обнаруживаются следы влияния восточноевропейских, угорских и самодийских групп.

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

С НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Р.М.Фаттахов

На рубеже новой эры в Волго-Камье проживало население пьяноборской культуры, которое характеризовалось длинной, узкой или среднеширокой, средневысокой черепной коробкой, среднеширским, средневысоким, сильнопрофилированным в горизонтальной плоскости

лицом, средневысоким переносьем, умеренно выступающим носом. В целом подобный комплекс признаков укладывается в пределы европеоидного, но выступание носа для европеоидов ослабленное.

Антропологический тип населения этой территории не остался одинаковым на протяжении I тыс. н.э. Население Волго-Камья середины I тыс. н.э. отличалось от предшествовавшего более широкой черепной коробкой, более широким, высоким, уплощенным лицом, более высоким переносьем и сильнее выступающим носом. Признаки как бы противоречивы: с одной стороны, усиливаются европеоидные черты — увеличивается высота переносья и выступание носа, а с другой — увеличивается ширина, высота и уплощенность лица, что указывает на усиление монголоидных особенностей. Индекс уплощенности лицевого скелета и процент монголоидной примеси в сериях середины I тыс. н.э. выше, чем в сериях пьяноборского времени. Эти данные свидетельствуют о появлении в Волго-Камье пришлого населения. Проникновение шло с юго-востока. Пришлого население характеризовалось смешанными европеоидно-монголоидными чертами. Поэтому население Волго-Камья середины I тыс. н.э. отличалось от предшествующего усилением европеоидных особенностей по одним признакам и монголоидных — по другим.

Процесс проникновения в Волго-Камье населения с юго-востока продолжался на протяжении всего I тыс. н.э. Один из двух антропологических вариантов, распространенных на территории Волго-Камья в конце I — нач. II тыс. н.э. формировался под влиянием населения из других областей. Представление о физическом типе новых для территории Прикамья групп дают антропологические материалы из Больше-Тиганского и IV Биллярского могильников. Обе серии характеризуются европеоидно-монголоидным сочетанием признаков: довольно широкая черепная коробка, широкое, средневысокое, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости лицо с выступающим переносьем и носом.

Полученные результаты совпадают с выводами археологов, которые считают, что в I тыс. н.э. в Прикамье и Приуралье проникают тюркские и угорские племена (Халиков, 1971; Генинг, 1972; Мажитов, 1977).

ЛИТЕРАТУРА*

- Алексеев В. П. 1975. Возникновение человека и общества. - В кн.: Первобытное общество. М.
- Алтын Арыг. 1958. Сборник героических сказаний. На хак. яз. Абакан.
- Алтын Тайчи. 1973. Героическое сказание. На хак. яз. Абакан.
- Андреев А. И. 1960. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. М.-Л.
- Андреев А. И. 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II. М.-Л.
- Бадер О. Н. Обориц В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.
- Бартенев В. 1895. Погребальные обычаи остяков. - Живая старина, № 4.
- Белицер В. Н. 1958. Очерки по этнографии народов коми. - Труды Института этнографии, т. 45, м.
- Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. М.
- Буров Г. М. 1965. Вычегодский край.
- Буров Г. М. 1967. Древний Синдор. М.
- Вадецкая Э. Б. 1973. К истории археологического изучения Минусинских котловин, ИЛАИ, вып. VI, Кемерово.
- Воронов А. Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самозапов Томской губернии. - Записки ИРГО по отделению этнографии, т. 18.
- Викторова В. Д. 1964. Курганы у с. Макушино на р. Ныце. - В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа.
- Викторова В. Д. 1968. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н.э. - Учен. зап. Пермского госуниверситета, № 191. Пермь.
- Генинг В. Ф. 1965. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения. - Acta Archaeologica, Budapest, t. XVII, f. 1-4.
- Генинг В. Ф. 1975. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии. - Вопросы археологии Урала, 13. Свердловск.

* Составлена по работам, имеющим списки литературы.

Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. - Вопросы археологии Урала, 12. Свердловск.

Голдина Р. Д. 1977. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников. - В кн.: Древности Волго-Камья. Казань.

Громыко М. М. 1977. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII - первой половины XIX в. - Источниковедение отечественной истории. Сборник статей, 1976. М.

Дебец Г. Ф. 1951. Антропологические исследования в Камчатской области. - ТИЭ (нов. серия), т. XVIII.

Длужневская Г. В., Семенов В. А. 1979. Окружающая среда и хозяйственно-культурные особенности южной части Саянского каньона р. Енисей. - В кн.: Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск.

Долуханов П. М. 1979. География каменного века. М.

Дунин-Иоркавич А. А. 1911. Тобольский Север, т. III. Тобольск. Приложение У. Материалы для изучения обычного права инородцев Березовского уезда.

Евтюхова Л. А. 1948. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов). Абакан.

Фименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. - Записки ИРГО по отделению этнографии, т. 8.

Жеребцов Л. Н. 1972. Расселение коми в XV-XIX вв. Сыктывкар.

Жеребцов Л. Н. 1974. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами. - Научные доклады, Коми филиал АН СССР, вып. 14. Сыктывкар.

Из области обычного права сибирских инородцев. - Восточное обозрение, 1883, № 17 и др.

Казакзв Е. П. 1977. О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии. - В кн.: Древности Волго-Камья. Казань.

Каменецкий И. С., Маршак В. И., Шер Я. А. 1975. Анализ археологических источников. М.

Канивец В. И. 1964. Канинская пещера. М.

Киселев С. В. 1949. Древняя история Южной Сибири. М.-Л.

Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
Клеменц Д. 1886. Из поездки в Качинскую степь. - Восточное обозрение, № 47.

К. Д. 1884. Минусинская Швейцария и боги пустыни. - В кн.: Восточное обозрение, № 5, № 12.

Кок Хан. 1974. Героическое сказание. На хак. яз. Абакан.

Кондаков Н. И. 1975. Дефиниция. Классификация. Понятие.

Правила определения понятий. - Логический словарь-справочник. М.

Кондратьев В. А. (рец.). 1962. В. И. Стрельский. Основные принципы критики источников по истории СССР. - Вопросы истории, № 2.

Кононов А. П. 1978. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. - В кн.: Тюркологический сборник. 1974.

Корнилов И. 1851. Очерки быта лесных зверопромышленных инородцев Восточной Сибири. - Библиотека для чтения, т. 108, отд. IV. /СПб./.

Кубарев В. Д. 1979. Древние изваяния Алтая. Новосибирск.

Кузеев Р. Г. 1976. К вопросу об этнографическом источниковедении. - Южноуральский археографический сборник, вып. 2. Уфа.

Кызласов Л. Р. 1975. Курганы средневековых хакасов. - В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.

Лашук Л. П. 1960. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР. - Известия Коми филиала ВГО, вып. 6. Сыктывкар.

Лашук Л. П. 1961. Происхождение народов коми. Сыктывкар.

Леви́н М. Г. 1941. Краниологический тип ханты и манси. - В кн.: Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938-1939 гг.

Лыткин В. И. 1957. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар.

Любин В. П. 1972. К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите (по материалам Кавказа). - В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.

Маркарян Э. С. 1978. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур. - В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума, Ереван.

Маркарян Э. С. 1979. Проблема целостной характеристики предмета истории культуры. - История СССР, № 6.

Маркарян Э. С. 1980. Этническая вариативность культуры как выражение ее локального разнообразия. - СЭ, № 3.

Массон В. М. 1972. Понятие культуры в археологической систематике. - В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания. Ташкент.

Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2-6 октября 1972). 1977. - Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976. М.

Мелентьев А. Н. 1980. О возникновении скотоводства в евразийских степях. - В кн.: Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

Миненко Н. А. 1975. Население Северного Приобья в XIII - первой половине XIX вв. Новосибирск.

Могильников В. А. 1965. Материалы древних угорских культур в материалах хантыйских погребений Халас-Погор. - В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 2. Уфа.

Мурашко О. А., Эренбург Р. Б. 1977. Остяцкие коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ. - Вопросы антропологии, вып. 55.

Некоторые сведения о законах и обычаях инородцев Березовского округа. 1860. - Тобольские губернские ведомости, № 8, 9, 10.

Новицкий Гр. 1844. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб.

Носилов К. 1888. Юридические обычаи маньчжур. - В кн.: Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, вып. III. М.

Обдорской управы книга для записей приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901 гг.). 1970. Томск. Подготовка текста к печати, предисловие и примечания В. А. Зибарева.

Основы этнографии. 1968. Под ред. С. А. Токарева. М.

Потапов Л. П. 1957. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан.

- Потапов Л. П. 1969. Очерки народного быта тувинцев. М.
Пояснительные примечания к своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Б/м., б/г.
- Пропп В. Я. 1976. Специфика фольклора. - В кн.: В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.
- Путилов Б. Н. 1977. Проблемы типологии этнографических связей фольклора. - В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
- Пушкарев Л. Н. 1965. Источниковедение. - Советская историческая энциклопедия, т. VI. М.
- Пушкарев Л. М. 1975. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.
- Рене Д. 1967. Основные правовые системы современности. М.
- Розляков И. П. 1895. Похоронные обряды остяков. - Ежегодник Тобольского губернского музея, вып. У.
- Руденко С. И. 1914. Инородцы Нижней Оби. - Труды Общества землеведения при Имп. СПб. университете, т. III.
- Руденко С. И. 1914^a. Предметы из остяцкого могильника близ Обдорска. - Материалы по этнографии России, т. II. СПб.
- Савельева Э. А. 1971. Пермь Вычегодская. М.
- Старцев Г. 1928. Остяки.
- Сборник обычного права сибирских инородцев. 1876. Издание Д. Я. Самохвасова. Варшава.
- Сборник народных юридических обычаев. 1878, т. I, СПб.
- Сборник народных юридических обычаев. 1900, т. 2, СПб.
- Северцев А. Н. 1967. Главные направления эволюционного процесса. М.
- Семенов Ю. И. 1966. Как возникло человечество. М.
- Синицина И. Е. 1978. Обычай и обычное право в современной Африке. М.
- Стрельский В. И. 1976. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев.
- Стродс Х. П. 1977. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях. - Источниковедение отечественной истории. Сборник статей 1976. М.
- Суханов И. В. 1976. Обычай, традиции и преемственность поколений. М.

Суховерхий П. 1884. Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев. - Енисейские епархиальные ведомости, № 21.

Теплоухов С. А. 1929. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края. - МЭ, т. IV, вып. 2. Л.

Толстов С. П. 1947. Советская школа в этнографии. - Советская этнография, № 1.

Троицкая Т. Н. 1978. Красный Яр I - памятник позднего железного века. - В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири.

Троицкая Т. Н. 1979. К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во II пол. I тыс. н.э. - В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск.

Трояков П. А. 1973. Социальные истоки мотива трудных задач в волшебной сказке хакасов. - Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, вып. XLIII, серия филологическая, № 2. Абакан.

Трояков П. А. 1977. От этнографических реалий к сказочному мотиву. - В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М.

Угринович Д. М. 1975. Обряды за и против. М.

Усманова М. С. 1976. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов. - В кн.: Из истории Сибири, вып. 19. Томск.

Формозов А. А. 1976. К характеристике палеолитического населения Мальта. - СА, № 2.

Харузин Н. 1901. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Вып. I. I. Часть общая. 2. Материальная культура. Спб.

Хомич Л. В. 1971. О некоторых предметах культа надымских ненцев. - Сб. МАЭ, т. XXII.

Хомич Л. В. 1966. Ненцы. Л.

Хотинский Н. А., Волкова В. С., Левина Т. П., Лисс О. Л. 1979. Хронология, периодизация и палеогеография голоцена Западной Сибири. - В кн.: Особенности естественно-географической среды. Томск.

Чебоксаров Н. Н. 1946. Этногенез коми по данным антропологии. - Советская этнография, № 2.

Чернецов В. Н. 1967. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. - МИА, № 58.

Чернецов В. Н. 1959. Представления о душе у обских

угров. - Труды Института этнографии, новая серия, т. II.

Черноморский М. Н. 1966. Источниковедение истории СССР (Советский период). М.

Чистов К. В. 1970. Фольклор и этнография. - В кн.: Фольклор и этнография. Л.

Чиндина Л. А. 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск.

Читая Г. С. Принципы и методика полевой этнографической работы. - Этнографическое совещание 1956. Тезисы докладов на пленарных заседаниях. М.-Л.

Шмидт С. О. 1969: Современные проблемы источниковедения. - Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.

Юридические обычаи остяков Березовского округа. Юридические обычаи остяков Сургутского округа. Юридические обычаи самоедов Березовского округа. - В кн.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Изд. Тобольского статистического комитета. Тобольск, 1884.

Содержание

Общие методологические вопросы

М. Ф. Косарев. Некоторые методологические проблемы западносибирской археологии	3 ✓
В. И. Матющенко, И. П. Глушков. Некоторые методологические вопросы археологических исследований в Западной Сибири	7
А. Ф. Косарев. К проблеме единства антропо- и зооногенеза	II
Э. С. Маркарян. Проблема эквивалентности культурно-исторических систем в связи с задачей их сравнительного изучения	13
Л. С. Клейн. О языке вещей	16
М. В. Аникович. О содержании понятия "археологическая культура"	18 ✓
Ю. П. Холушкин. Археологическая культура как объект формального анализа	21

Проблемы источниковедения археологии и этнографии

Н. В. Дуккина. О понятии "этнографический источник" (к постановке вопроса)	24
Р. Г. Кузнецов. Этногенетика башкир (к вопросу об этнографическом источниковедении)	28
В. А. Зибарев. Обычное право малых народов Севера (обзор литературы и источников)	30
О. А. Деревянко. В. В. Радлов как археолог и этнограф Сибири	34
Н. И. Шатинова. Заклинания алтайцев как историко-этнографический источник	37
М. С. Усманова. Хакасский фольклор как этнографический источник	39
Н. В. Юхнева. К методике использования статистических источников конца XIX - начала XX вв. в этнографических исследованиях	41 ✓

Этническая и социальная интерпретация археологических культур

А. Х. Халиков. Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья в	
---	--

эпохи камня и бронзы и их этнокультурная интерпретация	43 ✓
Г. Е. Марков. Классификация скотоводства и дефиниции	45
Ф. Х. Арсланова. Культовые предметы из женских захоронений Прииртышья	48
Н. А. Бокоренко. Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным	50
Г. М. Буров. К проблеме археологических культур и историко-культурных общностей на крайнем европейском Северо-Востоке	53
Э. Б. Вадецкая. Археологический и этнографический аспекты исследования погребальных памятников (на примере таштыкского могильника Комаркова Песчаная)	56 ✓
И. В. Васильев, В. А. Могильников. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа . .	58 ✓
В. А. Иванов. К хронологии и этнической интерпретации раннесредневековых могильников Южного Урала	61 ✓
Е. П. Казakov. Об одном из вариантов культа коня в средневековых памятниках Евразии	64
Б. А. Конилов. К этносоциальной характеристике культур таяжного Прииртышья VI-XIII вв. н.э. . .	66
И. И. Крупчик. К истории аборигенной приморской культуры в Западном секторе Арктики	70
Г. Н. Курочкин. Безусловная лингвистическая модель как основа археологических реконструкций в области этногенеза (еще раз об этнической атрибуции андроновской культуры)	73
Н. А. Мажитов. К изучению общественного строя племен Южного Урала эпохи средневековья	76
В. Б. Медведев. Чжурчжэньская культура: ее варианты и связь с чжурчжэньским этносом (Приамурье)	78
С. С. Миняев. К проблеме выделения тунгусских памятников Сибири	80
В. А. Могильников. О культурах лесной полосы Западной Сибири II половины I т.э. н.э.	82

А. М. Му р ы г и н. О некоторых традициях в раннесредне- вековой керамике Северного Приуралья	86
А. Г. П е т р е н к о. Остатки коня в погребениях Боль- ше-Тиганского могильника	88
Л. М. П л е т н е в а. О культурной и этнической принад- лежности памятников Томского Приобья У-Уш вв. н.э.	90
М. Л. П о д о л ь с к и й. Погребальный ритуал и пред- ставления о пути в загробный мир (по археологи- ческим материалам Минусинской котловины) . . .	93
Д. Г. С а в и н о в. Об этническом определении археоло- гических памятников в эпоху средневековья . . .	96
В. А. С е м е н о в. Охотники и скотоводы в III-II тыс. до н.э. на северо-западной периферии Тувы в све- те археолого-этнографических данных	99
П. Н. С т а р о с т и н. Об интерпретации некоторых проб- лем ремесел у племен азелинской культуры . . .	102
Л. П. Х л о б ы с т и н. Происхождение иганасанов по ар- хеологическим данным	102
М. Д. Х л о б ы с т и н а. К социальной интерпретации археологической культуры (по материалам погреб- ных комплексов)	105
Ю. С. Х у д я к о в. Опыт этнической интерпретации сред- невековых погребений Минусинской котловины . .	109
А. В. Ц и р к и н. Кочевники в Кузнецкой котловине (к во- просу о тюркизации долины р.Томи и Ачиноко-Ма- рининской лесостепи в раннее средневековье) . . .	111
А. А. Ч а р и к о в. К вопросу о происхождении стоящих статуй раннего средневековья	113
Д. А. Ч и н д и н а. О методике социальных реконструк- ций по некоторым археологическим источникам . .	115
<u>О методике археолого-этнографических параллелей</u>	
М. Ф. К о с а р е в. К вопросу о методике археолого-этно- графических сопоставлений	119
В. И. М а т в е н к о. О соотношении археологических и этнографических материалов в исторических исследованиях	123

В. Б. Богомолов, Н. А. Томилов. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований	125
В. Б. Богомолов, В. И. Соболев. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар	129
С. А. Васильев. Основные направления археолого-этнографических исследований	132
Г. И. Грачева, Л. П. Хлобютин. Вопросы методики использования данных этнографии в археологических исследованиях	134
Л. С. Клейн. Археолого-этнографические сопоставления	138
В. М. Кулемзин. О методике сбора полевых материалов по религиозным представлениям	141
Р. В. Николаев. К вопросу об использовании параллелей между источниками различных профилей при постановке и решении проблем этногенеза (на примере народов бассейна Енисея)	143
Н. Н. Чеснокова. Возможности применения различных методик в анализе керамического материала	145

Экологические аспекты археологии и этнографии

Л. Б. Ермолов. Зависимость охотничьего хозяйства тунгусо-маньчжурских народов от экологических условий	147
Н. М. Ермолова. Проблема изучения скотоводства у древнейших племен Сибири	149
В. А. Козьмин. Экологические факторы сложения западносибирского оленеводства	150
Н. Д. Конаков. Естественное географическая среда и традиционная народная культура коми	153
А. В. Конавалов. О факторах формирования этнической группы (на примере казахов Южного Алтая)	156
В. Н. Логвин. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите-бронзе степной полосы СССР	158
А. И. Пика. Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVI-XIX вв.	160

А. М. Решетов. Экология и хозяйственно-социальная жизнь селькупов в конце XIX — начале XX вв. . .	163
Е. Е. Ситникова. О типологически сходных явлениях в культовой практике у народов Сибири	166

Антропологические аспекты
этнической истории Западной Сибири

Ю. Г. Рычков. Генетика в этногенезе населения Сибири	167
Е. В. Ящук, Ю. Г. Рычков. О генетически значимых этапах этногенеза населения Сибири	170
Г. А. Аксенова. Место ненцев в системе расовых вариантов народов Западной Сибири	173
О. А. Мурашко, С. Г. Ефимова. К вопросу об этнической интерпретации материалов из могиль- ника Халас-Ногор	175
Г. Л. Хитъ, Н. А. Томилов. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии . .	177
Р. М. Фаттахов. О контактах населения Волго-Камья I тыс. н.э. с населением Сибири по данным антро- пологии	178
Л и т е р а т у р а	180

1-427734

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00314062